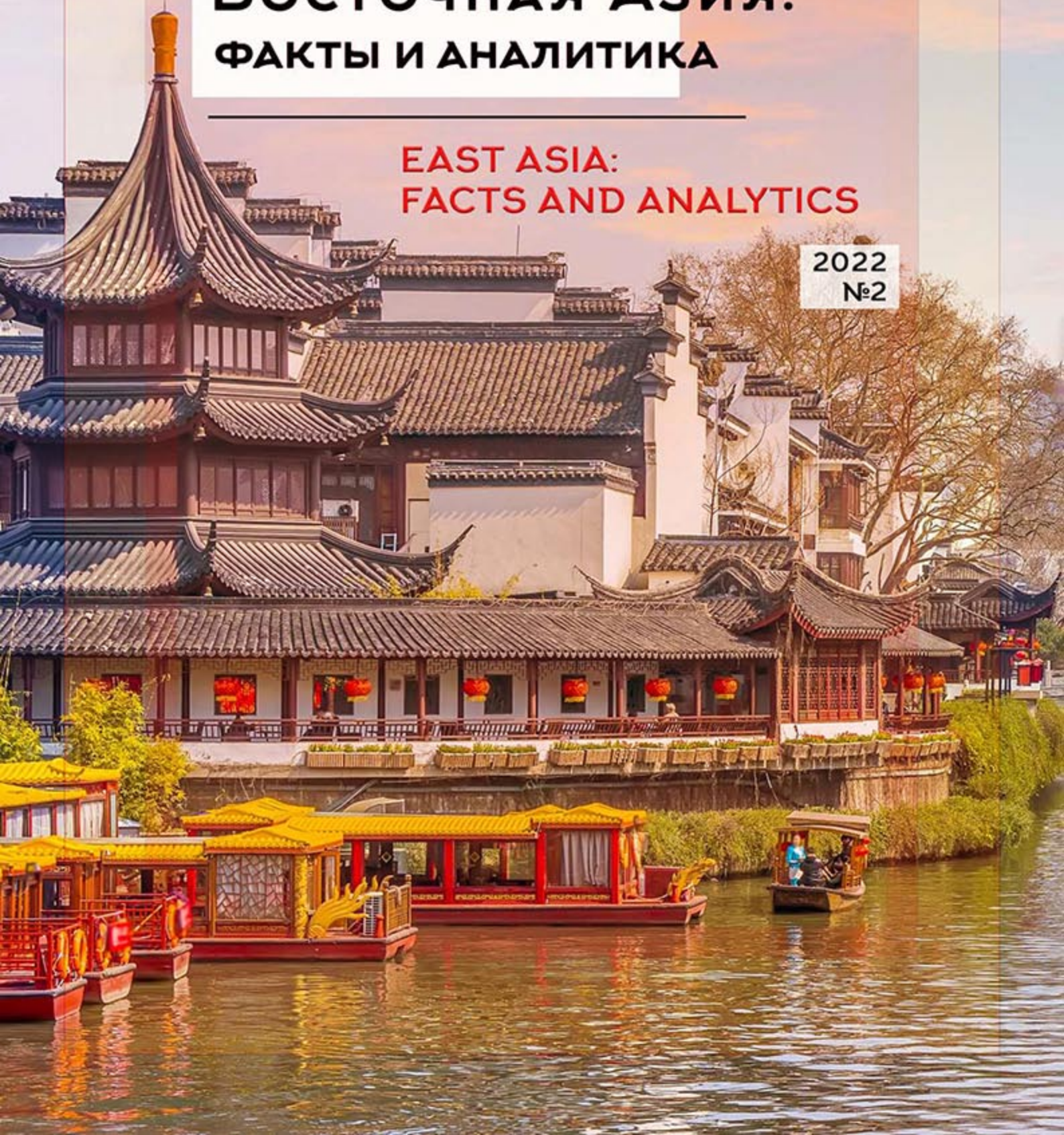

ISSN 2686-7702

Восточная Азия: ФАКТЫ И АНАЛИТИКА

EAST ASIA:
FACTS AND ANALYTICS

2022
№2

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук
(ИДВ РАН)
www.ifes-ras.ru

Электронный научный информационно-аналитический журнал «Восточная Азия: факты и аналитика» издаётся ежеквартально с 2019 г. Журнал освещает широкий круг актуальных научных проблем стран Восточной и Юго-Восточной Азии, включая вопросы внутренней и внешней политики, экономики и общества, истории, литературы и языкознания, культуры и религии. Издание представляет информационно-аналитические материалы, посвящённые современным экономическим, политическим, социальным и культурным процессам в регионе. Все научные статьи проверяются на плагиат, рецензируются и получают DOI.

Учредитель: Институт Дальнего Востока РАН.
URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Входит в Научную электронную библиотеку eLibrary.ru, Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».
- Входит в DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, ROAD.

Главный редактор: Горчакова Т.Е., к.э.н. (Россия).

Редакционная коллегия: Виноградов А.В., д.полит.н (Россия); Казаков О.И. (*отв. секретарь*) (Россия); Кистанов В.О., д.и.н. (Россия); Колотов В.Н., д.и.н. (Россия); Мазырин В.М., д.э.н. (Россия); Мосяков Д.В., д.и.н. (Россия); Никитин А.И., д.полит.н. (Россия); Островский А.В., д.э.н. (Россия); Панов А.Н., д.полит.н. (Россия); Потапов М.А., д.э.н. (Россия); Сафронова Е.И., к.э.н. (Россия).

Редакционный совет: Афонасьева А.В., к.э.н. (Россия); Бабаев К.В., д.ф.н. (*председатель*) (Россия); Бородич В.Ф., к.ю.н. (Россия); Ву Кхоан (Вьетнам); Ёкотэ Синдзи, проф. (Япония); Жебин А.З., к.полит.н. (Россия); Квак Тэ Хван, проф. (Республика Корея); Кобелев Е.В., к.и.н. (Россия); Нгуен Данг Фат (Вьетнам); Соколовский А.Я., к.ф.н. (Россия); Такэда Масанао, проф. (Япония).

Редакция: Ильинская И.Д., Кириченко М.А., Скворцова Е.М., Суркова Т.И.

Отрасли науки:

03.00.00 История. Исторические науки
06.00.00 Экономика. Экономические науки
23.00.00 Комплексное изучение отдельных стран и регионов

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business
6.01 History and archaeology
6.05 Other Humanities

Дизайн обложки: В.Н. Субочева.

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2686-7702

© Коллектив авторов
© ИДВ РАН

The electronic scientific information and analytical periodical “East Asia: Facts and Analytics” is published quarterly since 2019. The edition presents the coverage of the widest range of actual scientific problems of the East and Southeast Asian countries, including the issues of domestic and foreign policy, economy and society, history, literature and linguistics, culture and religion. The periodical provides the information and analytical material focusing on modern economic, political, social and cultural processes in the region. All academic articles are checked for plagiarism and peer-reviewed, and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies RAS.

URL: <http://eastasiajournal.ru>

- Included in Russian Scientific Digital Library “eLibrary.ru”, Russian Science Citation Index, Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.
- Included in DOAJ, ErihPlus, EBSCO, EastView, Zenodo, BASE, ROAD.

Editor-in-chief: Gorchakova Tatiana E. (Russia), PhD (Economics).

Editorial Board: Kazakov Oleg I. (Russia) (*Executive Secretary*); Kistanov Valerii O. (Russia), DSc (History); Kolotov Vladimir N. (Russia), DSc (History); Mazyrin Vladimir M. (Russia), DSc (Economics); Mosyakov Dmitry V. (Russia), DSc (History); Nikitin Alexander I. (Russia), DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V. (Russia), DSc (Economics); Panov Aleksandr N. (Russia), DSc (Political Science); Potapov Maxim A. (Russia), DSc (Economics); Safronova Elena I. (Russia), PhD (Economics); Vinogradov Andrey V. (Russia), DSc (Political Science).

Editorial Council: Afonaseva Alina V. (Russia), PhD (Economics); Babaev Kirill V. (Russia), DSc (Philology) (*Head of the Editorial Council*); Borodich Vladimir F. (Russia), PhD (Law); Kobelev Evgeni V. (Russia), PhD (History); Nguyen Dang Phat (Vietnam), PhD (Economics); Sokolovsky Aleksandr Ya. (Russia), PhD (Philology); Tae-Hwan Kwak (Republic of Korea), professor; Takeda Masanao (Japan), professor; Vu Khoan (Vietnam); Yokote Shinji (Japan), professor; Zhebin Aleksandr Z. (Russia), PhD (Political Science).

Editors Office: Ilinskaya Irina D., Kirichenko Maria A., Skvortsova Elizaveta M., Surkova Tatiana I.

Branch of Science (in the Russian Federation):

03.00.00	History
06.00.00	Economics
23.00.00	Comprehensive study of individual countries and regions

OECD Fields of Science:

5.02	Economics and business
6.01	History and archaeology
6.05	Other Humanities

Cover design: Victoria N. Subocheva.

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

СОДЕРЖАНИЕ

Уизарат Шаида

Размышления о Новом Мировом порядке (на англ.) 6

Пиковер А.В.

Пандемия как катализатор информатизации КНР 13

Регновский В.И.

Влияние внешних крупных игроков на региональную безопасность
в Юго-Восточной Азии..... 23

Стрельцов Д.В.

Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны 32

Поленова А.Л.

Межкорейское культурно-гуманитарное сотрудничество
на современном этапе 47

Бородич В.Ф.

Режим самовластия разрушительного типа – опыт Китая эпохи Мао Цзэдуна 56

Очерки

Панкадж К. Джа

Взаимодействие АСЕАН и Индии: достижение геополитических
и стратегических целей (на англ.) 67

Статистика. Комментарии. Заметки

Гущина Д.А.

К вопросу о новом подходе к оценке научной деятельности (на англ.)..... 78

Обзор СМИ

Скворцова Е.М.

Обзор СМИ стран Восточной Азии (апрель – июнь 2022 г.)..... 87

НОВЫЕ КНИГИ 94

CONTENTS

Wizarat Shahida

Some thoughts on evolving a New World 6

Pikover A.V.

Pandemic as a catalyst for the informatization of the PRC 13

Regnovskii V.I.

The influence of external major players on regional security in Southeast Asia 23

Streletsov D.V.

Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War 32

Polenova A.L.

Inter-Korean cultural and humanitarian cooperation at the present stage 47

Borodich V.F.

A Destructive Autocracy Regime – China's Experience in the Mao Zedong Era 56

Essays

Pankaj K. Jha

ASEAN-India Interactions: Meeting geopolitical and strategic objectives 67

Statistics. Comments. Notes

Gushchina D.A.

On the New Approach to the Evaluation of Scientific Activity 78

Media Review

Skvortsova E.M.

East Asian countries media overview (April – June 2022) 87

NEW BOOKS 94

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-6-12

Размышления о Новом Миропорядке

Шаида Уизарат

Аннотация. Нынешний мировой порядок, сформировавшийся после Второй мировой войны, сегодня переживает упадок. ООН оказалась неспособной урегулировать международные конфликты в ряде регионов. Наиболее явно это проявилось в контексте проблем Джамму, Кашмира, Ладакха и Палестины. Так, кашмирцам отказывается в праве на самоопределение, гарантированном резолюциями 91 от 1951 г. и 122 от 1957 г. Совета Безопасности ООН и статьёй 42 Гаагской конвенции 1907 г., в то время как граждане богатых стран постоянно реализуют такое право. Мировой порядок ещё больше деградировал после распада Советского Союза и последовавшего за этим образования однополярного мира. Крупные заимствования развивающихся стран у международных финансовых институтов сделали их задолженность критической, в то время как перспективы процветания этих государств и без того были достаточно иллюзорными, что выявили события в Шри-Ланке и Пакистане. Последствия экономической рецессии оказываются очень существенными для этих стран, в то же время их поглощает политический кризис, что сильно дестабилизирует ситуацию. Более того, экономика, нацеленная на постоянное наращивание вооружений и ведение боевых действий, привела к человеческим страданиям, разрушению инфраструктуры, бомбардировкам мирного населения, принося процветание богатым странам – производителям оружия. Это то, что нынешний глобальный экономический порядок дал развивающимся странам за последние 75 лет. Тем временем новый миропорядок, который можно оценить на примере инициативы Китая «Пояс и путь», является беспроблемной моделью. Он сулит процветание как принимающим, так и инвестирующим странам посредством получения дохода. Более того, замена доллара и других твёрдых денежных единиц местными валютами, а также бартерная торговля существенно облегчат финансовую ситуацию и положат конец гегемонии США. Бойкот санкций, введённых Группой разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF) и другими органами, также может стать началом конца нынешней международной финансовой системы и её замены альтернативной моделью. Наконец, в то время как суверенные страны защищали свои национальные интересы, не бросая вызов американскому нарративу о терроризме, пришло время разоблачить лицемерие и двойные стандарты, присущие западной риторике.

Ключевые слова: Китай, Россия, Кашмир, Палестина, новый мировой порядок, инициатива «Пояс и путь» (ИПП), международные финансовые институты (МФИ).

Автор: Шаида Уизарат, доктор экономических наук, декан Колледжа экономики и социального развития, Институт управления бизнесом (Коранги Крик Карачи Синд, Пакистан 75190); ORCID: 0000-0002-5212-6292; E-mail: wizarat@iobm.edu.pk

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Уизарат Ш. Размышления о Новом Миропорядке // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 6–12. (На англ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-6-12

Some Thoughts on Evolving a New World Order

Shahida Wizarat

Abstract. The present World Order formulated at the end of the Second World War is crumbling. The UN has failed to resolve conflicts and bring peace. The issues of Jammu, Kashmir, Ladakh and Palestine are the most outstanding examples of total failure of the UN. Kashmiris are being denied the right to self-determination promised to them by Security Council Resolutions 91 of 1951 and 122 of 1957 and Article 42 of The Hague Regulations 1907, while rich countries' citizens have been exercising their right to self-determination on a regular basis. The World Order deteriorated further after the breakup of the Soviet Union and the resulting unipolar world. Heavy borrowings from the International Financial Institutions (IFIs) by developing countries have made their debts unsustainable, while development has been elusive as events in Sri Lanka, Pakistan and several other countries reveal. Economic and social crises have also hit them hard, while political crisis is not just looming large, but consuming them wholly and is very destabilizing. Moreover, the permanent arms economies and the permanent war economies have brought a lot of miseries, destruction of infrastructure, bombing of civilians, bringing prosperity to rich armament producing countries. This is what the present economic order has given to developing countries during the last 75 years. The New World Order which can be glimpsed from the Belt and Road Initiative by China is a win-win model. It brings prosperity in both host and investing countries through income generation. Moreover, the replacing of the dollar and other hard currencies by local currencies and barter trade will ease the financial situation substantially and end US hegemony. The boycott of sanctions imposed by Financial Action Task Force (FATF) and other bodies could also be the beginning of the end of the present international financial system and its replacement by an alternative system. And finally, while sovereign countries have been protecting their national interests without challenging the US narrative on terrorism, time has come to expose the hypocrisy and the double standards inherent in the western rhetoric.

Keywords: China, Russia, Kashmir, Palestine, New World Order, Belt and Road Initiative (BRI), International Financial Institutions (IFIs).

Author: Wizarat Shahida, PhD (Economics), Dean College of Economics and Social Development (CESD), Institute of Business Management (Korangi Creek Karachi Sindh, Pakistan 75190). ORCID: 0000-0002-5212-6292; E-mail: Shahida.wizarat@iobm.edu.pk

Conflict of interest. The author declares the absence of any conflict of interest.

For citation: Wizarat Sh. (2022). Some Thoughts on Evolving a New World Order, *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 6–12. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-6-12

Introduction

“It was the best of times, it was the worst of times, it was the age of wisdom, it was the age of foolishness, it was the epoch of belief, it was the epoch of incredulity...”.

This opening para from Charles Dickens novel “A Tale of Two Cities” [Dickens] best describes the current world order which is unfair, cruel, non-transparent, cannibalistic, bringing sorrows, miseries and pain to a vast majority of poor countries. While to a small minority in rich countries it is bringing prosperity, joy and control over resources which do not belong to them. The use of brute force is delivering prosperity to many beyond their wildest dreams. Following this brief introduction in Section I, the present economic order is discussed in Section II. It focuses on how it is inflicting sorrows and pain to the vast majority of peoples, usurping their possessions both public

and private, making 45 % of world wealth available to 1 % of world population¹, creating a world where self-determination has become a hollow slogan, where world resources are enjoyed by those who have the brute force, where the powerful and the mighty take what they fancy and award it to whoever they fancy. In Section III I discuss how the present order has outlived its usefulness and has become a drag to a vast majority. I also discuss the rise of China and the resurgence of Russia and the expectation that people in developing countries have with regard to the New World Order. The role which middle income developing countries like Pakistan, Iran, Turkey, Malaysia, Indonesia, etc., can play in making the New World Order more palatable to Third World countries is also discussed. Section IV concludes the study.

The Present World Order

The end of the First World War led to the breakup of the Ottoman, the Austro-Hungarian and the Russian empires, as a result of which the states in the Middle East and the Balkans became independent. Similarly, the end of the Second World War gave birth to a whole lot of independent countries that were colonies. In 1947 Pakistan and India gained independence from Britain, in 1949 Indonesia gained independence from the Netherlands. This was followed by the independence of Ghana, Rhodesia, Algeria and other African countries. In the Far East Vietnam, Malaysia and Philippines joined the comity of independent nations [Wizarat, 2011]. During the decolonization era the US played an important role in bringing an end to colonialism by championing the right of self-determination of the colonies².

The International Financial Institutions, majority of whose voting shares are controlled by western countries, were established soon after the war ended. These institutions played an important role in delivering development to Europe in the aftermath of the Second World War. In 1945, European infrastructure had been devastated as a result of the war, but the Marshall Plan was able to revive Europe in a very short span of a few years. The Golden Age, which brought tremendous prosperity to Europe, continued till the early 1970s when the first oil shock happened.

Developing countries also started borrowing from the Bretton Woods Institutions, initially quite successfully. But by and large, the great majority has not been so successful. For the vast majority of Third World countries in Africa, Asia and the Middle East development has been elusive. The success of the 'Asian tigers' caused an academic debate that industrialization of the less developed countries was responsible for the deindustrialization of the industrial West [Singh]. The resulting Counter Revolution that started in the late 1970s, gained momentum in the 1980s and beyond. It resulted in the abandonment of the Keynesian interventionist approach and reduced the role of the government in the economy. The International Financial Institutions started using the neoliberal view to draw up conditionalities in their lending programs to developing countries. They also switched from project-based lending, which had delivered some development to developing countries, to policy-based lending [Singer]. This resulted in dictating policies in the borrowing countries and installing governments composed of the IMF and the World Bank staff, foreign and dual nationals and only those acceptable to Washington.

¹ Global wealth report 2019. URL: <https://www.credit-suisse.com/media/assets/corporate/docs/aboutus/research/publications/global-wealth-report-2019-en.pdf> (accessed: 30.05.2022).

² This was not for any altruistic motives as the US did not have access to the colonies owned by European powers and felt that its industries and other sectors suffered as a result.

The pursuit of development through borrowings from the International Financial Institutions by developing countries resulted in bringing down their vibrant growth rates, closing down industries, creating massive unemployment, increasing poverty, worsening the distribution of income, depriving the vast majority of population of health and education facilities. This is what the present economic order has given to developing countries during the last 75 years. A large number of countries that have borrowed heavily from the International Financial Institutions have piled up unsustainable debts, raising fears of defaults, facing recessions, as revealed by declining outputs, investment and employment, increasing the skewness in the distribution of income and poverty. Social crises, revealed by increase in crimes, and a very destabilizing political crisis also hit them hard [Wizarat, 2011]. There are fears that the breakdown of the established order in these countries may take them to the colonial order that existed prior to 1945.

Moreover, in order to smooth out the booms and busts in the business cycle, the permanent arms economies [Kidron] and the permanent war economies have brought a lot of miseries and untold unhappiness in Third World countries. It has led to the destruction of infrastructure, bombing of civilians, their death and destruction, bringing prosperity to rich armament producing countries.

While a large number of countries exercised their right to self-determination in the aftermath of the Second World War, the people of Jammu, Kashmir and Ladakh have yet to exercise their right, which was guaranteed to them by Security Council Resolutions 91 of 1951 and 122 of 1957 and Article 42 of the Hague Regulations 1907 [Wizarat, 2019]. Lands that belong to the Kashmiris are being forcibly occupied. Little Kashmiri children are being blinded through the use of pellet guns, while the world community is completely indifferent. The plight of the Palestinians as a result of gifting their homeland to Jews by the British for the injustices meted out to them by the Europeans, continues to spill human blood and force evictions of families from their lands and homes. Strangling 13 year old children to death by armed men and women does not move world conscience.

On the other hand, Western populations of Quebec in Canada and Scots in Britain have exercised the right to decide whether they want to stay or secede from their present states. Similarly, people in Ache and South Sudan didn't have to struggle much, and everything happened very smoothly and quickly for them. What is so special about the people of Jammu, Kashmir, Ladakh and Palestine that they have to keep laying down their lives for the last 75 years without major powers paying any heed? The only difference seems to be on account of religion. Is religion playing a factor in deciding global strategic and political matters, when most Western countries claim to be secular?

As if these miseries and pain were not enough, policies made post 9/11 have made the world order even more repressive. After the breakup of the Soviet Union and the resulting unipolarity of the world, the US as the dominant super power with total support from its allies and the UN embarked upon enforcement of collective security. The US is interested in dominating and determining the rules of the game. The US perceptions constitute threat to peace, leaving no room for struggle against injustice and oppression, all legitimate struggles being dubbed as terrorism and dealt with an iron hand. With the establishment of the New World Order, the US and allies acquired God like attributes, reflected not only through terms like Infinite Justice, but more substantially in the objectives being pursued. These unleashed tremendous economic and military power to western industrialized countries and their allies, like India and Israel to bully countries economically, politically and militarily. Moreover, many less developed governments are selected by US, UK,

France and other imperial powers, with a substantial part of their GDP still going to these countries in the form of colonial transfers, sometimes with disguised names.

The rules-based order established after the end of the Second World War is quickly losing its legitimacy and transparency. The inability of western countries to share power with the People's Republic of China, commensurate with its growing economic and political clout, forced the latter to build institutions like the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). The lack of transparency is also apparent from US actions to use institutions such as FATF to penalize Pakistan and other countries deemed undesirable by the US, by placing them in the grey list with the threat of being placed in the black list and the following sanctions.

Contours of the New World Order

The old order seems to have outlived its utility and is crumbling economically, politically and socially. There is lack of transparency, merit and observance of a rule-based system. Ethical and moral values have been abandoned and bigotry, biases and brute force have replaced them. What sort of world order should be built in place of the old one? The New World Order should be transparent, just, fair, promote universal good and bring prosperity. If the Belt and Road Initiative (BRI) can be used as a glimpse of what awaits us in the future, the new world order appears to be a win-win order. It will increase prosperity in investing countries by increasing prosperity in the host countries. One hopes that in the new world order citizens in developing countries will not have to see their loved ones dead, incapacitated, maimed and their houses demolished to increase wealth in rich countries. And prosperity in one country will create virtuous cycles both domestically and internationally. One hopes that it will be a peaceful, mutually beneficial order for the vast majority of peoples that inhabit the world.

Although the People's Republic of China, the Russian Federation and other countries are protecting their national interests without challenging the US narrative on terrorism, time has come to expose the hypocrisy and double standards inherent in the western narrative.

The present world order is based on unequal exchanges in trade and aid between the developed and the developing world. This is resulting in usurping the wealth of poor developing countries and its transfer to western countries. The immoral and criminal creation of wealth in the western world through death and destruction in the developing world is central to the present decadent international financial system. Time has come to replace it with a just, ethical and fair system.

The boycott of sanctions on countries by a large part of the world economy could be the beginning of the end of the present international financial system, and its replacement by an alternative system which does not create wealth through conflicts, killing innocent people, bombing and destroying cities and building them all over again. In order to turn the sanctions into a blessing we need to launch diplomatic initiatives. The focus should be to get as many countries to boycott the sanctions as possible. The success of this strategy will rest on a large part of the world economy boycotting the sanctions. The decadent international financial system will become irrelevant as the bulk of the world economy will be operating outside the system, based on barter trade or using gold or trade in local currencies. As the value of the dollar and the euro decline, it will start biting these economies, which are already facing financial difficulties. Replacing the dollar and using local currencies and barter trade will free the world of US hegemony. For example, the Islamic Republic

of Iran and the Russian Federation are expanding their economic relations successfully using local currency.

In the present order the conflict of interest of rich countries between their peace-making role and their national income generating role has been very sharp. One hopes that China and Russia will adopt a more balanced approach in discharging their global leadership roles and country advancement and development roles. One can hope that it will be a less exploitative order in terms of natural resources of Third World countries. Minimizing conflict through conflict resolution rather than conflict management will help in the creation of lasting peace. Moreover, ensuring value addition to resources rather than exporting them in raw form will promise to turn the resource curse into a resource blessing.

Greater integration of Pakistan, Turkey, Malaysia, Afghanistan, Iran, Indonesia, Qatar is laden with tremendous economic, strategic, social and political benefits. A quick glance at imports and exports of these countries brings out their trade potential. The countries under discussion have a lot to offer to Afghanistan. First and foremost, a lot of reconstruction and development work has to be undertaken in Afghanistan, which can be done by these countries. The People's Republic of China and the Russian Federation's approach has been people friendly and the Belt and Road Initiative (BRI) has been a win-win project. It has tried to increase income and wealth in the host and the investing country simultaneously. One can, therefore, hope that the architecture of the New International Order will be imbibed with the same principles and goodwill. Thus, if the conflict between the super power role and the national economy development role arises, it will certainly be helpful to have large middle income countries standing together through greater integration of their economies to ensure that the New World Order doesn't militate against the interests of these countries.

Conclusion

The World Order that was formulated at the end of the Second World War in 1945 with the establishment of the United Nations to take care of world peace and the socio-economic well-being of populations is crumbling. The world body has failed in resolving conflicts and bringing peace. On the contrary, the UN has stood with the mighty and the powerful. There are innumerable instances of its failure but the issues of Jammu, Kashmir, Ladakh and Palestine are the most outstanding ones. Kashmiris have been waiting for the last 75 years to exercise their right to self-determination promised to them by Security Council Resolutions 91 of 1951 and 122 of 1957 and Article 42 of The Hague Regulations 1907. Both the problems of Jammu, Kashmir, Ladakh and Palestine were deliberately created by Britain, a permanent member of the Security Council, in its divide and quit strategy to create festering wounds for rich countries to dip into when faced with recessions on account of the capitalist crisis.

At the same time citizens of other countries like Quebec in Canada and Scots in England have been exercising their right to self-determination on a regular basis. The people in Ache and South Sudan have also been lucky to have self-determination granted to them very quickly and promptly. One can't help wondering why the Kashmiris, the Palestinians and several others deserve such cruelties and excesses. It appears that the present world order has racist and religious connotations. The fact that world leaders are using these conflicts to bring prosperity to their countries speaks loud and clear about the moral and ethical fiber of the present world order.

Moreover, the world order deteriorated further after the breakup of the Soviet Union and the resulting unipolar world. The United States, UK, India, Israel, etc., have become world hegemonies implementing an unjust, racist and religious order with impunity. The atrocities carried out by these countries on their own populations show that they are not fit to discharge the role of world leaders.

The borrowings from the International Financial Institutions by developing countries have resulted in bringing down their growth rates, deindustrialization, increasing unemployment, poverty, worsening the distribution of income and depriving the vast majority of populations of basic healthcare and education facilities. So while development has been illusive, these countries are heavily in debt which has become unsustainable as the events in Sri Lanka, followed by Pakistan reveal. Social crises have also hit them hard, as revealed by increase in robberies, kidnappings and murders. Political crisis is not just looming large, but consuming them wholly, which is very destabilizing. Moreover, the permanent arms economies and the permanent war economies have brought a lot of miseries, destruction of infrastructure, bombing of civilians, their death and destruction bringing prosperity to rich armament producing countries. This is what the present economic order has given to developing countries during the last 75 years.

One can't help observing that China, which doesn't have religion as its guiding philosophy, has suggested a more ethical and win-win model. It brings prosperity in both host and investing countries through income generation. Moreover, the replacing of the dollar and other hard currencies by local currencies and barter trade will ease the financial situation substantially and end US hegemony. The boycott of sanctions imposed by FATF and other bodies could be the beginning of the end of the present international financial system and its replacement by an alternative system.

And finally, while sovereign countries have been protecting their national interests without challenging the US narrative on terrorism, time has come to expose the hypocrisy and double standards inherent in the western narrative.

REFERENCES

- Singh A. (1977). UK Industry and the World Economy: a Case of De industrialization? *Cambridge Journal of Economics*, vol. 1, no. 2: 113–136.
- Dickens Ch. (1898). A Tale of Two Cities. The Works of Charles Dickens, vol. XXI.
- Kidron M. (1967). The Permanent Arms Economy. *International Socialism* (1st series), 28: 8–12.
- Singer H. (1995). Are Structural Adjustment Policies in The Interest of Developing Countries? Paper read at the international conference on the Socio-Economic and Political Consequences of WB-IMF Policies, Karachi, PJAЕ, Conference Proceedings.
- Wizarat Sh. (2011). Fighting Imperialism: Liberating Pakistan. Karachi: Centre for Research & Statistics, 360 p.
- Wizarat Sh. (2019). Resolution of Jammu and Kashmir Conflict: The Way Forward, Consul, Islamabad.

Поступила в редакцию: 13.05.2022

Финальная версия: 08.06.2022

Принята к публикации: 11.06.2022

Received: 13 May 2022

Final version: 8 June 2022

Accepted: 11 June 2022

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-13-22

Пандемия как катализатор информатизации КНР

А.В. ПикOVER

Аннотация. Пандемия COVID-19 спровоцировала мировой экономический кризис и усугубила ряд социальных проблем в большинстве стран. Прежде всего речь идёт о сферах образования и здравоохранения. В статье подробно рассматривается опыт Китая, которому удалось в период глобальной эпидемии посредством информатизации и развития цифровой экономики преодолеть эти трудности. Автор также пытается разобраться, как всемирная чрезвычайная ситуация помогла КНР активизировать процесс цифровизации в социально-экономической сфере. Кратко даются оценки факторов успешного преодоления вызовов, обусловленных эпидемией, а также обозначаются базовые тенденции информатизации страны с учётом указанных предпосылок. Выделены и исследованы особенности китайского варианта национальной цифровизации, определяющие её в целом успешную реализацию. Обозначены ключевые показатели развития сетевого информационного общества.

Ключевые слова: Китай, информатизация, цифровая экономика, цифровизация, пандемия, Интернет, искусственный интеллект, онлайн-образование, онлайн-медицина.

Автор: ПикOVER Александр Владимирович, старший научный сотрудник Центра социально-экономических исследований Китая, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-1266-0909; E-mail: pikover@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: ПикOVER А.В. Пандемия как катализатор информатизации КНР // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 13–22. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-13-22

Pandemic as a catalyst for the informatization of the PRC

A.V. Pikover

Abstract. The COVID-19 pandemic has triggered the global economic crisis and aggravated a number of social problems in most countries, first of all, in the spheres of education and healthcare. The article considers in detail the experience of China, which managed to overcome these difficulties during the global epidemic through informatization and the development of the digital economy. The author also tries to figure out how the global emergency helped China to intensify the process of digitalization in the socio-economic sphere. Taking into account these prerequisites, the author gives a brief assessment of the factors of successful addressing the challenges, caused by the epidemic, and outlines the basic trends of the country's informatization. The characteristic features of the Chinese version of national digitalization, which determine its overall successful implementation, are highlighted and investigated. The article also outlines key indicators of the development of the network information society.

Keywords: China, informatization, digital economy, digitalization, pandemic, Internet, artificial intelligence, online-education, online-medicine.

Author: *Pikover Alexander V.*, Senior Researcher at the Center for Social-Economic Research of China, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-1266-0909; E-mail: Pikover@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Pikover A.V. (2022). Pandemiya kak katalizator informatizatsii KNR [Pandemic as a catalyst for the informatization of the PRC], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 13–22. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-13-22

Цифровая подушка безопасности

Пресс-секретарь Министерства информатизации и промышленности КНР Хуан Либинь на пресс-конференции, состоявшейся в информационной канцелярии Госсовета КНР 23 апреля 2020 г., заявил, что в общенациональном масштабе прирост добавленной стоимости Китая снизился в первом квартале на 8,4 % в годовом исчислении, в том числе в последние два месяца – на 13,5 % по сравнению с тем же периодом прошлого года. По словам представителя ведомства, коэффициент использования оборудования составил 67,3 %, сократившись по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 8,4 %. Убытки предприятий в январе-феврале достигли 36,4 %. Из-за шока эпидемии ослабла и экономическая циркуляция. С учётом ценового фактора среднестатистическое потребление граждан КНР снизилось на 12,5 % по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года, особенно резко падение проявилось в крупных сегментах продаж – автомобильном ритейле, секторе недвижимости и т.п. Инвестиции в основные фонды сократились на 16,1 %, в том числе в обрабатывающую промышленность на 25,2 %. Объём экспорта по сравнению с аналогичным периодом прошлого года снизился на 10,3 % [Guoxinban jüxing...].

На фоне падения ряда основных экономических показателей, спровоцированного вспышкой эпидемии, резко изменилось качество китайских информационных сетей.

Ещё в октябре 2018 г. в Информационном бюро Госсовета состоялась пресс-конференция Министерства промышленности и информационных технологий, на которой было заявлено о планах увеличить охват сети 4G Китая до 98 % к 2020 г. Что касается мобильных сетей 4G, то, как отметил директор Департамента развития телекоммуникаций, пресс-секретарь Министерства Вэнь Ку, Китай, хотя и запустил 4G позже, чем некоторые страны, с 2014 г. смог построить самую большую и разветвлённую в мире сеть 4G всего за два-три года¹.

Если ранее этот формат связи был доступным далеко не во всех регионах Китая, к тому же отличался относительно высокой стоимостью, то к началу 2020 г. расширение сети и постоянно снижающаяся цена её эксплуатации перевели эту технологию в категорию продуктов массового потребления. Значимость указанного достижения особенно явно проявилась во время карантина, когда объём трафика увеличился на 50 % в таких регионах, как Ухань, а в некоторых районах КНР – на 60–70 %.

¹ Gongxinbu: 2020 nian qian jiang woguo 4G wangluo fugalü tígāo dào 98 % [Ministry of Industry and Information Technology: Increase China's 4G network coverage rate to 98 % by 2020]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1615182901443743482&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Столь впечатляющие результаты, как отмечает Министерство промышленности и информатизации КНР, стали возможными благодаря усиленной работе по следующим направлениям.

1. Господдержка. В целях рационального распределения функций контроля на макроуровне между министерствами решением 1-й сессии ВСНП КНР 11-го созыва от 15 марта 2008 г. был утверждён «Проект реформирования структуры Государственного совета КНР», в соответствии с которым создано Министерство промышленности и информатизации. Связка инновационной индустриализации и информатизации выступила одним из залогов успеха модернизации современного Китая. Новое ведомство приняло на себя функции ряда органов: Государственного комитета КНР по развитию и реформированию в части отраслевого регулирования промышленности; Комитета по оборонной науке, технике и промышленности (за исключением регулирования атомной электроэнергетики); Министерства информатики и Канцелярии по информатизации при Государственном совете КНР. Кроме того, было создано Государственное управление КНР по оборонной науке, технике и промышленности, подведомственное Министерству промышленности и информатизации.

Под председательством Си Цзиньпина 27 февраля 2014 г. прошло первое заседание Центральной руководящей рабочей группы по безопасности сети Интернет и информатизации (中央网络安全和信息化领导小组), реорганизованной позже в Комиссию ЦК КПК по кибербезопасности и информатизации. Этот орган также возглавил лидер КПК и КНР, заместителями которого в руководстве Группы стали премьер Госсовета Ли Кэцян и глава секретариата ЦК КПК Лю Юньшань².

2. Уверенное опережение намеченных темпов строительства сетей. Во время эпидемии помимо широкомасштабного строительства сети 4G активно развивались сети 5G и Gigabit. Это обеспечило реализацию телемедицины 5G, инфракрасного измерения температуры 5G, онлайн-офиса и онлайн-обучения во время эпидемии.

По состоянию на декабрь 2020 г. Китай создал 718 тыс. базовых станций 5G и способствовал в рамках международной кооперации строительству и использованию 330 тыс. базовых станций 5G. Более 180 млн подключённых терминалов образовали крупнейшую в мире сеть 5G; устойчиво продвигалось строительство промышленного Интернета; было создано более 100 отраслевых и региональных промышленных интернет-платформ, соединивших порядка 40 млн единиц (комплектов) промышленного оборудования, производственный масштаб которых достиг 3 трлн юаней³.

В июне 2020 г. Китай успешно запустил 55-й навигационный спутник системы Beidou и полностью завершил развёртывание глобальной спутниковой навигационной системы Beidou-3 на шесть месяцев раньше запланированного срока. Навигационные услуги на базе Beidou широко используются в электронной коммерции, производстве мобильных интеллектуальных терминалов, геолокационных сервисах и других областях.

² Объединённый сайт Канцелярии Комиссии кибербезопасности и информатизации ЦК КПК и Государственной канцелярии интернет-информации. URL: <http://www.cac.gov.cn/> (дата обращения: 12.06.2022).

³ Di 47 ci Zhongguo hulian wangluo fazhan zhuangkuang tongji baogao zhuanjia jiedu [Expert opinion on the 47th Statistical report on the development of the Internet in China]. URL: http://www.cnnic.net.cn/gywm/xwzx/rdxw/20172017_7084/202102/t20210203_71372.htm (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Интернет в удалённых районах КНР

К концу 2014 г. в Китае насчитывалось 50 тыс. деревенских поселений, вообще не имевших широкополосного доступа; 150 тыс. административных деревень имели доступ менее 4 Мб. Таким образом, цифровой разрыв между сельскими районами был очевиден.

По итогам 2020 г. общее число пользователей 4G в Китае достигло 1,289 млрд человек, что составило 80,8 % от общего числа пользователей мобильной связи⁴.

С 2004 г. один из крупнейших операторов мобильной связи в КНР компания China Mobile инвестировала более 55 млрд юаней в осуществление пилотных проектов по деревенским и универсальным телекоммуникационным услугам, обеспечив телефонный доступ более 120 тыс. деревень и широкополосный доступ 80 тыс. административным сельским единицам. К осени 2020 г. China Mobile имела коэффициент покрытия сети 4G более 98 % в административных сельских поселениях по всей стране⁵.

Кроме того, при высокой стоимости аренды офисов некоторые китайские компании, вероятно, скоро откажутся тесниться в так называемых CBD-кварталах, ускоряя процесс перетекания в города и регионы второй-третьей линии. По крайней мере на фоне всё усиливающейся цифровизации такой сценарий представляется весьма вероятным. Так, на конец июня 2021 г. количество пользователей Интернета в КНР составило 1,011 млрд человек, а уровень охвата глобальной паутиной достиг 71,6 %, при этом в мобильный Интернет вовлечено 1,007 млрд человек.

Направления цифровизации

В рамках стимулирования конкуренции на китайском рынке телекоммуникаций госкорпорации China Telecom, China Mobile и China Unicom сформировали в 2018 г. совместную компанию China Iron Tower Co., Ltd., занявшую 71 место в списке Forbes среди телекоммуникационных компаний планеты. Это способствовало снижению затрат по всей отрасли и поддержало быстрое развёртывание мобильной сети в Китае⁶.

Бизнес-гигант в основном занимается строительством, техническим обслуживанием и эксплуатацией вспомогательных объектов базовых станций, таких как вышки связи, сети общего пользования высокоскоростных железных дорог и метро, а также крупномасштабные внутренние распределительные системы.

Таким образом, можно говорить, что пандемия стала мощным, хотя и вынужденным, катализатором утверждения цифровой эпохи в Китае. В условиях, когда важнейшими факторами стали карантинные ограничения и усиление цифровых инструментов практически во всех сферах жизни социума, наметился ряд тенденций.

⁴ 2020 nian woguo 4G yonghu dadao 12.89 yi hu yonghu shentoulü chao ba cheng [In 2020 the number of 4G users in China reached 1.289 billion, with penetration rate of over 80 %]. URL: https://www.sohu.com/a/446167956_265192 (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

⁵ Zhongguo yidong quanguo xingzhengcun 4G wangluo fugalü yi chao 98 % [China Mobile 4G network coverage level in administrative villages across the country exceeded 98 %]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1679585012202163869&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

⁶ Zhongguo tieta gufen youxian gongsi [China Iron Tower Co., Ltd.]. URL: <https://baike.baidu.com/item/中国铁塔股份有限公司/15764675?fr=aladdin> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Прежде всего, в возникшей эпидемической ситуации цифровая экономика проявила себя как важная опора для функционирования большинства секторов жизни в Китае, от медицины и образования до поддержания трудовой деятельности граждан.

Продиктованный эпидемическими условиями подход к гибкому формату работы сотрудников стал новой парадигмой занятости в КНР. Таким образом работодателям удалось разрешить противоречие между временной нехваткой свободного персонала для заказа программного обеспечения и увеличением срочной потребности правительства и предприятий в программных системах. Кроме того, выяснилось, что новый формат способствует более оптимальной организации рабочего и свободного времени кадров и обеспечивает лучшую охрану труда. Также стало ясно, что цифровизация обрабатывающего производства срочно нуждается в импульсе для ускорения.

Окрепшая во время эпидемии цифровая экономика Китая стала оселком его постпандемийного развития, в котором проявились следующие тренды.

1. Активизировалось строительство новой цифровой базовой инфраструктуры, а инновационные стартапы ускорили работу в облачных платформах.

2. «Умный социум» и «Умный город» помогают интенсифицировать инновационные модели городского и социального управления и их создание.

3. Происходит цифровая трансформация традиционных отраслей, усиливающая межотраслевое конвергентное развитие и снимающая ограничения традиционных моделей.

4. Ускоряется интеграция новых технологий и экономического общества. Прежде всего, в проектах Интернета вещей (*англ.* Internet of Things, IoT) и Промышленного Интернета вещей (*англ.* Industrial Internet of Things, IIoT).

Предлагая эффективный инструмент для современного городского управления, Большие данные (*англ.* Big data) открывают новые возможности для данной отрасли. Материалы, энергия, информация и цифровые базы составляют самые важные ресурсы нашего времени, их значимость – выше энергетических и материальных, поскольку сочетание энергии и данных, передаваемых через цифровые базы, могут образовывать новую ценность. Именно поэтому это направление давно уже стало ключевым для городского управления. Во время эпидемии повсеместный сбор цифровых данных, полученных посредством мониторинга эпидемической ситуации, управления карантином через использование операционных систем и рабочего программного обеспечения, а также анализ масштаба эпидемии, перемещения людей, изоляции заражённых и др. способствовали эффективным правительственным решениям. Пакет приложений Welink⁷ компании Huawei, «Код здоровья»⁸ фирмы Tencent и «Небесное воинство» под девизом «Освобождение»⁹ компании ChinaSoft International¹⁰ в качестве рабочих инструментов сыграли решающую роль в сборе цифровых данных, профилактике и контроле.

⁷ Мобильное приложение компании Huawei. URL: <https://baike.baidu.com/item/华为云WeLink/23803814?fr=aladdin> (дата обращения: 12.06.2022).

⁸ 健康码 Цзянькан ма [Код здоровья] – приложение для контроля мобильности населения посредством присвоения персонального кода на основе платёжной системы компании Tencent. URL: <https://baike.baidu.com/item/健康码> (дата обращения: 12.06.2022).

⁹ «解放» Цзефан [Освобождение] – мобильное приложение компании ChinaSoft International. URL: <https://baike.baidu.com/item/解放号/18606172?fr=aladdin> (дата обращения: 12.06.2022).

¹⁰ ChinaSoft International. URL: <http://www.chinasofti.com/> (дата обращения: 12.06.2022).

Генезис успешного применения информатизации и цифровизации социума в противостоянии глобальным пандемическим вызовам надо искать во втором десятилетии XXI в. (2010–2020), совпавшем со второй фазой информатизации Китая, когда страна планомерно шла к прорыву в промышленности и информатизации и были сделаны серьёзные шаги на пути к статусу мощной производственной и информационно-сетевой державы.

Согласно 47-му Статистическому отчёту о состоянии развития Интернета в Китае, опубликованному в феврале 2021 г., общее число зарегистрированных пользователей глобальной информационной сети Интернет в КНР по состоянию на 31 декабря 2020 г. составило 989 млн человек, увеличившись по сравнению с мартом 2020 г. на 85,4 млн человек. При этом 986 млн (или 99,7 %) пользователей входили в сеть при помощи сотовых телефонов, т.е. мобильный Интернет и приложения, включая «Код здоровья», давно уже завоевали весь Китай. Пандемия 2020 г. стала мощнейшим катализатором окончательного перехода страны в цифровое измерение [Di 47 ci Zhongguo...].

В докладе премьера Госсовета КНР Ли Кэцзяна на отчётной сессии ВСНП, состоявшейся 5 марта 2021 г., было отмечено большое значение интернет-пространства в противодействии пандемии, в частности, указано на то, что «активно распространялись режим удалённой работы, онлайн-покупки, бесконтактная доставка и т.д., <...> широко развёртывалось онлайн-обучение».

Действительно, уровень охвата населения Интернетом по итогам 2020 г. достиг 70,4 %. Власти в кооперации с ведущими сетевыми игроками провели масштабную работу по доведению «последней интернет-мили» до деревенского потребителя. Вследствие этого к ноябрю 2020 г. доля подключённых по оптоволокну бедных и беднейших деревень в Китае достигла 98 %. Количество интернет-пользователей на селе, стремительно увеличивающееся в последние годы, за вторую половину 2020 г. выросло незначительно – на 5,47 млн человек и достигло 309 млн человек, а охват оптоволоконной сетью в китайской деревне дошёл до уровня 55,9 %.

В 2020 г. в систему онлайн-образования было вовлечено 342 млн человек. Это число, впрочем, несколько сократилось к концу года против пиковых 422,96 млн в период шоковой ситуации локдауна в образовании. Объём рынка онлайн-образования за 2020 г. вырос на 35,5 % до 257,3 млрд юаней [2020 nian Zhongguo zaixian...], объём трафика – на 23–25 %. Очевидно, что мощным толчком к развитию дистанционного обучения стал обусловленный пандемией массовый локдаун.

В период эпидемии коронавируса резко вырос спрос на онлайн-медицину. Согласно данным основанной в 2007 г. в Гуанчжоу и имеющей операционные и аналитические центры в Гуанчжоу, Гонконге, Пекине, Шанхае и Силиконовой долине исследовательской группы iiMedia Research (входит в Группу iiMedia Consulting)¹¹, в 2020 г. объём рынка дистанционных медуслуг Китая достиг 54,47 млрд юаней, число их потребителей составило 661 млн человек. Под влиянием эпидемии в 2020 г. спрос на фармацевтическую электронную торговлю и медицинские платформы в Интернете ощутимо увеличился, расширяя масштабы отрасли.

¹¹ Веб-сайт консалтинговой компании iiMedia Consulting Group. URL: <https://www.iimedia.com.cn/> (дата обращения: 12.06.2022).

По данным iiMedia Research, в 2020 г. более 60 % респондентов посчитали, что «медицинская помощь ИИ+» может обеспечить более точное «управление здоровьем», своевременное предупреждение заболеваний, отслеживание и мониторинг состояния организма, а более половины опрошенных полагают, что такой вид врачебных услуг способен восполнить нехватку медицинских ресурсов, поддержать технологии диагностики, исследований, лечения и разработки лекарств, а также повысить эффективность терапии. Почти 80 % респондентов готовы в будущем получать «медицинскую помощь ИИ+», около 30 % хотят попробовать обратиться к ней, а почти 50 % заявили, что уповают на большие объёмы «медицинской помощи ИИ+».

В целом Китай, с одной стороны, активнейшим образом использовал пандемическую ситуацию для резкой активизации цифрового строительства и цифрового форматирования, с другой, максимально задействовал оцифровку социума и информационные технологии для преодоления эпидемии.

К пандемии COVID-19 Китай подошёл на устойчивом подъёме, достигнутом за десятилетие цифрового роста. Если на 31 декабря 2009 г. число зарегистрированных пользователей китайского Интернета составляло 384 млн человек, а индекс уровня охвата населения сетью равнялся 28,9 %, то на март (из-за начавшейся пандемии сроки исследования были сдвинуты) 2020 г. эти показатели достигали уже 904 млн человек и 64,5 % соответственно. Таким образом, за десять лет произошёл почти трёхкратный рост количества пользователей и более чем двукратный рост процента охвата населения Интернетом.

Власти КНР сделали всё возможное, чтобы сдержать распространение вируса: были введены строгие меры для отслеживания перемещения людей, обеспечения самоизоляции и минимизации социальных контактов. Однако желаемые результаты не были бы достигнуты без таких технологий, как LBS-сервисы (*англ.* location-based services) и анализ больших данных. Их использовали для выявления случаев повышенного риска, не перегружая тем самым систему здравоохранения. Местные власти собирали и объединяли все истории недавних перемещений людей, включая маршруты пациентов с подтверждённой инфекцией. При сопоставлении этих данных со сведениями национальной системы идентификации быстро выявлялись те, кто мог быть в тесном контакте с больными.

Крупные телекоммуникационные компании Китая сотрудничали с интернет-компаниями, такими как Alibaba, для разработки системы цветных QR-кодов. Технология использует телекоммуникационные данные для выявления и отслеживания уровня риска, который несёт в себе каждый гражданин, в зависимости от его локации, маршрутов и контактов. Система QR-кодов также применялась для контроля за соблюдением карантина людьми, находящимися в зоне риска, и теми, кто посещал места с высоким уровнем заражения.

Одной из важнейших задач стала минимизация контактов, к её решению в Китае подключили робототехнику. Например, патрулирующие роботы отправлялись на улицы для измерения температуры прохожих. Беспилотные летательные аппараты (дроны) использовались для разгона уличных скоплений людей, осуществления контроля над карантинными зонами и даже чтобы напоминать гражданам о необходимости носить

медицинские маски. Роботы также были привлечены для выполнения задач с повышенным риском: в Ухане они использовались для дезинфекции хирургических кабинетов в больницах, а также карантинных зон и помещений¹².

Заключение

Можно выделить основные итоги 10-летнего устойчивого поступательного развития Китая в сфере цифровизации.

1. Мощное инфраструктурное строительство. Создание капитальной базы развития и в том числе основы для инновационной трансформации традиционных экономических отраслей, реализации государственной концепции «Интернет+». Речь идёт о воплощении в жизнь концепций «Умный город», «Интернет вещей», «Промышленный Интернет вещей» и т.п. Произошла мощная социально-экономическая трансформация китайского общества, которая и стала основой преодоления социально-экономических проблем, связанных с локдауном и различными социальными ограничениями, вызванными пандемией.

2. Происходившее интенсивное развитие цифровой экономики стало новой точкой экономического роста. Виртуальные торговые площадки поддерживали и развивали потребительский рынок. По состоянию на март 2020 г. число пользователей онлайн-магазинов в Китае достигло 710 млн, а объём транзакций в 2019 г. составил 10,63 трлн юаней. Цифровая экономика открыла новые пространства и для внешней торговли. Согласно данным Минкоммерции КНР, общий объём транзакций электронной коммерции в 2019 г. достиг 34,81 трлн юаней, из которых розничные продажи в Интернете составили 10,63 трлн юаней, увеличившись в годовом исчислении на 16,5 %. Общий размер розничного импорта и экспорта товаров через таможенную платформу управления трансграничной электронной коммерцией достиг 186,21 млрд юаней, увеличившись на 38,3 % в годовом исчислении¹³. Продолжал повышаться уровень оцифровки цепочек поставок за счёт инновационных бизнес-моделей и ускоренного применения цифровых технологий, соответственно, обеспечивая поддержку промышленной трансформации и модернизации.

3. Информатизация и, прежде всего, информационные сети внесли огромный вклад в борьбу с бедностью и преодоление социально-экономической отсталости. Значительно сократился цифровой разрыв между городом и селом, где по сути решена проблема «последней мили» и теперь отсталые районы через систему соцсетей, онлайн-площадок и другие каналы продвигают свои продукты к прямому потребителю.

Таким образом, мы наблюдаем в Китае устойчивую поступательную экспансию информатизации и цифровизации социума. Основой этого устойчивого развития являются следующие меры.

¹² Опыт Китая: цифровые технологии на передовой борьбы с COVID-19. URL: <https://roscongress.org/materials/opyt-kitaya-tsifrovye-tehnologii-na-peredovoy-borby-s-covid19/> (дата обращения: 12.06.2022).

¹³ Shangwubu: 2019 nian quanguo dianshang jiaoye 34.81 wan yi [Ministry of Commerce: the national e-commerce transaction volume in 2019 was 34.81 trillion]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1670930957634434667&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

1. Целенаправленное и продуманное формирование политической элитой в лице КПК стратегии развития страны, целеполагания, постановки задач, сопровождения и контроля достижения результатов.

2. Для выполнения первого пункта активно задействован национальный кадровый и образовательный резервы. Сформирована соответствующая политика в области науки и образования.

3. Налажено взаимодействие с бизнес-элитой, эффективно работают рычаги частного-государственного партнёрства.

4. Информатизация осуществляется в тесной увязке с промышленной, социальной и сельскохозяйственной модернизацией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Доклад о работе правительства // Синьхуа Новости. 15.03.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-03/15/c_139812271.htm (дата обращения: 12.06.2022).

REFERENCES

Report on the work of the government. Xinhua. 15.03.2021. URL: http://russian.news.cn/2021-03/15/c_139812271.htm (accessed: 12.06.2022).

2020-2021 nian Zhongguo hulian wang yiliao hangye fazhan qianjing fenxi [Analysis of the prospects of the Internet medicine industry development in China in 2020-2021]. URL: <https://www.iimedia.cn/c1020/77548.html> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

2020 nian Zhongguo zaixian jiaoyu hangye yanjiu baogao [Research Report on the Online education industry in China in 2020]. URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1689213539567648356&wfr=spider&for=pc> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Di 25 ci Zhongguo hulianwangluo fazhan zhuangkuang tongji baogao [The 25th Statistical report on the development of the Internet in China]. URL: <http://www.cnnic.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/201001/P020120709345300487558.pdf> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Di 45 ci Zhongguo hulianwangluo fazhan zhuangkuang baogao [The 45th Statistical Report on the development of the Internet in China]. URL: <http://www.cnnic.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/202004/P020210205505603631479.pdf> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Di 47 ci Zhongguo hulianwangluo fazhan zhuangkuang tongji baogao [The 47th Statistical report on the development of the Internet in China]. URL: <http://www.cnnic.net.cn/hlwfzyj/hlwzxbg/hlwtjbg/202102/P020210203334633480104.pdf> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Guoxinban juxing yi jidu gongye tongxinye fazhan qingkuang xinwen fabuhui [The Information Bureau of the State Council of the People's Republic of China held a press conference on the development of the telecommunications industry in the first quarter]. URL: <http://www.scio.gov.cn/m/xwfbh/xwfbfh/wqfbh/42311/42928/index.htm> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Gongxinbu: Hua wei wei ji yi geng youxiao cuoshi ba jingji sunshi jiangdao zuidi [Ministry of Industry and Informatization: turn the crisis into effective measures to minimize the economic damage]. URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/2020-04-23/doc-iircuyvh9419373.shtml> (accessed: 12.06.2022). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 16.05.2022

Финальная версия: 11.06.2022

Принята к публикации: 20.06.2022

Received: 16 May 2022

Final version: 11 June 2022

Accepted: 20 June 2022

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-23-31

Влияние внешних крупных игроков на региональную безопасность в Юго-Восточной Азии

В.И. Регновский

Аннотация. В статье анализируется влияние КНР, США, Японии и Индии на региональную безопасность Юго-Восточной Азии (ЮВА). Анализируется, к чему ведёт это воздействие на фоне обострения общей конфликтности в регионе, вызванной снижением доверия между крупными государствами, усугубляющейся территориальными спорами и наращиванием военного потенциала в этой части планеты. Подчёркивается значение Юго-Восточной Азии во внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности крупных держав. Отмечается, что борьба сильных стран за господство в ЮВА делает эту территорию эпицентром их столкновения. Акцентируется внимание на национальных интересах каждого геополитического гиганта в вопросах укрепления региональной безопасности, а также отмечается риск возникновения мощного военного противостояния в регионе.

Ключевые слова: Китай, США, Индия, Япония, АСЕАН, Юго-Восточная Азия, борьба крупных государств, баланс сил, региональная безопасность.

Автор: Регновский Владимир Игоревич, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-5828-7257; E-mail: VladimirRegnovsky@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Регновский В.И. Влияние внешних крупных игроков на региональную безопасность в Юго-Восточной Азии // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 23–31. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-23-31

The influence of external major players on regional security in Southeast Asia

V.I. Regnovskii

Abstract. The article analyzes the influence of the PRC, the USA, Japan and India on the regional security in Southeast Asia. It examines, where this influence leads to against the background of the general conflict aggravation in the region, caused by a decrease in trust between large states, intensified by territorial disputes and the build-up of military potential. The importance of Southeast Asia in the foreign policy and foreign economic activities of major powers is emphasized. It is noted that the struggle of strong countries for dominance in Southeast Asia makes this territory the epicenter of their clash. Attention is focused on the national interests of each geopolitical giant in strengthening regional security, and the risk of a powerful military confrontation in the region is also noted.

Keywords: China, USA, India, Japan, ASEAN, Southeast Asia, the struggle of major states, the balance of power, regional security.

Author: Regnovskii Vladimir I., Researcher of the Center for Vietnam and ASEAN studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5828-7257; E-mail: VladimirRegnovsky@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Regnovskii V.I. (2022). Vliyaniye vneshnikh krupnykh igrokov na regional'nyuyu bezopasnost' v Yugo-Vostochnoy Azii [The influence of external major players on regional security in Southeast Asia], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 23–31. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-23-31

Введение

В последние годы роль Юго-Восточной Азии в мировой политике значительно возросла, что обусловлено её внушительным экономическим, политическим и трудовым потенциалом. К тому же весь Азиатско-Тихоокеанский регион постепенно превращается в один из мировых полюсов, где формируются новые центры глобального экономического развития и регионального сотрудничества.

Растущая значимость Юго-Восточной Азии требует пристального внимания к обеспечению её региональной безопасности. С начала 2000-х гг. страны региона стали рассматривать этот фактор как приоритетную задачу для последующего роста [Jürgen Ruland]. Одновременно в условиях усиливающегося интереса к ЮВА со стороны России, США, Индии, Китая, Японии происходит обострение конфликтности на её территории. Между государствами региона снижается уровень доверия, вспыхивают территориальные споры, наращивается военный потенциал.

Главный фактор таких перемен – стремительный рост Китая, который превзошёл экономику Японии и высокими темпами сокращает разрыв с США [Хоанг Кхак Нам]. КНР активно усиливает своё влияние в Юго-Восточной Азии, соответствующее её мощи и экономическому потенциалу. Одновременно с этим внешняя политика Пекина становится всё более наступательной.

Наибольшей угрозой региональной безопасности стран Юго-Восточной Азии представляется военно-политическая и торгово-экономическая борьба крупнейших держав, таких как США, Китай, Япония, Индия. Рост напряжённости между ними влечёт серьёзные последствия не только для ЮВА или АТР, но и для всего мира. Это противостояние, как и крах биполярной системы международных отношений, порождает нестабильность в регионе [Jürgen Ruland]. В настоящий момент страны ЮВА пытаются найти модель равновесия сил между сильными игроками в регионе.

Стоит отметить, что консолидированная работа и участие в региональных диалоговых механизмах, например, Восточноазиатском саммите (ВАС), Форуме «Азия–Европа» (англ. Asia–Europe Meeting, ASEM, ACEM), Региональном форуме АСЕАН по безопасности (англ. ASEAN Regional Forum, ARF, АРФ), Совещании министров обороны стран – членов АСЕАН и диалоговых партнёров («СМОА плюс»), возложат на геополитических гигантов ответственность за обеспечение региональной безопасности и внесут вклад в развитие сотрудничества между странами Юго-Восточной Азии.

Юго-Восточная Азия в политике Китая

В существующих реалиях КНР отстаивает свои национальные интересы, осуществляет политическое и экономическое доминирование в регионе, наращивает военный потенциал, обустроивает и создаёт военную инфраструктуру на архипелаге Спратли в Южно-Китайском море. Тем самым Китай провоцирует напряжённость в отношениях с Вьетнамом, Филиппинами, Малайзией, Брунеем и другими государствами, не имеющими непосредственного отношения к проблемам Южно-Китайского моря (ЮКМ), т.е. США и Японией. Как следствие, появляется угроза прямого столкновения между странами региона.

На сегодняшний день КНР позиционирует себя в качестве регионального лидера в ареале Юго-Восточной Азии и намерена создавать там единое политическое и экономическое пространство. К важнейшим задачам политики Пекина в ЮВА относятся:

- формирование экономического сообщества стран региона, в котором Китай играет роль центра с намерением устранить своих главных соперников – Японию и США;
- укрепление позиции юаня в ЮВА в качестве надёжной валюты АТР за счёт приращения валютных и золотых запасов;
- установление безопасности транспортировки нефти с Ближнего Востока через Малаккский пролив;
- выход на рынки сбыта для товаров из КНР в ЮВА.

Во внешней политике Китай сосредоточен сейчас на оказании помощи странам Юго-Восточной Азии. Одновременно с этим он ослабил в этой сфере позиции других крупных государств – Южной Кореи и Японии, которые, тем не менее, наряду с США продолжают помогать странам региона. Важно учитывать, что Южная Корея и Япония инвестируют в обрабатывающую промышленность ЮВА, в то время как КНР заинтересована в обеспечении собственной энергетической безопасности за счёт гарантированных поставок энергоресурсов из региона.

Несмотря на то, что на сегодняшний день Китай является крупнейшим экономическим партнёром АСЕАН, его экономическое доминирование в Юго-Восточной Азии вызывает определённую озабоченность у стран – членов Ассоциации. Опасения вызваны стремительным экономическим ростом Поднебесной, которая способна воспользоваться своим преимуществом и насильственными методами захватить важнейшую для прибрежных государств область – Южно-Китайское море – и установить полный контроль над залегающими там запасами углеводородов. В связи с этим Пекин не намерен уступать своим прямым конкурентам по расширению влияния на страны ЮВА.

КНР даже в условиях двух мировых экономических кризисов (1997, 2008) оказывала экономическую и финансовую помощь странам ЮВА [Васильев]. Быстрые преобразования и создание условий для оперативного оживления экономики за счёт высокого внутреннего потребления позволили Китаю миновать рецессии с наименьшими потерями, оказывая параллельно помощь торговым партнёрам. К тому же, обладая крупными резервами, КНР скупала и продолжает приобретать финансовые активы различных компаний не только в Юго-Восточной Азии, но и во всём мире. Всё это помогло Китаю создать предпосылки для лидерства в ЮВА.

Тем не менее абсолютное доминирование КНР в регионе пока сомнительно, например, в связи с возможным негативным исходом борьбы с США. К тому же, это не единственная

проблема, с которой сталкивается сейчас Пекин. Так, дефицит продовольствия, который наблюдается в стране, не только повышает нагрузку на экономические и финансовые ресурсы ввиду роста цен на потребительские товары, но и ставит Китай в более зависимое положение от государств, предоставляющих товары для внутреннего потребления.

Кроме того, стремление КНР к мировому лидерству может спровоцировать гонку вооружений с такими крупными странами, как США, Индия, Япония, Австралия. Причём это соперничество развернётся именно на территории ЮВА.

Потребление Китаем огромного объёма энергоресурсов также чревато ростом его зависимости от внешних поставщиков, что подталкивает его к поиску новых источников. Страны Юго-Восточной Азии опасаются, что КНР начнёт активную политику в отношении прибрежных государств региона ЮКМ с целью захвата важных месторождений в угоду собственным интересам, несмотря на то, что Пекин неизменно демонстрирует стремление к взаимовыгодным, дружественным и добрососедским отношениям с АСЕАН¹.

На фоне тяготения КНР к мировому лидерству нет сомнений в том, что Соединённые Штаты станут принимать активные меры, чтобы не уступить этот статус любой другой стране. Иными словами, Вашингтон продолжит политику по удержанию позиций единственного лидера. При этом политические, военные и экономические интересы двух держав со всей серьёзностью пересеклись именно в Юго-Восточной Азии, которая становится для них стратегически важным регионом. Потеря позиций в ЮВА не только скажется на авторитете страны на мировой арене, но и сыграет главную роль в борьбе за лидерство на планете. Кроме того, для Китая это чревато ослаблением позиций в Центральной Азии, Латинской Америке и Африке.

Такая политика мировых лидеров, демонстрируя переход от скрытого соперничества к открытому, ставит под угрозу безопасность ЮВА и тем самым подводит страны к прямой торгово-экономической и военно-политической борьбе.

Политика США в регионе

В последние годы США усиленно наращивают свой политический, экономический и военный потенциал, бросая вызов Китаю с целью сдержать его внешнеполитические амбиции и создавая напряжённость в ЮВА в целом. Вероятность регионального господства КНР не устраивает американский внешнеполитический истеблишмент, т.к. подрывает позиции и интересы Соединённых Штатов в регионе и создаёт, как следствие, новые вызовы в отношениях двух государств. По этой причине Вашингтон нацелен на большее вмешательство в дела ЮВА и АТР в целом. Как уже было отмечено выше, подобное соперничество приводит к нарастанию конфликтности между двумя странами.

Американская политика в АТР основывается на двусторонних соглашениях с Филиппинами, Южной Кореей, Японией, Таиландом, Австралией и Тайванем. Поддержание статуса гегемона в ЮВА, ВА, СВА и во всём АТР – главная цель США. Стоит заметить, что в случае возникновения кризисной ситуации в регионе, угрожающей потерей

¹ 30 years on: China, ASEAN upgrade ties to comprehensive strategic partnership. 22.11.2021 // CGTN. URL: <https://news.cgtn.com/news/2021-11-22/Xi-chairs-summit-marking-anniversary-of-ASEAN-China-dialogue-relations-15oga5BCb3q/index.html> (accessed: 10.06.2022).

позиций, Вашингтон способен в кратчайшие сроки навязать своё лидерство силовыми методами.

Значение Юго-Восточной Азии для Штатов определяется следующими факторами:

- требованием безопасной транспортировки нефти и нефтепродуктов через Малаккский пролив;
- необходимостью свободного судоходства и движения товаров в Южно-Китайском море;
- потребностью использовать регион в качестве опорной точки для максимально ускоренного развёртывания вооружённых сил США при возникновении конфликтной ситуации, которая способна повлечь за собой военное столкновение в любой точке мира;
- ростом доминирования Китая в регионе;
- поддержанием собственных экономических интересов.

Главные цели США в Юго-Восточной Азии – не допустить там доминирования Китая; контролировать ситуацию в Южно-Китайском море и оперативно принимать меры при обострении ситуации; обеспечить безопасность свободного судоходства и движения товаров.

Для осуществления такого политического видения истеблишмент США намерен осуществить переброску значительной части вооружённых сил из Южной Кореи и Японии в Новую Зеландию и Австралию. Так, Вашингтон не только снижает напряжение между стратегическими союзниками ввиду наличия американских военных баз на их территориях, но и расширяет степень присутствия в ЮВА, за счёт чего происходит существенное сокращение расстояния от областей максимально ускоренного развёртывания сил, главным образом – ЮКМ. Важно отметить, что подобные действия со стороны США маловероятны лишь по той причине, что размещение армейских частей создаёт риск прямого столкновения с вооружёнными силами Китая, что в свою очередь способно привести к горячему конфликту.

Тем не менее в существующих реалиях в Министерстве обороны США обсуждается вопрос о локализации войск непосредственно в странах Юго-Восточной Азии. Пентагон также отметил, что размещение сухопутных частей будет направлено в первую очередь на сдерживание Китая².

В политических планах Вашингтона есть также задача по ведению переговоров со всеми странами ЮВА с целью наращивания и углубления взаимодействия в приоритетных сферах: военной, политической и экономической. Международные отношения пополняются американскими соглашениями с такими основными партнёрами, как Сингапур, Филиппины, Индонезия, Таиланд, Малайзия и Вьетнам.

На фоне разногласий КНР с Филиппинами и Вьетнамом в ЮКМ США призывают к сплочению стран АСЕАН в борьбе против Китая. Соединённые Штаты стремятся вовлечь в этот процесс и Индию, убеждая Дели в наличии угрозы наращивании китайской военно-морской силы в Юго-Восточной Азии.

США любыми способами добиваются возвращения ранее утраченной позиции политического и экономического лидера в отношениях со странами Юго-Восточной Азии, на которую в последнее время со всей серьёзностью претендует Китай. Однако если

² США могут разместить войска в Юго-Восточной Азии для противодействия Китаю. URL: <https://regnum.ru/news/3584009.html> (дата обращения: 10.06.2022).

государства ЮВА и считают КНР крупнейшим экономическим партнёром, то США стремятся остаться главным донором стран АСЕАН. Впрочем, в последнее время Вашингтон упускает из рук и этот статус. Тем не менее Соединённые Штаты намерены пользоваться пока сохраняющейся за ними привилегией не только в экономическом контексте, втягивая страны АСЕАН в свою орбиту, но и в рамках строительства внушительного экономического, политического и военного противовеса растущей КНР.

К борьбе Китая с США добавляется противостояние Поднебесной с Японией. Всё это ещё больше трансформирует баланс сил в Юго-Восточной Азии и в АТР в целом. Соперничество не только замедляет сотрудничество в Юго-Восточной Азии, что в свою очередь приводит к утрате и без того недостаточного доверия государств региона друг к другу, но и повышает опасность военного столкновения, следствием чего является гонка вооружений в ЮВА [Титаренко].

Новым витком развития ситуации в области региональной безопасности стало образование трёхстороннего оборонного альянса между Австралией, Великобританией и Соединёнными Штатами. Следует подчеркнуть, что создание AUKUS (акроним, образованный по составу участников Australia, United Kingdom, United States) противоречит нормам Договора о нераспространении ядерного оружия и ставит под угрозу сам документ, поскольку подводные лодки в рамках альянса имеют право хранить ядерное оружие. Подобные шаги со стороны AUKUS лишь усугубляют обстановку в регионе и провоцируют старт гонки вооружений.

На протяжении двадцати лет американская политика в Юго-Восточной Азии меняла свой вид, однако в действительности целью Штатов всегда был контроль как над регионом, так и над отдельными странами. Сформулировав Индо-Тихоокеанскую стратегию, Вашингтон расширил понятие Азиатско-Тихоокеанского региона и выделил в нём значительную роль Индии. Стратегия США строится на перебалансировке американских военных сил в Юго-Восточной Азии. В рамках переброски войск особое значение приобретает Австралия. Помимо того, что в сентябре 2021 г. было объявлено о создании альянса AUKUS, США уже десять лет имели военную базу на Дарвине в Австралии. Так, образование AUKUS стало одним из этапов на пути к доминированию западных государств во главе с США в Юго-Восточной Азии.

Пекин и Вашингтон уже много лет создают друг другу препятствия в ЮВА. В частности, в Южно-Китайском море Китай проводит военные учения, оснащает военную базу на острове Хайнань, блокирует проход для американских кораблей, вводит санкции против стран, проводящих разведку и добычу углеводородов в спорном регионе. Объявление Пекином суверенитета над большей частью Южно-Китайского моря стало одной из серьёзных акций, направленных на ограничение действий не только прибрежных стран, но и США. Китай намерен распространить свой суверенитет над 80 % территории ЮКМ. Объявление девятипунктирной линии стало поводом для более активного вмешательства США в дела региона.

Подобная борьба между крупными державами за лидерство в регионе приводит к угрозе раскола между членами АСЕАН из-за разногласий в позициях поддержки той или иной стороны. Такое положение создаёт ещё один повод для трансформации ЮВА во взрывоопасный регион.

Япония и ЮВА

Несмотря на то, что Япония является одной из крупных стран в АТР с точки зрения вклада в мировую экономику, она ограничена в обеспечении внешней безопасности собственными силами, что в определённой степени сдерживает её политическое влияние во всём регионе. Другими словами, Япония воспринимается больше в качестве западного, нежели азиатского государства, вследствие её государственного устройства и военного потенциала, гарантирующего ей безопасность.

Тесное взаимодействие Токио с Вашингтоном в военно-политической сфере, нацеленное на то, чтобы завоевать статус мощного мирового лидера, с самого начала было обречено на провал из-за отсутствия у Японии собственных механизмов обеспечения как внутренней, так и внешней безопасности. В действительности полная зависимость от США вынуждает страны расценивать политику Японии через призму внешней политики Соединённых Штатов и считать страну посредственным игроком.

Токио в рамках сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии стал главным инициатором регионального экономического объединения, играя ключевую роль в такой интеграции. Вливание Японией крупных средств в экономику региона привело к тому, что некоторые государства (Южная Корея, Сингапур) и территории (Гонконг, Тайвань) стали демонстрировать высокие темпы экономического развития и получили неофициальное наименование «азиатские тигры». Тем не менее приобрести статус регионального лидера Японии помешало несколько важных факторов.

Уязвимым местом Страны восходящего солнца, которая стала одним из инициаторов и активных участников двух мировых войн, остаётся сфера безопасности, не позволяющая ей в том числе разрешать региональные кризисы. Япония не способна стать ведущей державой в военной сфере. Кроме того, на роль гаранта безопасности в регионе ей не позволяет претендовать наличие мощного, как в экономическом, так и в военно-политическом отношении, соперника в лице Китая. Именно по этим причинам заявка Японии на лидерство воспринималась странами ЮВА без особого энтузиазма.

В эпоху стремительного усиления позиций Китая в странах АСЕАН Японии остаётся более интенсивно взаимодействовать с Соединёнными Штатами, параллельно наращивая собственные ресурсы в области безопасности.

Индия – АСЕАН

Ещё один сильный региональный актор – Индия. Главное направление её политики, помимо двусторонних связей, – формат АСЕАН-Индия. С момента подписания договора с Ассоциацией Индия вступила в новую фазу взаимодействия по вопросам экономики, политики и безопасности в регионе [Уянаев]. Соглашение, заключённое сторонами ещё в 2004 г., декларировало сотрудничество во всех сферах жизни и соответствовало дорожной карте сотрудничества вплоть до 2020 г. В договоре стороны затрагивали такие аспекты взаимодействия, как энергетика, транспорт и связь, сельское хозяйство, торговля, инвестиции, трансрегиональная инфраструктура, борьба с пиратством и терроризмом, предотвращение распространения ОМУ, развитие мер доверия, продвижение политики мирного разрешения конфликтов и т.д.

Следует отметить, что в настоящий момент Индия разворачивает на Никобарских и Андаманских островах военные объекты, содержащие порты для обслуживания флота, а также авиабазы для воздушного наблюдения и моментального устранения угрозы. Причём радиус действия самолётов, обслуживающихся непосредственно на Андаманских островах, охватывает территорию Южно-Китайского моря и Малаккский пролив, что позволяет обеспечить безопасность транзитных маршрутов, по которым передвигаются нефтяные танкеры [Ильичёва].

Политика Индии в регионе выражается в военном присутствии и нацелена на извлечение экономической прибыли посредством объединения со странами АСЕАН и создания зоны свободной торговли, а также развития совместных энергетических проектов по поставкам энергоресурсов из Юго-Восточной Азии. Кроме того, индийские власти со всей серьёзностью намерены бороться с пиратством, организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом в регионе.

Заключение

Таким образом, в регионе формируется ситуация, когда США и КНР борются за лидерство. Подобное противостояние не допускает тотального доминирования каждой отдельно взятой страны, что в свою очередь сохраняет баланс сил в регионе. Однако соперничество ведёт к риску военного столкновения в Южно-Китайском море. Ввиду сложившейся ситуации у государств Юго-Восточной Азии есть потребность в независимом сильном игроке, способном выступить в качестве гаранта безопасности для устранения возможности горячего конфликта между крупными государствами. Важно отметить, что каждый геополитический гигант, находящийся в тесном сотрудничестве с АСЕАН, вносит определённый вклад в развитие региональной безопасности, которая основывается главным образом на двусторонних отношениях мощных игроков со странами Юго-Восточной Азии и в меньшей степени – на коллективных усилиях стран региона, несмотря на участие каждой из сторон в многосторонних механизмах безопасности.

Проект Индо-Тихоокеанского региона, с одной стороны, вызывает интерес АСЕАН, привлекая идеей территориальной целостности, равенства, независимости, взаимного уважения, развития сотрудничества. С другой стороны, государства – члены Ассоциации под предлогом выдвинутых идей не желают быть вовлечёнными в борьбу между США и КНР. Действия двух крупных государств способны разобщить членов Ассоциации и подтолкнуть к расколу не только в позициях поддерживания той или иной стороны, но и в вопросах разрешения внутренних споров. В эпицентре складывающихся событий остаются члены АСЕАН, которым предстоит выстроить экономический, политико-дипломатический и военный баланс.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы. Москва: Издательство «Форум», 2010.

Васильев Л.Е. Некоторые аспекты политики Китая в Юго-Восточной Азии // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2015. Том 20. № 20. С. 104–118.

Ильичёва Ю.А. Особенности сотрудничества Индии со странами АСЕАН в области безопасности в регионе Юго-Восточной Азии // Национальная безопасность. 2019. № 3. С. 38–46.

Титаренко М.Л. Вызревание новой геополитической ситуации в Восточной Азии // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Москва: Издательство «Форум», 2016. С. 13–26.

Уянаев С.В. Политика Индии в Восточной Азии: курсом безопасности и интеграции // Пути укрепления безопасности и сотрудничества в Восточной Азии. Москва: ИДВ РАН, 2014. С. 125–145.

Хоанг Кхак Нам. Вызовы для глобальной и региональной безопасности // Новые вызовы и механизмы безопасности в Восточной Азии. Москва: Издательство «Форум», 2016. С. 27–45.

REFERENCES

ASEAN v nachale XXI veka. Aktualnie problemi i perspektivi [ASEAN at the beginning of the XXI century. The actual problems and perspectives], Moscow: Publishing House “Forum”, 2010. (In Russian).

Ilyicheva Yu.A. (2019). Osobennosti sotrudnichestva Indii so stranami ASEAN v oblasti bezopasnosti v regione Yugo-Vostochnoy Azii [Features of India's cooperation with ASEAN countries in the field of security in the region of Southeast Asia]. *Natsional'naya bezopasnost'* [National Security], no. 3: 38–46. (In Russian).

Khoang Kkhak Nam. (2016). Vyzovy dlya global'noy i regional'noy bezopasnosti [Challenges for global and regional security]. *Novyye vyzovy i mekhanizmy bezopasnosti v Vostochnoy Azii* [New challenges and security mechanisms in East Asia], Moscow: Publishing House “Forum”: 27–45. (In Russian).

Titarenko M.L. (2016). Vyzrevaniye novoy geopoliticheskoy situatsii v Vostochnoy Azii [Maturation of a new geopolitical situation in East Asia]. *Novyye vyzovy i mekhanizmy bezopasnosti v Vostochnoy Azii* [New challenges and security mechanisms in East Asia]. Moscow: Publishing House “Forum”: 13–26. (In Russian).

Vasiliev L.E. (2015). Nekotoryye aspekty politiki Kitaya v Yugo-Vostochnoy Azii [Some aspects of China's policy in Southeast Asia]. *Kitay v mirovoy i regional'noy politike. Istoriya I sovremennost'* [China in World and regional politics. History and modernity], vol. 20, no. 20: 104–118. (In Russian).

Uyanaev S.V. (2014). Politika Indii v Vostochnoy Azii: kursom bezopasnosti i integratsii [India's policy in East Asia: the course of security and integration]. *Puti ukrepleniya bezopasnosti i sotrudnichestva v Vostochnoy Azii* [Ways to strengthen security and cooperation in East Asia], Moscow: IFES RAS: 125–145. (In Russian).

Jürgen Ruland. (2004). The Nature of Southeast Asian Security Challenges. The Third Europe-Southeast Asia Forum “Southeast Asian Security: Challenges and Structures”. Berlin: 1–17.

Поступила в редакцию: 16.05.2022

Финальная версия: 14.06.2022

Принята к публикации: 17.06.2022

Received: 16 May 2022

Final version: 14 June 2022

Accepted: 17 June 2022

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны

Д.В. Стрельцов

Аннотация. Распространённые в японском обществе антипатия и низкий уровень доверия к современной России обусловлены особенностями преподавания истории в Японии и риторикой средств массовой информации, которые оказывали воздействие на несколько послевоенных поколений граждан страны. Автор рассматривает основные факторы, сформировавшие негативный образ СССР в Японии, включая травматическую историческую память о Второй мировой войне, проблемы рыболовства в советско-японских отношениях, неудачные попытки СССР с опорой на левые и коммунистические силы влиять на японское общественное мнение, различные «шпионские скандалы» и иные инциденты холодной войны, а также советское военное строительство на Дальнем Востоке, которое воспринималось в Японии с изрядной долей алармизма.

Ключевые слова: образ СССР, японское общественное мнение, холодная война, японские военнопленные, советская военная угроза, «шпионские скандалы», северные территории.

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76); ведущий научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142П).

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Факторы негативного образа СССР в Японии в период холодной войны // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 32–46. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War

D.V. Streltsov

Abstract. The attitude in Japan towards contemporary Russia is characterized by a lack of sympathy and a low level of trust. These representations are the product of historical education, as well as the mass media, which had an impact on several post-war generations of the Japanese. The article examines the main factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War, including the traumatic historical memory of World War II, the problems of fishing between the two countries, the unsuccessful attempts of the USSR to rely on leftist and communist forces to ensure its influence on the Japanese public opinion,

various “spy scandals” and other incidents of the Cold War, as well as Soviet military construction in the Far East, which was perceived in Japan with a fair share of alarmism.

Keywords: the image of the USSR, Japanese public opinion, the Cold War, Japanese PoW, the Soviet military threat, “spy scandals”, Northern territories.

Author: Streltsov Dmitry V., Doctor of Sciences (History), Professor, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation); Leading Researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0001-7177-2831; E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Acknowledgements. This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142П).

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Streltsov D.V. (2022). Faktory negativnogo obraza SSSR v Yaponii v period holodnoy voyny [Factors of the negative image of the USSR in Japan during the Cold War], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 32–46. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-32-46

Многолетние опросы общественного мнения в Японии показывают неизменно низкий уровень доверия к России, которая наряду с КНДР вызывает среди основной массы японцев наименьшую расположенность. В период с 1978 по 2015 г. от 75 до 90 % граждан этой страны относились к СССР/России «без симпатии» [Чугров: 56]. По данным исследования общественного мнения, проведённого в сентябре 2021 г. по заказу Канцелярии кабинета министров, выяснилось, что именно так воспринимают наше государство 86,4 % граждан Японии¹. При этом события на Украине почти не повлияли на образ России – он остаётся практически таким же мрачным и малопривлекательным, как и ранее. На этом фоне можно предположить, что отношение к нашей стране определяется не столько отражением текущих событий в японских медиа, сколько стойкими, стереотипизированными представлениями о ней. Такие клише укреплялись в японском социуме на протяжении жизни нескольких поколений и продолжают влиять на массовое восприятие России.

Образ СССР в послевоенный период был крайне отрицательным, вплоть до того, что в академической литературе по проблемам международных взаимодействий сложилось представление о «нормальности» плохих отношений между странами.

Цель настоящей статьи – показать, как складывалось восприятие проблем исторического прошлого в двусторонних связях СССР/России и Японии на уровне массового сознания и как оно воздействовало на образ нашей страны в период холодной войны. Данный период взят неслучайно – именно тогда представление об СССР сформировалось у того поколения японцев, из которого вышел нынешний политический класс страны. Родившиеся и воспитанные в период биполярного противостояния, они продолжают руководствоваться теми догмами и стереотипами, которые превалировали в их молодые годы.

¹ 世論調査 令和3年度 外交に関する世論調査 (Сэрон тэса. Рэйва 3-нэн. Гайко-ни кансүру сэрон тэса : [Опрос общественного мнения. 2021 г. Опрос по вопросам дипломатии]). URL: <https://survey.gov-online.go.jp/r03/r03-gaiko/2-1.html> (дата обращения: 15.05.2022).

Память о минувшей войне и вопросы послевоенного урегулирования

Следует сказать, что недоверие к Советскому Союзу было основано на традиции восприятия СССР/России через призму «российской агрессивности». В рамках образовательного процесса страна преподносилась в основном как агрессивное, экспансионистское государство, постоянно замышляющее нападение на соседей (Японию в том числе). Школьникам рассказывали об «угрозе с Севера» и территориальных посягательствах России в отношении Японии в XVIII–XIX вв., о жёстком соперничестве стран в Корее и Маньчжурии и войне 1904–1905 гг., о «красной угрозе» и подрывной деятельности Коминтерна в Японии в 1920–1930-х гг., о пограничных столкновениях с СССР на озере Хасан и Халхин-голе в 1930-х гг., о скоротечной войне августа 1945 г., завершившейся полным разгромом Квантунской армии.

Особое место в этом ряду исторических знаний занимают события советско-японской войны 1945 г., которые воспринимаются в Японии с чувством неотмщённой обиды за допущенную, по мнению её граждан, вопиющую несправедливость. Наиболее сильные эмоции вызывают несколько моментов, связанных с войной.

Во-первых, Советский Союз объявил войну Японии всего за шесть дней до окончания Второй мировой войны², нарушив действующий на тот момент Пакт о нейтралитете от 12 апреля 1941 г. В связи с этим действия Москвы воспринимаются исключительно как акт вероломства, а не как исполнение союзнических обязательств, позволившее существенно ускорить окончание Второй мировой войны и избавить японский народ от многочисленных жертв, которые он понёс бы, продолжив бессмысленное сопротивление. В Японии не слишком хорошо известно, что обязательства СССР по Уставу ООН, касающиеся действий, направленных на скорейшее завершение войны, вступали в силу немедленно после подписания Устава в апреле 1945 г. и имели преимущество по отношению к Пакту о нейтралитете.

К тому же многие в Японии не считали СССР, в отличие от США, в полной мере «победившей державой»: японцы считают, что воевали с американцами, а не с «русскими», которые вступили в войну на самом последнем её этапе, тем не менее в полной мере воспользовались всеми плодами победы.

Во-вторых, СССР продолжал войну в течение двух недель после 15 августа 1945 г., т.е. после официально объявленной капитуляции Японии. Это, в представлении её граждан, позволило ему оккупировать не только Южный Сахалин и Курильские острова, но и часть примыкающих к Хоккайдо островов, которые впоследствии были названы «северными территориями». В сознании большинства японцев закрепился штамп – СССР, пользуясь военным поражением Японии, действовал как «вор на пожаре» и присоединил к себе её исконные земли.

Кроме того, в 1960 г. СССР отказался выполнять данное им же ранее обещание, зафиксированное в Совместной декларации 1956 г., – передать Японии два острова Южных Курил (Шикотан и Хабомаи), обусловив это выводом с территории Японии иностранных войск, т.е. американских военных баз, размещённых в стране в соответствии с японо-американским Договором безопасности. Японцы любят напоминать, что США в 1972 г.

² В Японии этой датой считают 15 августа 1945 г., когда император Хирохито в радиозфере выступил с заявлением об окончании войны.

вернули Японии архипелаг Рюкю, а СССР оставил Южные Курилы за собой. Вокруг проблемы «северных территорий»³ в японском обществе сформировалась враждебная по отношению к Москве эмоционально-психологическая атмосфера, ставшая важнейшей причиной плохих политических отношений между двумя странами после 1960 г. вплоть до конца холодной войны. Стоит отметить, что претензии Токио на «северные территории» поддержало подавляющее большинство японцев, включая сторонников социалистов и коммунистов, т.е. те силы, на которые Советский Союз опирался при развёртывании своей политической пропаганды внутри Японии.

Особенно активно антисоветская кампания проводилась с начала 1980-х гг. В январе 1981 г. кабинет Судзуки провозгласил 7 февраля Днём «северных территорий», добиваясь как внутренней, так и международной поддержки территориальных претензий правительства. Политическое значение этой даты заключалось в том, что 7 февраля 1955 г. Россия и Япония заключили первый договор о границе, по которому четыре Южно-Курильских острова признавались частью Японии [Kim: 149]. Интересно, что многие японские организации предлагали сделать таким днём 3 сентября, так как именно в этот день в 1945 г. была проведена военная оккупация указанных островов. Судзуки отклонил это предложение, исходя из того, что в будущем День «северных территорий» должен был, по его мнению, стать памятной датой японско-советской дружбы [Uda: 64]. Однако в реальности эта дата никаким праздником дружбы не стала, превратившись, по сути, в удобный повод для демонстрации антисоветских настроений. При поддержке властей с начала 1980-х гг. была начата кампания по сбору подписей в поддержку требования о возвращении «северных территорий».

Эта проблема на протяжении нескольких десятилетий создавала японцам чувство психологического комфорта, ведь при оценке итогов Второй мировой войны они ощущали, что их страна была не только агрессором, но и жертвой. Советский Союз воспринимался как экспансионистская держава, нарушившая ею же самой подписанную Атлантическую хартию, согласно которой союзники не стремятся в ходе войны к территориальным приобретениям. Утрата «северных территорий» в этом смысле рассматривалась японцами в одном ряду с «несправедливыми» по отношению к ней действиями союзников, к числу которых они относили в первую очередь «суд победителей» (Токийский трибунал). Показательно, что, критикуя СССР, японцы при этом не винят США за атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, т.к., по их мнению, Америка после войны стала «учителем» Японии и обеспечила ей послевоенное процветание.

СССР произвёл насильственное интернирование около 600 тыс. японских военнопленных. Поскольку это произошло уже после опубликования императорского рескрипта об окончании войны, в глазах японцев этот инцидент стал прямым нарушением Потсдамской декларации, в соответствии с которой интернированные должны быть незамедлительно возвращены «к родным очагам». В результате тяжёлых условий содержания около 10 % военнопленных (примерно 60 тыс. чел.) погибли, некоторые были осуждены как военные преступники и содержались в плену вплоть до 1956 г. Репатриация полностью завершилась только к 1958 г.

³ Так в Японии называют четыре Южно-Курильских острова (Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряда Хабомай), в отношении которых Япония выдвигала территориальные претензии СССР, а сейчас – России.

Проблема военнопленных в том виде, в каком она подавалась в японских СМИ, оказывала крайне негативное влияние на образ СССР, особенно на начальном этапе холодной войны, когда эта проблема ещё не нашла своего окончательного решения. В первой половине 1950-х гг. в Японии сформировалось мощное общественное мнение, оказывающее давление на правительство в пользу принятия решительных мер. Например, в период подготовки соглашения о нормализации двусторонних отношений газета «Майнити симбун» 14–16 октября 1955 г. провела опрос, по результатам которого выяснилось, что именно проблемы репатриации в ходе переговоров с Москвой в наибольшей степени волновали большинство японцев – об этом заявили 40,9 % респондентов. Когда в 1956 г. переговоры по вопросу репатриации были приостановлены, ту же позицию выразили в ходе проведённого в июне того же года опроса 53,3 % опрошенных – больше, чем доля респондентов, выбравших в качестве наиболее важного для себя вопроса территориальную проблему [Morley: 54].

После возвращения из плена многие репатрианты открыто делились своим лагерным опытом, писали книги и охотно давали многочисленные интервью. В результате детали пребывания в советских лагерях стали достоянием широкой общественности. Во многих произведениях литературы, музыки и кино звучал мотив «жестокости сибирского плена», формировавший представление об СССР у послевоенного поколения японцев. Были созданы Всеяпонский совет организаций семей японских интернированных во главе с Х. Арита, Общенациональный совет по компенсациям интернированным, возглавляемый Р. Сайто, и иные организации военнопленных, которые проводили массовые митинги и формировали петиции, привлекая внимание средств массовой информации, оказывали давление на правительственных чиновников и политических лидеров в парламенте и в правительстве.

В период проведения репатриации большой общественный резонанс вызывала «битва списков» – серьёзные расхождения между длинными перечнями лиц, которые, по мнению японцев, находились в Советском Союзе, и короткими списками тех, кто, по признанию советских должностных лиц, продолжал там оставаться. Многие японцы полагали, что Москва намеренно скрывала истинное число военнопленных с целью затянуть процесс репатриации, т.к. военнопленные представляли собой крайне ценную и квалифицированную рабочую силу. Неприязнь к СССР дополнительно подпитывалась тем, что советские власти проводили активную коммунистическую пропаганду среди военнопленных и пытались использовать репатриантов в качестве своей «пятой колонны» после их возвращения на родину. На этом фоне неудивительно, что даже в период подготовки соглашения о нормализации двусторонних отношений японцы в массе своей не испытывали к СССР тёплых чувств. Например, согласно опросам газеты «Йомиури», проведённым в ноябре 1955 г. и в сентябре 1956 г., своё сочувствие к позиции Советского Союза по проблеме военнопленных выразили не более 5 % граждан [Morley: 55].

Дополнительным фактором формирования негативных представлений об СССР явилось то, что даже после нормализации двусторонних отношений Москва не делала ничего для сохранения могил скончавшихся в плену японцев, в результате чего многие места их захоронений были безвозвратно утрачены. Кроме того, СССР отказывался предоставлять репатриантам справки о нахождении в плену и привлечении к труду во время заключения, что поставило лиц, прошедших советские лагеря, в неравноправное положение по отношению к японцам, прошедшим плен в США или Британской империи и получившим

соответствующие сертификаты, позволявшие им требовать от японского правительства компенсации за свой труд [Катасонова: 61].

Дополнительным фактором, накалявшим атмосферу антисоветизма в Японии, стала гуманитарная составляющая проблемы границы, а именно – вопрос о посещении могил предков переселёнными в Японию бывшими жителями островов. После нормализации отношений в 1956 г. советские власти разрешали японцам групповые посещения могил на Южных Курилах, однако с течением времени требования ужесточались. С 1965 г. для въезда потребовались только специальные удостоверения личности, выданные Министерством иностранных дел Японии, а в 1976 г. – обычный загранпаспорт и виза, что в глазах японской стороны, очевидно, означало официальное признание островов советской территорией. Японское правительство отказалось подчиниться такому порядку [Berton: 1277], в результате эта практика была приостановлена. Лишь в 1986 г. требование было снято, и японцы в августе того же года смогли посетить могилы предков на Хабомаи и Шикотане, а в 1989 г. – на острове Кунашир⁴. В октябре 1991 г. специальным межправительственным соглашением была налажена практика безвизовых обменов. Поскольку японцы считают посещение семейных могил своей священной обязанностью, лишение их этого права воспринимается в Японии как серьёзное ущемление их базовых прав.

Имидж СССР в Японии ухудшал и вопрос рыболовства. После войны СССР перешли акватории в 12-мильной зоне вокруг Сахалина и Курильских островов, где ранее вели промысел японские рыбаки. Ссылаясь на необходимость сохранения рыбопромысловых ресурсов, в 1956 г. советская сторона провозгласила т.н. линию Булганина, которая очерчивала большую акваторию северо-западной части Тихого океана, в пределах которой японский улов должен был быть ограничен до заключения рыболовной конвенции. В 1957 г. советская сторона закрыла для японцев залив Петра Великого, а с 1959 г. – Охотское море. Хотя действия советской стороны с позиций международного права были закономерными, в Японии они подогревали антисоветские настроения. Например, в шести крупнейших городах Японии, где 2–30 марта 1958 г. проводился опрос общественного мнения, 68 % японцев выразили «возмущение» советским запретом на рыбную ловлю в Охотском море. Только 1 % опрошенных был готов признать, что действия СССР оправданы [Morley: 52].

В дальнейшем, когда на повестке дня вставал вопрос о подписании новой рыболовной конвенции, освещение японскими СМИ проблемы рыболовства в двусторонних отношениях с Москвой давало импульс для роста в стране сильных антисоветских настроений. В связи с этим следует отметить, что сами японские рыбопромышленники, в отличие от основной части населения, были настроены на конструктивный лад, понимая, что проявление неуступчивости ударит по их же интересам. Между тем поддержка рыбаков наряду с голосами фермеров всегда была важна для правящей ЛДП для сохранения прочной базы электоральной поддержки [Kim: 147]. Это было одним из факторов в пользу того, что в реальности курс японского правительства в отношении СССР по большинству вопросов двусторонних отношений, причём необязательно связанных с темой рыболовства, был достаточно компромиссным, особенно в период до введения 200-мильной зоны [Kimura: 31].

⁴ 北方四島訪問事業—いわゆるビザ無し訪問 (Хоппо ёнто хомон дзигё – иваёру бидза-наси хомон : [Посещение «северных территорий» – т.н. практика безвизовых визитов]). URL: https://www.spf.org/islandstudies/jp/wp/wp-content/uploads/2016/07/5-2_sample_takai.pdf (дата обращения: 15.05.2022).

СССР как идеологический противник Японии

После возобновления дипломатических отношений между странами Советский Союз быстро улучшил свой облик в глазах японской общественности своими научно-техническими и культурными достижениями. В 1957 г. СССР запустил первый искусственный спутник Земли, в 1961 г. Гагарин совершил первый в мировой истории пилотируемый полет в космос. В конце 1950-х гг. Москва направила в Японию серию культурных миссий, включая балет Большого театра, оркестр Ленинградской филармонии, а также Московский художественный театр. При этом имел значение и провозглашённый Хрущёвым курс на мирное сосуществование, который позволил СССР отойти от мрачного образа сталинской эпохи, утвердившись в глазах японцев в качестве миролюбивой державы.

Отчасти как реакция на провал милитаристской политики во время войны, основанной на националистической идеологии, в некоторой степени – из-за идеалистического подхода ко внутренней и международной политике, значительная часть японской интеллигенции придерживалась после окончания войны умеренно или даже крайне левых взглядов. Многие профессора японских университетов в 1950–1960-х гг. заявляли, что Япония должна взять на вооружение идеалы социализма. При этом они пытались убедить японский народ в том, что именно Советский Союз – хорошая модель этой идеологии [Uda: 54]. В моду вошло изучение русского языка, в стране массовыми тиражами издавались книги о достижениях Советского Союза в области экономики и социального благосостояния, искусства и культуры, науки и техники. Важную роль играло и успешное развитие в 1960-е гг. японо-советских отношений в экономической сфере. В Японию стали поставляться советский уголь, необходимый для развития металлургии, цветные металлы, лес, морепродукты, что в свою очередь повышало в глазах рядовых японцев значимость хороших отношений с СССР.

Вместе с тем Москва не всегда эффективно использовала открывшиеся для укрепления своего влияния новые возможности. СССР активно пытался использовать два инструмента: левые силы и Коммунистическую партию Японии (КПЯ) в частности, а также т.н. движение «борьбы за мир». Такая стратегия, которая с разной степенью успеха использовалась в различных странах мира, в данном случае оказалась не очень удачной. С момента своего основания в 1922 г. Коммунистическая партия Японии была для Москвы верным агентом влияния, пропагандируя идею о том, что Советский Союз, а позднее и коммунистический Китай – лучшие для Японии образцы демократического прогресса. Однако после войны вышедшая из подполья КПЯ была не очень успешной на парламентских выборах (в период холодной войны она практически никогда не набирала более 5 % голосов) [Morley: 58]. Можно сделать вывод, что при таком уровне электоральной поддержки ей в любом случае не удалось бы убедить сколько-нибудь значительную часть японского общества в необходимости отойти от внешнеполитической ориентации на Америку и выбрать Советский Союз в качестве модели для подражания.

Противоречивость образа СССР в Японии была связана и с тем, что, несмотря на уважение к культурным достижениям и идеологические симпатии, на массовом уровне он продолжал ассоциироваться с несимпатичным обликом «красного» государства, носителя чуждой коммунистической идеологии, которую он стремился распространить в мире в целях «экспорта революции». Следует вспомнить, что в довоенный период зловещий облик СССР

в Японии был связан не столько с социалистической революцией как таковой, сколько с попытками Коминтерна проводить в Японии подрывную деятельность.

Заклучив в 1951 г. союзный договор с Америкой, Япония оказалась с СССР по разные стороны геополитических баррикад. В глазах японцев Советский Союз оставался враждебной в идеологическом отношении страной и после смерти Сталина. Постепенно, по мере снижения остроты и болезненности воспоминаний о войне и роста экономических успехов страны, которые японцы связывали с выбором капиталистического пути развития и внешнеполитической ориентацией на США, ассоциация СССР с коммунистической идеологией становилась для японского общественного мнения наиболее существенным фактором его психологического неприятия. Выражаясь словами Ф. Уда, Советский Союз в имиджевом плане превратился из «чёрного» в «красный», т.е. стал источником в первую очередь не военной, а коммунистической угрозы [Uda: 55]. По мнению Уда, Москва исчерпала «профицит» положительного имиджа (идеологические симпатии, уважение к достижениям и т.д.) и не смогла создать себе в Японии значительного лобби, в то время как старый «дефицит», связанный с негативной памятью о войне, сохранился в Японии в полном объёме [Uda: 55].

Усилиями пропаганды и исторического образования СССР после 1960 г. стал восприниматься в качестве агрессивного государства, в одностороннем порядке нарушившего Пакт о нейтралитете, проявившего вопиющую несправедливость в отношении бывших японских военнослужащих и лишившего Японию её исконных территорий. На этом фоне левые партии стали опасаться, что образ социализма будет отождествляться с мрачным образом СССР, который наносил ущерб их авторитету внутри страны.

В этих условиях прогрессивный лагерь стал отказываться признать лидерство Москвы. Дополнительным раздражителем стали попытки КПСС сохранить опеку над КПЯ, которая вышла из подполья в 1945 г. – японские коммунисты во многом справедливо полагали, что такое покровительство ударит по их популярности в японском обществе. С 1950-х гг. КПЯ взяла курс на демонстративное отдаление от КПСС, а в 1964 г. прервала с ней отношения, открыто выступив против Договора о частичном запрете ядерных испытаний. Межпартийные контакты возобновились только в 1979 г. [Berton: 1268].

Японская компартия заняла среди японских политических движений наиболее неуступчивую позицию по вопросу «северных территорий», выступив с территориальными требованиями к Москве не только в отношении Южных Курил, но и всего Курильского архипелага, а также Южного Сахалина, от которых Япония отказалась по Сан-Францисскому мирному договору. Проявлениями резких противоречий с советскими коммунистами стал её отказ поддержать обвинения в адрес Пекина в 1960-е гг., критика советских действий в Чехословакии, Афганистане и Польше, а также разногласия по поводу политической тактики внутри самой Японии. В глазах руководства КПСС диссидентство КПЯ, помимо всего прочего, было свидетельством «неблагодарности» японских коммунистов, взращённых и выпестованных Москвой [Stephan: 142]. Трения с КПЯ привели к тому, что у компартии Советского Союза с середины 1960-х гг. отношения были лучше не только с Соцпартией, но и с консервативной и проамериканской Либерально-демократической партией Японии. Показательно, что Москва прекрасно взаимодействовала и с «акулами капитализма» – представителями японского крупного бизнеса, которые видели в СССР не столько

идеологического противника, сколько перспективного и надёжного делового партнёра, заслуживающего наивысшего доверия.

Под лозунгом «борьбы за мир» Москва пыталась укрепить своё влияние и на уровне массовых пацифистских настроений. Большую популярность в послевоенной Японии обрела выдвинутая левыми силами концепция «невооружённого нейтралитета». Распространившиеся там идеи прочного мира, демократического прогресса и защиты независимости были связаны, с одной стороны, с критическим переосмыслением милитаристского прошлого, с другой – с недовольством подчинённым положением Японии в системе Договора безопасности с США.

После начала холодной войны во многих странах были созданы комитеты, призывающие к поддержке всех т.н. «защитников мира». Они особенно привлекали молодёжь, интеллигенцию, женщин, профсоюзных активистов и левых политических лидеров. В Японии левые силы стремились убедить японский народ в том, что Советский Союз является «силой мира» и что для Японии крайне желательно наладить с ним сотрудничество. По всей стране были созданы «Комитеты мира», во главе которых стояли коммунисты, социалисты и беспартийные общественные деятели, а «борьба за мир» стала неотъемлемой частью программ действий большинства массовых организаций. Апеллируя к широко распространённому стремлению к миру во всём мире, лидеры движения проповедовали идею о том, что мир разделён между двумя силами – «силами за мир» (к которым они относили страны социализма и государства, придерживающиеся нейтралитета) и «врагами мира» (то есть капиталистическими государствами Запада, включая Соединённые Штаты и Японию). В этом контексте советская внешняя политика рассматривалась как способствующая «делу мира», а предложенный левыми курс на невооружённый нейтралитет, получавший поддержку Москвы, оценивался как отвечающий национальным интересам Японии.

Поддержка движения «борьбы за мир» теоретически должна была позволить Советскому Союзу избавиться от клейма «агрессивного» государства, стремящегося к мировому господству, каковым в представлении большинства японцев до войны был сталинский СССР. Однако в реальности авторитет СССР как ведущей силы в борьбе за мир был в Японии крайне ограниченным и сохранялся только среди узких групп сторонников левых партий. Этому способствовало то, что ещё было живо поколение японцев, воспитанных на идеях «красной опасности». Кроме того, поводы для сомнений в приверженности СССР делу мира давала и внешняя политика СССР, официально направленная на защиту завоеваний социализма и отпор «проискам империализма». В начале 1960-х гг. японцы находились под сильным впечатлением от событий, связанных с подавлением антикоммунистического мятежа в Венгрии 1956 г., а также с Берлинским (1961) и Карибским (1962) кризисами, поставившими мир на грань мировой войны. Несмотря на все усилия СССР, лишь около 3 % японцев считали его страной, действительно работавшей на дело мира [Morley: 57]. По опросам 1961 г., доля тех, кто считал, что из всех стран именно СССР может начать войну, в пять раз превысила число респондентов, назвавших США⁵.

⁵ В ходе опроса общественного мнения, проведённого в Токио газетой «Токио симбун» 23–24 сентября 1961 г., был задан вопрос: «Если Соединённые Штаты или Советский Союз начнут войну, кто, по вашему мнению, сделает первый шаг?». Большинство респондентов выбрали ответ «не знаю», однако 32,9 % ответили, что это будет СССР, тогда как 6,7 % назвали США [Morley: 57].

С начала 1980-х гг. усиление имиджа СССР как «страны-агрессора» было связано с новым витком холодной войны, который начался после ввода советских войск в Афганистан [Berton: 1273]. После начала вторжения палата представителей японского парламента приняла резолюцию с требованием вывести вооружённые силы Советского Союза с территории суверенного государства. С СССР был немедленно прекращён обмен высокопоставленными чиновниками, приостановлены банковские кредиты для новых контрактов и проектов, запрещён экспорт высоких технологий. Правительство прекратило продвигать Соглашение о культурном обмене с Советским Союзом и отозвало приглашение советского министра культуры. Кроме того, Япония присоединилась к бойкоту летних Олимпийских игр 1980 г., которые проходили в Москве. Показательно, что эта политика не встретила оппозиции в стране, а японские СМИ, неизменно отличавшиеся критическим отношением к действиям правительства, на этот раз никаких возражений не выразили.

Советское военное строительство на Дальнем Востоке и неприятные инциденты холодной войны

Негативный образ СССР в японском обществе ещё больше усиливался в связи с советским военным строительством на Дальнем Востоке. Несмотря на пацифистский статус Японии, Союз воспринимал эту страну, связанную Договором безопасности с США и предоставляющую свою территорию для американских военных баз, в качестве потенциального военного противника. Кроме того, в послевоенном СССР по-прежнему сохранялось чувство тревоги из-за возможности возрождения японского милитаризма. Так, Советский Союз не подписал Сан-Францисский договор, в частности потому, что в его тексте отсутствовали внятные и жёсткие ограничения военного строительства в Японии. Кстати, в советской прессе критика японо-американского союза была приглушённой – за этим стояла оценка Договора безопасности как инструмента сдерживания милитаристских амбиций Японии.

С 1958 г., когда в США шли переговоры о новой редакции Договора безопасности, Москва предупреждала Японию о том, что размещение ядерного оружия на её территории будет «угрожать миру и безопасности на Дальнем Востоке» [Morley: 57]. Иными словами, согласие на складирование ядерных боеприпасов на американских военных базах в глазах Москвы немедленно превратило бы Японию в объект советского потенциала сдерживания. Давление на неё наряду с мерами СССР по укреплению своего оборонного потенциала на Дальнем Востоке, особенно в 1960–1970-х гг., когда усилилась конфронтация на советско-китайской границе, привело к возникновению у японцев ощущения советской военной угрозы. Советский Союз неизменно позиционировался как единственная такая опасность, а в опросах общественного мнения он продолжал возглавлять рейтинг «наименее популярных стран» [Simon: 133]. Особенно быстро алармистские настроения в стране стали расти после 1978 г., когда на Южных Курилах была размещена 10-тысячная советская группировка войск [Menon: 340]. Сильное раздражение в Японии вызвало то, что в октябре 1985 г. на острове Итуруп, являющемся объектом японских территориальных требований, было начато размещение крылатых ракет наземного базирования, способных нести ядерное оружие [Clark: 148].

Крайне болезненно воспринималось в Японии решение советского руководства о передислокации ракет средней дальности СС-20 из Европы в Сибирь и на Дальний Восток. О том, что СССР рассматривает возможность их перемещения в Восточную Азию, 11 января 1983 г. заявил генеральный секретарь ЦК КПСС Ю.В. Андропов в ходе переговоров с лидером западногерманской оппозиции. МИД Японии выразил советскому правительству протест против планов передислокации ракет и их нацеливания на Японию [Uda: 45].

В Токио, безусловно, понимали, что советский военный потенциал на Дальнем Востоке направлен в первую очередь против США и Китая, а не Японии. Но осознавали японцы и то, что в случае военного конфликта между сверхдержавами их страна, связанная Договором безопасности с США, не сможет «прикрыться» мирной конституцией и однозначно станет объектом нападения со стороны СССР, с учётом не только расположенных на её территории американских военных баз, но и стратегического положения страны и её способности эффективно перекрыть морские коммуникации для советского Тихоокеанского флота.

Отрицательный образ СССР активно усугублялся проправительственными японскими СМИ. В ежегодных докладах министерств и ведомств Японии за 1980 г., включая «Голубую книгу по дипломатии» и «Белую книгу по обороне», особый акцент делался на наличии советской военной угрозы и мерах по её преодолению. Именно в первой половине 1980-х гг. в японской публицистике появилось огромное количество материалов, посвящённых потенциальному вторжению СССР на Хоккайдо. Благодаря этому произошёл своего рода качественный поворот: если раньше экспертов, общественных и политических деятелей, которые участвовали в публичном обсуждении вопросов обороны и военной безопасности, называли «ультраправыми» или даже «милитаристами», то в начале 1980-х гг. общественное мнение стало относиться к этим деятелям с пониманием и даже сочувствием. За этим стояло существенное усиление враждебных настроений в японском обществе по отношению к СССР. Например, опрос общественного мнения, проведённый газетой «Йомиури» в январе 1980 г., показал, что только 3 % населения согласны с мнением, что для Японии было бы лучше сотрудничать с СССР, по сравнению с 45 % тех, кто одобрил партнёрство с США, и 34 % – с КНР [Kim: 148].

Негативные эмоции в отношении Советского Союза подогревались также рядом инцидентов в двусторонних отношениях, явившихся порождением холодной войны. Эти эпизоды, возможно, были незначительными в мировой политике, однако, привлекая широкое общественное внимание благодаря репортажам японских СМИ, укрепляли негативный образ СССР, соответствуя уже существующим стереотипам.

На протяжении нескольких десятилетий СССР продолжал осуществлять разведывательную деятельность в акваториях и воздушном пространстве вокруг Японии. Советские самолёты-разведчики приближались к японским границам, а иногда и нарушали их. Это происходило не по причине специфического антияпонского настроения или особой «антияпонской» государственной политики Москвы, а в логике холодной войны, где имело место военное противостояние двух блоков, в рамках которого Япония была геополитическим и потенциальным военным противником СССР.

Недоверие к СССР подогревали инциденты с советской военной техникой. В июне 1980 г. самолёт-разведчик Ту-16, совершая фотосъёмку, приблизился к транспортному судну японских Сил самообороны на чересчур малой высоте, задел крылом водную поверхность и упал в Японское море. Примерно два месяца спустя близ Окинавы произошёл пожар на

советской атомной подводной лодке, в результате чего погибли девять членов экипажа, трое получили ранения⁶. Команда отказалась от помощи японских спасателей, ожидая отечественной миссии. При этом, как сообщалось, несколько советских военных кораблей прибыли на место происшествия за удивительно короткое время и отбуксировали подводную лодку через территориальные воды Японии, игнорируя протесты японцев [Uda: 49]. Москва отказалась отвечать на запрос Токио о том, произошла ли утечка радиоактивных веществ с лодки, в связи с чем японцам пришлось проводить собственные замеры радиационного фона⁷.

Свой вклад в атмосферу холодной войны внесло «дело Беленко». Летом 1976 г. новейший советский истребитель МиГ-25 был угнан с Сахалина и приземлился на Хоккайдо, а его пилот Виктор Беленко попросил политического убежища в Соединённых Штатах. Продемонстрировав, что советская авиация может вторгнуться в воздушное пространство Японии без каких-либо препятствий, этот инцидент вызвал там сильную озабоченность. Поскольку Токио отказался депортировать пилота, а самолёт был детально исследован американскими специалистами и возвращён СССР с большой задержкой, Москва выступила в адрес японского правительства с резкими обвинениями, что в свою очередь спровоцировало рост в Японии антисоветских настроений.

Другим раздражителем были время от времени вспыхивавшие в Японии «шпионские скандалы». Например, в начале 1980 г., сразу после вторжения Советского Союза в Афганистан, отставной генерал Миянага и два действующих офицера Сил самообороны были арестованы по подозрению в шпионаже⁸ на основании доказанной передачи секретных документов советскому военному атташе.

Более крупным инцидентом стало «дело Левченко». В 1979 г. майор КГБ Станислав Левченко «перебежал» в Америку из Японии, где работал под прикрытием статуса корреспондента советского политического журнала. Он дал показания на слушаниях в Палате представителей США (постоянный комитет по делам разведки) и сообщил, в частности, что среди японских государственных деятелей, правительственных чиновников, журналистов имеется более 200 агентов КГБ. Показания Левченко были опубликованы в декабре 1982 г. и вызвали в Японии огромный общественный резонанс [Uda: 44].

Трагедия рейса KAL007 стала ещё одним неприятным эпизодом холодной войны. В сентябре 1983 г. над водами, прилегающими к Японии, советским истребителем был сбит корейский авиалайнер, совершавший полёт из Анкориджа в Сеул, в результате чего погибли 269 человек, в том числе 28 граждан Японии. В японских медиа звучала критика в адрес СССР по поводу того, что его силами был уничтожен невооружённый коммерческий авиалайнер без достаточных на то оснований и необходимого предупреждения. Кроме того, японцы были разочарованы реакцией Москвы, которая хранила долгое молчание

⁶ ソ連原潜が火災 沖縄東方沖を航行中 (Сорэн гэнсэн-га касай. Окинава тохо оки-о кокотю : [Пожар на советской подводной лодке, проплывавшей к востоку от Окинавы]). URL: <https://nordot.app/801587032389255168> (дата обращения: 15.05.2022).

⁷ ソ連原子力潜水艦の火災事故に伴う放射能調査について (Сорэн гэнсирёку сэнсуйкан – но касай дзико – ни томонау хосьяно тэса-ни цуйтэ : [О результатах обследования радиационной обстановки в связи с пожаром на советской подводной лодке]). URL: <http://www.aec.go.jp/jicst/NC/about/ugoki/geppou/V25/N08/198008V25N08.html> (дата обращения: 15.05.2022).

⁸ 宮永スパイ事件 (Миянага супай дзикэн : [Шпионское дело Миянаги]). URL: <https://rekisi.info/miyanaga.html> (дата обращения: 15.05.2022).

и предоставляла обрывочную информацию, прежде чем признала факт умышленного уничтожения самолёта. И хотя реакция японского правительства была достаточно умеренной и заключалась в двухнедельной отмене регулярных коммерческих рейсов между Токио и Москвой, данный инцидент, мягко говоря, не способствовал популярности СССР в Стране восходящего солнца.

Широко освещался в Японии инцидент с незаконной продажей Советскому Союзу станков с числовым программным управлением (ЧПУ) японской корпорацией Toshiba и норвежской компанией Kongsberg. Сделку удалось осуществить в обход Координационного комитета по экспортному контролю, т.н. CoCom (Coordinating Committee for Multilateral Export Controls), запрещавшего экспорт в страны Восточного блока «чувствительной» продукции. Проданное оборудование использовалось Советским Союзом в атомной и тяжёлой промышленности, а также для изготовления судовых винтов с высокой точностью, которые делали подводные лодки практически невидимыми для американских эхолотов. В 1987 г., когда дело вышло на поверхность и виновные были наказаны, инцидент вызвал в Японии шквал критики по поводу уязвимости системы защиты разработанных в Японии промышленных технологий двойного назначения.

На череду событий, связанных с двусторонними отношениями в контексте холодной войны, налагалось невидимое воздействие «плохих новостей» из СССР. В Японии не оставалось незамеченным, что успехи «реального социализма» в их интерпретации японскими СМИ находились в противоречии с пропагандистскими штампами, тиражируемыми японоязычными советскими журналами и передачами московского радио, ориентированными на японскую аудиторию. Речь шла о медицине, уровне жизни и иных аспектах национального благосостояния, где наметилось серьёзное отставание СССР от развитых капиталистических стран, а также о различных авариях и инцидентах, подрывающих имидж СССР как передовой научно-технической державы. Сильное воздействие на японцев произвела информация японских СМИ о реальных масштабах аварии на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г. Хуже всего было воспринято то, что СССР транслировал во внешний мир сильно приукрашенную информацию о катастрофе, особенно на первом этапе операции по ликвидации её последствий.

Заключение

Таким образом, негативное отношение к современной России в японском общественном мнении имеет чётко выраженную историческую подоплёку. В условиях идеологического противостояния Японии и СССР в период холодной войны происходила передача травматического опыта и стереотипов от поколения к поколению. В рамках такой парадигмы Советский Союз оставался для Японии «источником всевозможных бед».

К тому же в Стране восходящего солнца не сложилось сильных лоббистских групп в пользу отношений с СССР, так как он занимал относительно низкое положение в шкале внешнеполитических и экономических приоритетов Токио. Торгово-экономические отношения с СССР были в основном ограничены вопросами обеспечения ресурсами растущей японской экономики. Торговля с Советским Союзом была незначительной в общем товарообороте Японии, составляя не более 2 %. При этом если в 1960–1970-е гг. наблюдалась огромная зависимость Японии от импорта российского сырья, то с начала 1980-х гг. экономические

интересы стали второстепенными по отношению к политическим вопросам. Этот сдвиг в японской политике произошёл не только из-за роста международной напряжённости, но и из-за снижения потребностей Японии в российских ресурсах, и прежде всего в результате внедрения энерго- и ресурсосберегающих технологий после нефтяных кризисов 1970-х гг.

На этом фоне в Токио не без оснований считали, что «демонизация» северного соседа внутри страны не мешает торговым связям хотя бы в силу того, что СССР был заинтересован в торговых контактах не менее самой Японии. Создавался своего рода порочный круг: обличая Советский Союз, политики гарантированно получали дополнительные кредиты в глазах собственных избирателей без риска ущемить собственные национальные интересы, а это в свою очередь создавало новый внутривнутриполитический спрос на «советскую военную угрозу».

В результате образ СССР оставался в Японии неизменно мрачным на протяжении всего периода холодной войны. Антикоммунистически настроенное японское общественное мнение воспринимало северного соседа с чувством враждебности как по идеологическим причинам, так и в силу устойчивой негативной исторической памяти об «угрозе с Севера». Лишь крайне ограниченная доля японцев, чьи непосредственные экономические или личные семейные интересы были связаны с рыболовством, торговлей или иными деловыми отношениями с СССР, рассматривали его как рационального партнёра, а потому его имидж не поддавался сильному воздействию антисоветской пропаганды. Но для подавляющего большинства японцев советская идеология оставалась враждебной, а его поведение на мировой арене представлялось агрессивным и даже пугающим. Стойкие стереотипы холодной войны перекочевали в постбиполярную эпоху.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Катасонова Е.Л. Япония выполнила исторический долг // Мировая экономика и международные отношения. 2010. № 12. С. 59–66.

Чугров С.В. Образ России в Японии и образ Японии в России: Рабочая тетрадь 33. Российский совет по международным делам (РСМД). М.: Спецкнига, 2016. 56 с.

REFERENCES

Chugrov S.V. (2016). *Obraz Rossii v Yaponii i obraz Yaponii v Rossii: Rabochaya tetrad' 33* [The Image of Russia in Japan and the Image of Japan in Russia: Working Paper 33], The Russian Council for International Affairs (RIAC), Moscow: *Spetskniga*. 56 p. (In Russian).

Katasonova E.L. (2010). *Yaponiya vypolnila istoricheskiy dolg* [Japan has fulfilled its historical duty]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 12: 59–66. (In Russian).

Berton P. (1986). Soviet-Japanese Relations: Perceptions, Goals, Interactions. *Asian Survey*, 26(12): 1259–1283.

Clark S. (1987). Soviet Policy toward Japan. *Proceedings of the Academy of Political Science*, 36 (4), Soviet Foreign Policy: 132–150.

Kim E. (1992). The territorial dispute between Moscow and Tokyo: a historical perspective. *Asian Perspective*, 16(2): 141–154.

Kimura H. (1988). Japan's Relations with the Soviet Union. *Harvard International Review*, 10 (4): 30–33. URL: <https://www.jstor.org/stable/42760936> (accessed: 15.05.2022).

Menon R. (1983). The Soviet Union in East Asia. *Current History*, vol. 82, no. 486: 313–317, 339–343. URL: <https://www.jstor.org/stable/45315197> (accessed: 02.03.2022).

Morley J. (1962). Japan's Image of the Soviet Union 1952–61. *Pacific Affairs*, vol. 35, no. 1: 51–58. URL: <https://www.jstor.org/stable/2752711> (accessed: 02.03.2022).

Simon S. (1974). The Japan-China-USSR Triangle. *Pacific Affairs*, vol. 47, no. 2: 125–138. URL: <https://www.jstor.org/stable/2755603> (accessed: 02.03.2022).

Stephan J. (1982). Soviet Approaches to Japan: Images Behind the Policies. *Asian Perspective*, vol. 6, no. 2: 132–150.

Uda F. (1984). Policy and Public Image in Japanese-Soviet Relations: Diplomatic Strains and Declining Popularity. *Journal of Northeast Asian Studies*, 3 : 43–65.

Поступила в редакцию: 02.06.2022

Финальная версия: 04.06.2022

Принята к публикации: 08.06.2022

Received: 2 June 2022

Final version: 4 June 2022

Accepted: 8 June 2022

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-47-55

Межкорейское культурно-гуманитарное сотрудничество на современном этапе

А.Л. Поленова

Аннотация. Сотрудничество Республики Корея (РК) и КНДР в сферах культуры, науки и спорта является важной составляющей отношений этих государств. Последнее десятилетие, начавшееся в КНДР правлением Ким Чен Ына, было ознаменовано рядом ярких и насыщенных совместных проектов, таких как Олимпийское потепление 2018 г., когда произошло резкое оживление дипломатического диалога. В статье описаны примеры успешных и неудачных двусторонних инициатив в культурно-гуманитарной сфере. Среди них – символически значимые выступления единой корейской сборной на крупнейших международных соревнованиях, «обмены» концертами популярных музыкальных коллективов, проекты в сфере живописи и киноискусства. Хотя стороны пытались возобновить и научное сотрудничество, добиться успеха в этом направлении им не удалось. После затухания политического диалога и постепенной утраты надежды на дальнейшее политическое сближение контакты в культурно-гуманитарной сфере также сошли на нет ещё до добровольного закрытия КНДР границ в связи с распространением эпидемии коронавируса в 2020 г.

Ключевые слова: КНДР, Республика Корея (РК), межкорейские отношения, культурно-гуманитарное сотрудничество, внешняя политика, культурные обмены.

Автор: Поленова Анна Львовна, научный сотрудник Центра корейских исследований, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, д. 32). ORCID: 0000-0003-1854-6733; E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Поленова А.Л. Межкорейское культурно-гуманитарное сотрудничество на современном этапе // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 47–55. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-47-55

Inter-Korean cultural and humanitarian cooperation at the present stage

A.L. Polenova

Abstract. The cooperation of the DPRK and the Republic of Korea (ROK) in the spheres of culture, sports and science is a crucial component of relations between these countries. The latest decade, which began with Kim Jong-un coming to power in the DPRK, included some rewarding and diverse cultural and humanitarian events such as the Olympic warming of 2018, when the world witnessed an activation of inter-Korean diplomatic dialogue. The article provides examples of both successful and failed joint initiatives in

cultural and humanitarian spheres. Among them are symbolically important performances of the joint Korean team during major sports events, exchanges of music concerts, projects involving visual arts. Both sides have taken measures to vitalize scientific cooperation, but did not succeed. After the political dialogue returned to former tense state, cooperation in cultural and humanitarian spheres also came to naught even before the DPRK closed its borders in 2020 due to the COVID-19 epidemic.

Keywords: DPRK, Republic of Korea (ROK), inter-Korean relations, cultural and humanitarian cooperation, foreign policy, cultural exchange.

Author: Polenova Anna L., Research Fellow, Center for Korean Studies, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997). ORCID: 0000-0003-1854-6733; E-mail: polenova@ifes-ras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Polenova A.L. (2022). Mezhekoreyskoe kul'turno-gumanitarnoe sotrudnichestvo na sovremennom etape [Inter-Korean cultural and humanitarian cooperation at the present stage], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 47–55. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-47-55

Социально-политическая обстановка на Корейском полуострове на протяжении последних нескольких десятилетий оценивается международными экспертами как неустойчивая и подверженная влиянию многих переменных, связанных с внутренней и внешней политикой КНДР, РК и их ближайших соседей. Межкорейские отношения – один из наиболее важных факторов стабильности на полуострове, от которой напрямую зависит не только соблюдение интересов национальной безопасности обоих государств, но и ситуация во всём регионе Северо-Восточной Азии.

Современный этап развития связей КНДР и РК в культурно-гуманитарной сфере отличается весьма интересной динамикой, описанию и анализу которой и посвящена эта статья. Поскольку Пхеньян, а также любое взаимодействие с ним других стран оцениваются прежде всего через призму развития северокорейской ракетно-ядерной программы, наибольшее внимание исследователей и специалистов-практиков сконцентрировано на деталях контактов в политической и военной сферах, в то время как вопросы культурно-гуманитарных связей остаются на втором плане. Однако в настоящий момент оценка геополитических возможностей государств представляется неполной без учёта их креативного и организационного потенциала [Богатуров], напрямую связанного с культурно-гуманитарным сотрудничеством. Актуальность темы обусловлена ещё и недостаточной изученностью современного северокорейского опыта по установлению культурных связей, а также распространённостью устойчивых стереотипов о культурной жизни КНДР. Хронологически рамки исследования ограничены временем правления в КНДР Ким Чен Ына (к. 2011 – н.в.), методологически оно основывается на ивент-анализе межкорейского культурно-гуманитарного сотрудничества (в рамках данной статьи оно определяется как партнёрство в сферах искусства, науки и спорта) в рассматриваемый период, что может способствовать выявлению значимых тенденций даже при малом числе рассматриваемых событий [Torigian].

Культурно-гуманитарное сотрудничество в современной внешней политике КНДР

Северокорейская активность в вопросах культурно-гуманитарного сотрудничества с зарубежными партнёрами значительно более скромная, чем деятельность Сеула в том же направлении. Применительно к Пхеньяну можно выделить три крупные группы проектов, которые КНДР реализует с иностранными коллегами:

- участие в многосторонних научных проектах или программах по сохранению культурного наследия;
- сотрудничество в сфере науки и образования;
- обмены в области «высокой культуры» (концерты, выставки и т.д.) [Поленова].

Также можно выделить небольшую группу авторских проектов, инициаторы которых экспериментировали с формой или содержанием конечного продукта сотрудничества (яркий пример – творческая лаборатория DMZ-Academy)¹.

Важно отметить, что эти программы имеют разные цели и далеко не всегда являются чисто пропагандистскими. Напротив, опыт исследователей, участвовавших в совместных с КНДР проектах, показывает, что северокорейским коллегам есть что предложить в рамках научных обменов, при этом затруднений, вызванных идеологическими расхождениями и т.д., не возникает. Основной проблемой вместо этого были названы сложности с оперативным обменом информацией².

Важно и то, что КНДР, по крайней мере до пандемии, готова была пробовать новые форматы сотрудничества с зарубежными партнёрами. Описывая это в терминах исследований публичной дипломатии, можно сказать, что Северная Корея тяготеет к традиционным рамкам взаимодействия, однако в её «портфолио» есть проекты, которые можно отнести к новой публичной дипломатии, отличающейся формированием большего числа горизонтальных связей, иным целеполаганием (налаживанием устойчивых контактов равных акторов, а не передачей определённого посыла партнёру-объекту), а также своеобразным медийным освещением общих проектов [Cull, 2009].

Интенсивность межкорейских контактов в культурно-гуманитарной сфере в рассматриваемый период крайне невелика; примеры успешного взаимодействия приходятся на период так называемого Олимпийского потепления 2018 г., когда произошла временная активизация межкорейских политических отношений, в том числе состоялись исторические саммиты лидеров КНДР и РК.

Корейский полуостров и спортивная дипломатия

Наиболее продуктивным и успешным оказалось партнёрство в сфере спорта. К примерам удачно реализованных проектов можно отнести:

- участие объединённой команды атлетов из КНДР и РК в соревнованиях зимней Олимпиады (9–25 февраля 2018 г.) в Пхёнчхане, когда спортсмены прошли вместе на открытии и закрытии Игр под общим флагом, на котором изображены очертания Корейского

¹ The DMZ Academy. URL: <http://traavik.info/works/the-dmz-academy> (accessed: 04.06.2022).

² Hammond J. Understanding Volcanoes in Isolated Locations. Science & Diplomacy. 02.09.2016. URL: <https://www.sciencediplomacy.org/perspective/2016/understanding-volcanoes-in-isolated-locations> (accessed: 20.06.2022).

полуострова (такой опыт у сторон уже был в 2000 г. на Олимпиаде в Сиднее, в 2004 г. в Афинах и в 2006 г. в Турине), а 23 спортсменки с Юга и 12 с Севера в составе единой сборной Кореи участвовали в международном турнире по хоккею среди женщин;

– участие единой женской команды в соревнованиях Чемпионата мира по настольному теннису среди команд (29 апреля – 6 мая 2018 г., Хальмстад, Швеция) – спортсменки, прежде игравшие отдельными командами, объединились для участия в полуфинале против команды Японии;

– совместное участие в части соревнований международного турнира по настольному теннису Korea Open (17–22 июля 2018 г.);

– участие объединённой команды атлетов из КНДР и РК на соревнованиях XVIII Азиатских игр (10 августа – 2 сентября 2018 г.) – проход спортсменов под единым флагом на открытии и закрытии Игр, а также участие в составе сборной в ряде соревнований (женский баскетбол, соревнования по нескольким видам гребли);

– участие объединённой команды в XXVI Чемпионате мира по гандболу среди мужских команд (10–27 января 2019 г., Германия, Дания) – спортсмены впервые приняли участие в составе единой сборной Кореи, в которую вошли 16 игроков с Юга и 4 с Севера, причём для команды было сделано исключение по числу игроков.

В спорте сотрудничество представляло собой расширение уже привычных форм взаимодействия (совместное участие в церемониях открытия и закрытия международных соревнований под единым флагом), были и попытки развить успех. Хотя реальные спортивные достижения были весьма умеренными, объединение атлетов в рамках соревнований имело большое символическое значение, т.к. продолжило уже существовавшую традицию спортивной дипломатии и выявило потенциал практического сотрудничества в условно неполитическом пространстве. Такое оживление контактов в сфере спорта наблюдалось впервые с 1990-х гг.

Налаживание культурных связей

Пик контактов в сфере культуры также пришёлся на период «Олимпийского потепления». Был успешно реализован ряд беспрецедентных проектов. Прежде всего, стоит упомянуть концерты северокорейских исполнителей в Южной Корее (8 февраля 2018 г., Каннин; 11 февраля 2018 г., Сеул), когда незадолго до открытия Олимпийских игр в РК прибыло северокорейское судно со 140 артистами оркестра «Самджиён». Программа выступлений была составлена с учётом аудитории, в неё не вошли политически заряженные произведения – вместо этого выбор был сделан в пользу песен, посвящённых темам объединения, корейского патриотизма, общих национальных символов, а со сцены звучала европейская классика и попурри из южнокорейских популярных произведений 1980-х гг. Сеульский концерт завершился исполнением песни об объединении вместе с южнокорейской поп-певицей Сохён³.

Кроме того, в первые дни апреля того же 2018 г. в Пхеньяне состоялись концерты южнокорейских исполнителей «Весна наступает». Тогда в КНДР прибыло около 190 южнокорейских музыкантов, технических специалистов и репортёров; программа была

³ North Korean Orchestra Gives an Emotional Concert in the South // The New York Times. 08.02.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/02/08/world/asia/north-korea-orchestra-olympics.html> (accessed: 04.06.2022).

разнообразной, в неё вошли песни популярных в РК жанров в исполнении Чо Ён Пхилия (один из наиболее популярных музыкантов 1980-х гг., который уже выступал с сольным концертом в Пхеньяне в 2005 г.), фолк-рок-ансамбля YB и к-поп-группы Red Velvet.

На XXII Пучхонском международном фестивале фантастического кино (BIFAN), прошедшем 12–22 июля 2018 г., в рамках программы «Первое письмо из незнакомой страны» было представлено 9 фильмов из КНДР, в число которых вошли фантастическая драма в исторических декорациях «Пульгасари» (1985), комедия «Товарищ Ким отправляется в полёт» (2012), снятая совместно с кинематографистами из Великобритании и Бельгии, популярный в КНДР семейный фильм «История нашего дома» (2016) и другие⁴. Кроме того, в 2019, 2020 и 2021 гг. в рамках программ «Пхеньянское кино» Пхёнчханского международного мирного кинофестиваля (PIPFF), учреждённого РК для увековечения достижений межкорейских переговоров 2018 г., состоялись показы северокорейских фильмов⁵.

Не было обойдено вниманием и изобразительное искусство. Так, в рамках XII биеннале в Кванджу (7 сентября – 11 ноября 2018 г.) прошла выставка современной северокорейской живописи «Северокорейское искусство: парадоксальный реализм». На экспозиции под названием «Воображаемые границы» было представлено 32 работы живописцев северокорейского творческого объединения Мансудэ и 15 полотен мастеров из КНДР⁶.

Отдельно стоит отметить интерес южнокорейских деятелей искусства к творчеству их северокорейских коллег вне рамок совместных проектов, который выразился, в частности, в театральной постановке 2019 г. по северокорейскому роману «Друг» (Пэк Нам Нён, 1988 г.)⁷.

Культурное сотрудничество этого периода можно характеризовать следующим образом. Прежде всего, заметно, что южнокорейская сторона более открыта к демонстрации северокорейских произведений искусства, к диалогу о культурных сходствах и различиях, о влиянии политики на культуру. В то же время даже в период временного потепления в межкорейских отношениях общество не было едино в настрое на культурный контакт: 2018 г. был отмечен рядом акций протеста, критикующих приезд северокорейских деятелей искусств в РК. Также стоит добавить, что северокорейские авторы не всегда воспринимаются как равноправные партнёры по диалогу, не всегда могут получить площадку для представления своих произведений, а иногда становятся частью перформативного искусства южнокорейских коллег. Так, например, можно оценить проект художницы Хам Кёнга, при помощи китайских посредников наладившей контакт с северокорейскими вышивальщицами, которые вручную изготовили серию произведений по её эскизам, – как отмечает автор, в них были зашифрованы послания для мастериц⁸. Рукодельницы из КНДР анонимны и выступают в качестве выразительного средства, которое художница использует для создания контраста, для раскрытия темы авторства и свободы

⁴ BIFAN 2018. URL: http://www.bifan.kr/eng/bifan/history_program_list.asp?sc_category1=949&sc_year=2018 (accessed: 04.06.2022).

⁵ PIPFF. URL: <https://pipff.org/eng/> (accessed: 04.06.2022).

⁶ 12th Gwangju Biennale. URL: <https://www.gwangjubiennale.org/en/archive/past/90.do> (accessed: 04.06.2022).

⁷ Пуксосоль, нам нандоккыгыро четхансэн...нэнён чонсикконъён чхуджин : [Северокорейский роман переработан в южнокорейскую пьесу. Постановка запланирована на следующий год]. Yonhap News. 07.10.2019. URL: <https://www.yna.co.kr/view/AKR20191007124000005> (accessed: 04.06.2022).

⁸ An Artist Unites North and South Korea, Stitch by Stich. The New York Times. 26.07.2018. URL: <https://www.nytimes.com/2018/07/26/arts/design/kyungah-ham-north-korea.html> (accessed: 04.06.2022).

творчества. В описании вышитых полотен наряду с перечислением использованных материалов упомянуты не только шёлк, полотно и деревянная рама, но и «посредники, взятки, тревога, контрабанда, цензура, идеология».

Сотрудничество в сфере науки и образования

Опыт сотрудничества в сфере науки, к сожалению, даже на фоне немногочисленных проектов в других областях сложно назвать успешным. Несмотря на заявленное в 2015 г. восстановление работы над составлением единого словаря корейского языка (должна была завершиться в 2019 г.), которая началась ещё в начале 2000-х гг., но затем была приостановлена, в этом направлении не удалось добиться результата. Республика Корея также пыталась инициировать совместные исторические исследования, изучение фрагментов древних крепостей, но идея не была поддержана северокорейскими коллегами. Стоит отметить и отсутствие образовательных обменов. Пожалуй, отчасти это связано с тем, что для плодотворных совместных исследований необходимо более продолжительное, последовательное взаимодействие, чем это возможно в изменчивых условиях межкорейских отношений.

Особенности межкорейского культурно-гуманитарного сотрудничества

Прежде всего, хорошо заметно, что проекты, инициируемые Пхеньяном в отношениях с Сеулом, всегда продвигают «высокую культуру» (живопись, близкая к традиционной, студийные кинофильмы, пропагандирующие ценности семьи и коллектива), как правило, имеют значительную символическую нагрузку, а их реализация приурочена к значимым датам и т.д. Во всех случаях с северокорейской стороны действующим лицом выступают государственные институты. Эти инициативы отличает важность политического контекста и посыл со стороны КНДР в адрес контрагента, а также общая направленность на улучшение имиджа Пхеньяна за рубежом. КНДР стремится сформировать образ современного, развитого государства за счёт «культурных даров» партнёру. Такие практики отсылают к опыту периода холодной войны, прежде всего, к культурной политике Советского Союза [Cull, 2008]. В настоящий момент они считаются скорее устаревшими и не учитывающими современные возможности взаимодействия и ожидания аудитории страны-потребителя. Примечательно, что в отношениях с другими государствами Пхеньян прибегает к более современным форматам взаимодействия.

Причины приостановки сотрудничества

В любом случае, идёт ли речь о культуре, спорте или науке, взаимодействие довольно скоро было свёрнуто – причём задолго до начала жёсткой изоляции КНДР в связи с распространением коронавируса в 2020 г., и опыт оживления культурно-гуманитарного сотрудничества можно считать, скорее, неудачным. Выделим несколько причин такого резкого угасания контактов.

Прежде всего, площадки внутри стран закрыты для культурного влияния контрагента; это справедливо не только для КНДР, которая традиционно контролирует распространение

зарубежной культуры, а в последнее время ещё более ужесточила курс на борьбу с «разлагающим влиянием» массовой культуры капиталистических стран. Южнокорейской аудитории тоже сложно знакомиться с явлениями северокорейского искусства, читать произведения авторов из КНДР, слушать музыкантов из соседней страны и т.д. Более того, распространение северокорейских произведений может попадать под положения Закона о национальной безопасности Республики Корея, принятого ещё в 1948 г. Многие пассажи этого документа – прямое наследие середины XX в., они носят очевидный антисеверокорейский характер. В результате знакомство жителей РК с произведениями искусства страны-соседа ограничивается единичными случаями. Более того, в периоды, не отмеченные ситуативным сближением, представления о КНДР формируются преимущественно за счёт сообщений СМИ и книг северокорейских перебежчиков, зачастую представляющих информацию о стране в искажённом виде. Без ключевого для культурного сотрудничества компонента – доступа к широкой аудитории страны-контрагента – невозможно влиять на имидж своего государства в её глазах.

Ещё один фактор, обусловивший неудачу, – устаревшие форматы сотрудничества. Секьюритизация межкорейского партнёрства в любой сфере, как на Севере, так и на Юге, приводит к тому, что единственным допустимым актором остаётся государство, создание горизонтальных связей пока не представляется возможным, отсутствует пространство для опробования новых форматов взаимодействия. Отчасти этим обусловлены и попытки прибегнуть к уже испытанным форматам, восстановить и завершить старые общие проекты – скорее всего, больше из соображений престижа и стремления не уронить репутацию, выбрав нечто новое и поэтому рискованное.

Вдобавок к этому культурно-гуманитарное сотрудничество имеет для двух корейских государств большое символическое значение, но и только. Сейчас можно сказать, что культурный диалог тесно связан с политическим и не имеет шансов на самостоятельное развитие. Это легко заметить по рассматриваемому периоду: все значимые события приходится строго на период активизации политического диалога, после затухания которого и культурно-гуманитарное сотрудничество резко сходит на нет. Несмотря на широкий резонанс, который межкорейские проекты вызывают в международном сообществе, КНДР и РК, судя по всему, не особенно рассчитывают на резкое наращивание числа общих мероприятий (спортивных, культурных и т.д.). Это связано не только с ограничениями, накладываемыми политическими кругами, но и, например, с протестами части южнокорейского общества против слишком активного взаимодействия с КНДР, в том числе и в сфере культуры и спорта, как показали демонстрации 2018 г.

Нельзя не отметить разрыв в ожиданиях Севера и Юга по поводу влияния культурно-гуманитарного сотрудничества на политическое взаимодействие. Сеул часто видит в общих проектах признак того, что от Пхеньяна можно будет добиться уступок, а затем закрепить успех и перевести сотрудничество в политическую сферу. Тем не менее Север не согласен с таким подходом к налаживанию контактов. Возможно, более эффективны были бы не попытки обрести политическое влияние на Пхеньян, а, напротив, добиться стабильного участия КНДР в международных и двусторонних проектах в области культуры, науки, спорта и т.д., что будет способствовать упрочению доверия между сторонами, даст Пхеньяну понять, что его готовы воспринимать как равного участника международных процессов.

Выводы

В текущий момент межкорейское культурно-гуманитарное сотрудничество поставлено на паузу. Рассматриваемый период (с к. 2011 г. по настоящее время) отмечен рядом интересных, даже экспериментальных совместных проектов Пхеньяна с зарубежными партнёрами, однако отношения с Сеулом были не самым лучшим примером – хотя бы потому, что активное взаимодействие было связано с намерением последнего перевести зарождающиеся связи в политическую плоскость.

Наиболее плачевно выглядит картина в сфере науки. В отсутствие возможностей проводить последовательную многолетнюю работу в связи с нестабильностью политической обстановки на Корейском полуострове даже возобновление труда над уже знакомыми и символически важными проектами (например, над созданием единого словаря корейского языка) пока не представляется реалистичным.

Сотрудничество в области спорта было более успешным, хотя и очевидно связанным с политической обстановкой. Для КНДР и РК это относительно «комфортная» и привычная среда для взаимодействия, создание сборной из спортсменов двух стран для участия в соревнованиях позволяет символически объединить население расколотой страны. Хотя спортивная дипломатия и пережила короткий подъём, он завершился вскоре после Олимпийского потепления.

Связи в сфере искусства были несколько более обнадеживающими. К сожалению, пока полноценный диалог деятелей культуры наладить не удалось – из-за сильной секьютизации межкорейских отношений и того, что все осуществлённые проекты со стороны КНДР курировались государством и сотрудничество не смогло вырасти в достаточно устойчивые горизонтальные связи. В то же время нельзя не отметить, что интерес к налаживанию отношений был, причём больший – со стороны Сеула. Так, наблюдался живой интерес к произведениям северокорейского искусства, имели место низовые инициативы по изучению литературы КНДР и т.д. Найти информацию об общих проектах после 2019 г. невозможно, а потому высока вероятность, что дело не только в закрытии границ из-за пандемии коронавируса, но и во влиянии политической обстановки.

Для всех трёх сфер характерны: выбор в пользу более традиционных форматов сотрудничества и неготовность переходить к новой публичной дипломатии. Симптоматично, что это признак именно отношений КНДР с Республикой Корея. Культурно-гуманитарное сотрудничество с другими внешнеполитическими партнёрами было отмечено более новаторскими, свежими и по форме, и по содержанию проектами.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Богатуров А. Лидерство и децентрализация в международной системе // Международные процессы. 2006. Том 4. № 3 (12). URL: <http://intertrends.ru/old/twelfth/001.htm> (дата обращения: 04.06.2022).

Поленова А.Л. Культурно-гуманитарное сотрудничество во внешней политике КНДР при Ким Чен Ёне // Современные проблемы Корейского полуострова. М.: ИДВ РАН, 2021. С. 107–115.

REFERENCES

Bogaturov A. (2006). Liderstvo i decentralizaciya v mezhdunarodnoy sisteme [Leadership and decentralization in the international system]. *Mezhdunarodnye Protsessy* [International Processes], vol. 4, no 3 (12). URL: <http://intertrends.ru/old/twelfth/001.htm> (accessed: 04.06.2022).

Polenova A.L. (2021). Kulturno-gumanitarnoe sotrudnichestvo vo vneshney politike KNDR pri Kim Chen Une [Cultural and Humanitarian Cooperation in DPRK's Foreign Policy Under Kim Jong-un] in *Sovremennye problemy Koreiskogo poluostrova* [The Current Problems of the Korean Peninsula], Moscow: IFES RAS: 107–115.

* * *

Cull N.J. (2009). *Public Diplomacy: Lessons from the Past*. Los Angeles: Figueroa Press, 62 p.

Cull N.J. (2008). Public Diplomacy: Taxonomies and Histories. *Annals of the American Academy of Political and Social Science*, vol. 661, no. 1: 31–54.

Torigian J. (2021). A New Case for the Study of Individual Events in Political Sciences. *Global Studies Quarterly*, vol. 1, issue 4: 1–11.

Поступила в редакцию: 06.06.2022

Финальная версия: 08.06.2022

Принята к публикации: 22.06.2022

Received: 6 June 2022

Final version: 8 June 2022

Accepted: 22 June 2022

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-56-66

Режим самовластия разрушительного типа – опыт Китая эпохи Мао Цзэдуна

В.Ф. Бородич

Аннотация. В статье рассматривается трансформация авторитарного коллективистского режима правления КНР в авторитарный персоналистский режим правления Мао Цзэдуна. Методологической основой исследования автор избрал дихотомию рационального и иррационального, разума и воли как метод понимания и объяснения двух разновидностей авторитарного режима правления. Согласно авторскому пониманию, авторитарный режим правления в КНР, существовавший со дня образования государства до 1956 г., даёт пример борьбы двух начал в руководстве КПК и китайского государства – *рационального*, основанного преимущественно на разуме, стремящегося к упорядоченности, плановости и учёте закономерностей, и *иррационального*, базирующегося преимущественно на воле, стремящегося к управлению стихией и случаем. По мнению автора, успешным развитием в 1949–1956 гг. Китай обязан коллективистскому режиму, основанному на рациональном начале, а сменившее его персоналистское правление Мао Цзэдуна доказало полную несостоятельность, устремив главные усилия Компартии и государства не на развитие, а на самосохранение. В статье сделан акцент на том, что составной частью процесса трансформации коллективистского режима в персоналистский стала смена «полярности» рядом видных руководителей КПК и государства – от приверженности рациональному началу в политике к иррациональному. История показывает, что имела место политическая мимикрия с разными мотивами. К примеру, Дэн Сяопин, послуживший обоим режимам правления, в конечном счёте возглавил группу инициаторов воссоздания режима правления коллективистского типа, сгенерировавшего проведение успешной политики реформ.

Ключевые слова: Мао Цзэдун, Дэн Сяопин, КПК, авторитаризм, самовластие, трансформация, развитие, разум, воля, рациональное, иррациональное.

Автор: Бородич Владимир Фёдорович, ведущий научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0002-4814-6397; E-mail: borodich@rambler.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бородич В.Ф. Режим самовластия разрушительного типа – опыт Китая эпохи Мао Цзэдуна // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 56–66. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-56-66

A Destructive Autocracy Regime – China's Experience in the Mao Zedong Era

V.F. Borodich

Abstract. The article deals with the transformation of the authoritarian collectivist regime of the PRC into the authoritarian personalist regime of Mao Zedong. The author chose the dichotomy of rational and irrational, mind and will as a method of understanding and explaining the two varieties of the authoritarian regime of government as the methodological basis of the study. According to the author's understanding, the authoritarian regime of government in the PRC, which existed from the day the state was formed until 1956, provides an example of the struggle between two principles in the leadership of the CCP and the Chinese state – rational, based mainly on reason, striving for orderliness, planning and taking into account regularity, and irrational, based predominantly on the will, striving to control the elements and random. According to the author, China owes its successful development in 1949–1956 to the collectivist regime of government based on a rational principle, and the personalist regime of Mao Zedong, that replaced it, proved to be a complete failure, focusing the main efforts of the Communist Party and the state not on development, but on self-preservation. The article draws attention to the fact that an integral part of the process of transforming the collectivist regime into a personalist one was the change of "polarity" by a number of prominent leaders of the CCP and the state, who abandoned their commitment to the rational principle in politics in favor of the irrational principle. History shows that there was a political mimicry with different motives. For example, Deng Xiaoping, who served both regimes, eventually led a group of initiators to re-establish a collectivist-type government that generated successful reform policies.

Keywords: Mao Zedong, Deng Xiaoping, authoritarianism, autocracy, transformation, CCP, development, mind, will, rational, irrational.

Author: Borodich Vladimir F., Leading Researcher, Center for Political Research and Forecasts, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-4814-6397; E-mail: borodich@rambler.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Borodich V.F. (2022). *Rezhim Samovlastiya Razrushitel'nogo Tipa – Opyt Kitaya Epohi Mao Czeduna [A Destructive Autocracy Regime – China's Experience in the Mao Zedong Era]*, *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 56–66. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-56-66

В современной мировой политике наблюдается возвышение роли государств с авторитарными режимами. Этот тренд дополняется усилением авторитарных проявлений в демократических государствах, например в США периода президентства Трампа.

Китайский авторитаризм заслуживает особого внимания уже в силу того, что за более чем 40 лет реформ Китай превратился во вторую по значимости и влиянию сверхдержаву, доказав тем самым способность подобного режима развивать страну. Закономерна ли эта возможность или случайна – большой вопрос. История КНР со дня её образования в 1949 г. и до конца 1970-х гг. показывает, что авторитарное правление и в индустриальную эпоху может при определённых условиях трансформироваться в тоталитарное, ничем не страхуемое от проведения властью разрушительной для страны политики, а созидательный коллективистский авторитаризм способен трансформироваться в бесконтрольный персонифицированный. Именно к такому результату привело самовластие Мао Цзэдуна,

установившееся после 2 сессии VIII съезда КПК в 1958 г. и просуществовавшее до самой кончины «великого кормчего» 9 сентября 1976 г.

Деструктивный эффект правления Мао в указанный период описан в многочисленных исторических работах, которые представляют читателю факты и события с оценками причинно-следственных связей между ними. Однако применение только исторического метода оставляет многочисленные вопросы, возможность ответить на которые авторы нередко предоставляют читателю. Среди «узких» мест политической истории КНР рассматриваемого периода, порождающих загадки и непонимание, обращают на себя внимание следующие.

1. В чём причины и каковы обстоятельства смены делегатами 2 сессии VIII съезда КПК (5–23 мая 1958 г.) генеральной линии социально-экономического развития Китая, утверждённой менее чем два года до этого (15–27 сентября 1956 г.) на VIII съезде КПК? Почему стала возможной замена ключевого вектора развития страны посредством постепенных социально-экономических преобразований на диаметрально противоположный, с установкой на скачкообразное развитие?

2. Из-за чего сменились «полярность» взглядов и позиций некоторых представителей высшего руководства КПК и государства, в том числе Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина, не только отказывавшихся на определённое время от приверженности разумному, рациональному подходу к своей политической деятельности, но и превращавшихся в пропагандистов и активных участников осуществления политического курса, основанного на иррациональном волевом подходе, который обернулся катастрофическими для страны и её народа последствиями? Чем объясняется феномен обратной смены «полярности» выживших в годы «культурной революции» руководителей высшего звена, возвративших в партийную и государственную политику рассудочность и рациональность, положивших начало продуктивному созидательному курсу реформ, открывших для развития Китая возможности мирового рынка товаров, инвестиций и технологий?

3. Чем объяснить, что политику «трёх красных знамён», приведшую к деградации экономики, науки, культуры страны и обнищанию народа, провалившуюся в первые же годы после её провозглашения в 1958 г., сопровождавшуюся на рубеже 1950–1960-х гг. миллионами голодных смертей, руководство правящей Компартии оказалось в состоянии пересмотреть лишь спустя почти 20 лет? При этом следует отметить, что Устав КПК, принятый на её VIII съезде, декларировал: «Основной целью всей работы партии является максимальное удовлетворение потребностей материальной и культурной жизни народа» <...>, «непрерывное улучшение условий жизни народа на основе развития производства» [Zhongguo gongchandang zhangcheng, 1956].

4. Наконец, каким образом КПК удавалось сохранять положение правящей партии в условиях, когда одно из главных оснований её легитимности – развитие страны – не обеспечивалось целых два десятилетия?

Авторитарное правление может обеспечивать развитие

Попробуем взглянуть на режим самовластия Мао Цзэдуна в ракурсе диалектической взаимосвязи воли и разума, иррационального и рационального начал в политической деятельности.

Система правления, центром которой Мао Цзэдун стал к концу 1950-х гг., формировалась с 20-х гг. XX в., а в 1945 г. в Уставе КПК, принятом на VII съезде, появилось положение, согласно которому Компартия в своей работе руководствуется идеями Мао Цзэдуна, представляющими собой «единство теории марксизма-ленинизма и практики китайской революции» [Zhongguo gongchandang zhangcheng. Dangzhang quanwen...]. После образования 1 октября 1949 г. КНР лидерское положение Мао как Председателя ЦК КПК и создателя идеологической основы Компартии – «идей Мао Цзэдуна» – укрепилось избранием его на высшие государственные посты, в том числе на пост Председателя ВСНП. Сложность задач, вставших перед КПК, объективно должна была повышать ценность общих знаний и руководящего опыта, а также роль коллективной формы руководства, включая принятие партийных и государственных решений. И коллективная форма руководства, и роль идей Мао Цзэдуна для партийного строительства были заложены Уставом КПК в принцип демократического централизма. Как принцип государственного строительства демократический централизм был декларирован ст. 2 Конституции КНР 1954 г. В соответствии с ним Мао Цзэдун как первый среди равных должен был руководить Компартией и государством в единстве с деятелями, входившими по должности в круг лиц, уполномоченных принимать важнейшие решения.

В этом кругу были фигуры с самым большим объёмом компетенций: Лю Шаоци, занимавший с 1956 по 1966 г. пост первого заместителя Председателя ЦК КПК, с 1954 по 1959 гг. – Председателя ПК ВСНП, а с 1959 по 1968 г. – Председателя КНР; Чжоу Эньлай, бывший с 1956 по 1976 гг. заместителем Председателя ЦК КПК, бессменным, до своей кончины в 1976 г., премьером Государственного административного совета, а затем – Госсовета КНР и с 1954 по 1976 гг. – Председателем НПКСК. Оба были высокообразованными людьми, обладавшими как отечественными, так и зарубежными политическими и управленческими знаниями и опытом, полученными в том числе и за пределами Китая. Последнее обстоятельство, кстати, повышало ценность их участия в выработке и осуществлении государственной политики, т.к. стоявший во главе Компартии Мао Цзэдун изучал иностранную теорию и практику без выезда из страны. Лю Шаоци и Чжоу Эньлай в высшей степени ответственно относились к выработке и проведению научно- и практически обоснованного курса, оба были яркими представителями рационалистического подхода к политике, они группировали вокруг себя руководителей соответствующего им стиля работы.

Рационализм, как известно, выражается в планировании деятельности на основе разума, «с целью оптимизации теоретико-познавательных и практических результатов и максимальной адаптации к складывающемуся социотехноприродному бытию» [Дергачева: 17]. Мыслящие и действующие в этом ключе представители руководящих партийных и государственных органов КНР были главными генераторами идей и планов в целом успешной первой пятилетки (1953–1957).

В политике, как и в других сферах человеческой деятельности, рациональное начало сосуществует с началом иррациональным, разум – с волей. Так, иррациональное противопоставляет социальной плановости стихийность, опирается на бессознательное и интуицию, выражается в эмоционально-аффективном поведении представителей политической элиты и масс. Диалектика сосуществования альтернативных начал в политике может определяться и целенаправленным управленческим воздействием политических

субъектов друг на друга, и путём спонтанной самоорганизации взаимодействия политических субъектов, представляющих разные начала. В первом случае осуществляется целенаправленный поиск баланса, во втором – движение к их гармонии.

Как представляется, в деятельности политика Мао Цзэдуна всегда доминировало иррациональное начало. После образования КНР масштаб проблем, которые ему и его соратникам по правящей партии требовалось решать, кратно увеличился, что обусловило возвышение и коллективного начала в руководстве КПК, и рационального подхода к определению политического курса и его осуществлению значительной, если не преобладающей, частью руководителей партии и государства высшего звена. Именно рационально принимавшимся стратегическим решениям и их рационалистическому исполнению обязан Китай успехам восстановительного периода своей истории, успехам первой пятилетки, в конечном итоге – обязан сохранением государственности после испытаний режимом самовластия Мао Цзэдуна.

Успехи, связанные с развитием молодого государства, достигались во всё усиливающейся борьбе с трудностями не только объективного, но и субъективного порядка. Речь идёт о волевом проекте ускоренного перехода от постепенных социально-экономических преобразований в рамках концепции «новой демократии» к реформам, которые форсировались желанием Мао Цзэдуна ворваться в социализм на волне сверхусилий масс, вдохновлённых волей Компартии. Фактически с момента создания КНР в руководстве КПК стали выстраиваться две группы сторонников разных проектов строительства нового государства – одного, основанного на рациональных расчётах, предполагавших развитие страны, лишь недавно избавившейся от полукOLONиального состояния, в течение весьма продолжительного времени в рамках испытанной с конца 1930-х гг. концепции «новой демократии», и второго, базирующегося на волевых устремлениях Мао Цзэдуна противопоставить разуму волю, упорядоченности – стихию, умело управляя которой можно осуществлять самые смелые планы.

Сторонниками «новой демократии» в начале 1950-х гг. были высокопоставленные руководители: двое из четырёх членов Секретариата ЦК КПК (Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, он же – премьер Государственного административного совета), а также член Политбюро ЦК КПК, зам. премьера Государственного административного совета (ГАС), Председатель Центральной финансово-экономической комиссии Чэнь Юнь, зам. премьера Государственного административного совета, министр финансов Дэн Сяопин, министр финансов (сменённый на этом посту в 1953 г. Дэн Сяопином) Бо Ибо и ряд других руководящих лиц партийных и государственных органов. Неизвестно, составляли ли они организованную группу, но принимаемые с их участием решения позволяли им зачастую держать инициативу в проведении государственной политики в своих руках. Так, правительством в декабре 1952 г. был одобрен проект новой налоговой системы, в котором предусматривалось введение единообразного налогообложения всех форм собственности. Государственному, кооперативному и частнокапиталистическому секторам экономики, согласно проекту, создавались конкурентные условия сосуществования. Инициатива была подготовлена в ГАС без согласования с аппаратом ЦК КПК и без ведома Мао Цзэдуна, настроенного на скорейшее изжитие частнокапиталистического сектора. Узнав об этом решении, Мао Цзэдун выступил категорически против него [Панцов: 538-539].

Реагируя на активные действия своих оппонентов, Мао Цзэдун на заседании Политбюро ЦК КПК 15 июня 1953 г. обвинил сторонников «новой демократии» в стремлении к «прочному установлению новодемократического общественного порядка». «Они не понимают, – говорил он, – что характер революции изменился, и вместо социалистических преобразований продолжают заниматься «новой демократией» [Панцов: 540–541].

Однако в партии пока считались с уставным принципом демократического централизма, и спустя полгода, в декабре 1953 г., сторонники «новой демократии» начали разработку и утверждение в ЦК КПК документа под названием «Бороться за мобилизацию всех сил для превращения нашей страны в великое социалистическое государство». Проект был разослан во все партийные организации в качестве «тезисов для изучения и пропаганды», но известность он приобрёл как «тезисы о генеральной линии». В документе недвусмысленно говорилось о том, что большинство в ЦК КПК видит развитие страны процессом, не требующим спешки и разрушения существующей социально-экономической структуры одним махом: «...центральные задачи в этот переходный период состоят в том, чтобы за довольно длительный промежуток времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования в сельском хозяйстве, кустарной промышленности, в торговых и промышленных предприятиях, находящихся в руках частного капитала» [Ганшин: 51–52]. Для достижения поставленных задач, отмечалось в «тезисах...», требуется примерно три пятилетки. В ответ на успех сторонников «новой демократии» оппонирующая сторона смогла лишь ограничить рассылку документа партийными организациями и воспрепятствовать их публикации в печати [Там же].

Приверженцы рациональных действий в политике развития страны одержали и такую важную победу, как продвижение своей концепции социально-экономического развития в текст первой Конституции КНР. Несмотря на то, что Председателем Комитета по подготовке её проекта был Мао Цзэдун, а его оппонент – Лю Шаоци – лишь его заместителем, Основной закон Китая декларировал (ст. 1), что КНР «является государством народной демократии», которое, (ст. 4) «опираясь на государственные органы и общественные силы, путём социалистической индустриализации и социалистических преобразований обеспечивает постепенное уничтожение системы эксплуатации и построение социалистического общества» [Zhonghua renmin gongheguo...].

Представляется, что до 1956 г. включительно в противоборстве оппонирующих друг другу сторон сохранялся определённый паритет. Проводники рационального подхода добивались принятия и даже законодательного закрепления стратегически важных решений, выполнение которых их противники нередко срывали, действуя прямо противоположно. С 1955 г. невыполнение замысла генеральной линии приняло стратегически скоординированный характер: на 6 пленуме ЦК КПК в октябре 1955 г. было принято решение об ускоренном кооперировании деревни (решение выполнено к концу следующего, 1956 г.). К концу 1956 г. инициатива охватила 92 % кустарей, а к весне 1956 г. было завершено преобразование частного сектора промышленности [Ганшин: 56].

Состязание сторонников рационального и иррационального подходов к политике развития Китая всё заметнее разводило разум и волю по разные стороны. Научному и практическому обоснованию решений противопоставлялись политические технологии

обработки сознания элиты и масс. Руководящие кадры маневрировали для усиления позиций Мао Цзэдуна, побуждая лидеров оппозировавшей стороны, прежде всего Лю Шаоци, Чжоу Эньлая, Дэн Сяопина, к смене «полярности» и переходу в стан пропагандистов того волюнтаристского политического курса, которому те лишь недавно успешно противопоставляли свой курс на созидание. В практику правления был внедрён и широко применялся усвоенный из опыта внутрипартийной борьбы в СССР и апробированный Мао Цзэдуном в 1930–1940-е гг. институт идеологических кампаний и массовых «чисток». Как и в Советском Союзе, этот институт стал орудием утверждения во власти волевого начала. Объектами «чисток» становились по большей части лица, социальные группы и слои, принадлежавшие к той части общества, которую сторонники рационального решения социально-экономических задач стремились преобразовать постепенно, не рискуя разрегулированием экономических и социальных связей с последующими экономическими последствиями. В самой КПК кампания проверки и перерегистрации членов, проведённая в 1951–1953 гг., привела к выдворению из её рядов 10 % китайских коммунистов [Панцов: 534], среди которых выделялась категория «неблагонадёжных» – кадровых работников, обвинённых в стремлении направить страну по капиталистическому пути.

Состязание рационального и иррационального подходов по вопросу развития Китая в 1956 г., на VIII съезде КПК, всё ещё показывало перевес тех, кто выступал за постепенные преобразования в стране. Более того, позициям Мао Цзэдуна, его имиджу первого политика был нанесён ущерб – из Устава КПК исключили положение о руководящей роли его идей. Съезд утвердил генеральную линию, существовавшую до того времени в виде закрытых «тезисов о генеральной линии». В редакции съезда она была определена так: «В течение довольно длительного времени постепенно осуществить социалистическую индустриализацию страны и постепенно провести социалистические преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли» [Материалы VIII Всекитайского съезда: 10]. Основу социалистической экономической системы было намечено создать за три пятилетки.

Режим самовластия разрушает страну

Уже через два года обновлённый, в том числе за счёт сменивших «полярность» бывших оппонентов Мао Цзэдуна, и созданный после проведения идеологических кампаний и «чисток» состав делегатов 2 сессии VIII съезда, прошедшего в закрытом режиме, направил развитие страны новым курсом «трёх красных знамён» (новая «генеральная линия» на построение в КНР социализма по принципу «больше, быстрее, лучше, экономнее», политика «большого скачка», создание «народных коммун»). Эта линия провозглашала ничем, кроме политической воли Мао Цзэдуна, не обоснованное ускорение социально-экономических преобразований. Решения 2 сессии дали старт режиму самовластия Мао, политическую основу которого составлял не плановый подход к развитию, а культ личности, вера в дар вождя преуспевать в достижении поставленных им целей и избавлявший его от необходимости отчитываться за свои решения перед кем бы то ни было.

В 1959 г. произошло два важных для утверждения режима самовластия Мао Цзэдуна события: когда разрушительные последствия курса «трёх красных знамён» стали очевидными, Мао Цзэдун уступил пост Председателя КНР Лю Шаоци, сняв с себя тем

самым часть ответственности за вывод страны из начавшегося кризиса; на рабочем совещании ЦК КПК, перешедшем в Пленум ЦК КПК в Лушане (1959), ряд высокопоставленных партийных и государственных руководителей попытавшихся, апеллируя к уставному принципу внутрипартийной демократии, критически отозваться о политике «трёх красных знамён», был наказан лишением занимаемых постов. Таким образом была подведена черта под действием уставного принципа внутрипартийной демократии в рядах КПК, установлена монополия Мао Цзэдуна на принятие безальтернативных стратегических решений. Этим закончился первый раунд борьбы альтернативных режимов правления – персонифицированного авторитарного, с доминированием воли над разумом, и коллективистского авторитарного, разумность которого была доказана успехами восстановительного периода и первой пятилетки (1953–1957).

Провалы инициированных Мао Цзэдуном шагов в социально-экономической политике осложнили его борьбу с оппонентами в партии и государстве. Те же, выправляя в первой половине 1960-х гг. ситуацию, укрепляя реалистический контур государственного управления, объективно ставили под угрозу режим, основанный на скомпрометированном волонтаристскими проектами культе вождя. К середине 1960-х гг. Мао Цзэдун и его сторонники пришли к выводу, что возможность руководить страной в рамках конституционного поля ими исчерпана, система управления государством восстанавливается на чуждых вождю рациональных началах.

В мае 1966 г. Мао и его окружение форсировали создание политических и организационных предпосылок для разгрома всей выходящей из-под контроля системы правления и создания новой, чрезвычайной по характеру. В «Сообщении ЦК КПК от 16 мая» говорилось о необходимости борьбы с угрозой «превращения диктатуры пролетариата в диктатуру буржуазии», поскольку «в партию, правительство, армию и различные сферы культуры проникли представители буржуазии» [Усов: 14]. Под последними, разумеется, имелись в виду оппоненты курса Мао, направлявшие усилия на воссоздание рационально организованного аппарата управления, способного вернуть страну на траекторию развития. Для определения объектов политического преследования называлось два критерия – «представители буржуазии» и противники Мао Цзэдуна. Соответствие каждому из этих признаков могло служить основанием для снятия с руководящего поста.

Также были выделены сферы, подлежащие «чистке»: главный политический институт страны – правящая партия, а также СМИ, научные и культурные учреждения. Фактически преследования распространились и на органы государственной власти, госадминистрирования, экономическую систему всех уровней, исключая сельское хозяйство. Инициаторы начатых преобразований опасались, что хаос в деревне вызовет те же последствия, что и «большой скачок» – продовольственный кризис и голод [Кучук: 31]. Официально начало разгрома партийных и государственных институтов было объявлено «Постановлением о великой пролетарской культурной революции», принятым 9 пленумом ЦК КПК 8 созыва 8 августа 1966 г.

Вся прежняя система партийно-государственной власти была упразднена, за исключением продолжавших формально упоминаться в руководящих документах ЦК КПК и Политбюро ЦК КПК с его Постоянным комитетом. Не был упразднён Госсовет, понёсший, однако, структурно, функционально и персонально большие потери.

Вертикаль чрезвычайной политической власти, сохранившая в усечённом виде центральные органы КПК и Госсовет, обходилась без конституционных государственных органов, таких как Собрания народных представителей всех уровней. Она носила временный, чрезвычайный характер и не просуществовала долго. Ещё до того, как в апреле 1969 г. IX съезд КПК объявил о завершении «культурной революции», стали восстанавливаться партийные комитеты разных уровней, хунвэйбинам в июле 1968 г. было запрещено вести борьбу с применением силы. Победа Мао Цзэдуна над своими оппонентами в руководстве партии и государства утвердила режим его самовластия ценой колоссального ущерба, нанесённого стране. Дезорганизованному партийному и государственному управлению предстояло решать задачи, добавившиеся к нерешённым после «большого скачка» задачам восстановительного характера. Без отрицания самовластия эти цели оказались недостижимыми.

Отрицание этого режима началось уже на рубеже 1960–1970-х гг., одним из главных его проявлений стало возвращение к активной работе рационально мыслящих, реалистически ориентированных кадров партийных и государственных руководителей. Что касается развития страны, то борьба за саму возможность поставить такую цель велась сторонниками рационального, созидательного подхода к управлению государством все 1970-е годы. Смерть Мао Цзэдуна в сентябре 1976 г., отсутствие подготовленного ему на смену сильного преемника фактически положили конец возможности ставить амбиции самовластия выше интересов развития страны.

Деятельность Дэн Сяопина в этот период показала, что приверженность идее развития страны в состоянии побудить политика, единожды перешедшего в лагерь её разрушителей, совершить обратную смену «полярности» и использовать приобретённые знания и опыт для перезапуска проекта развития, который был прерван на два десятилетия режимом самовластия Мао Цзэдуна.

Заключение

Безусловно, деятельность Мао Цзэдуна, всегда отличавшегося стремлением к самоутверждению, содержала в разные периоды и созидательное начало, что заслуживает уважительного отношения. Однако принятая в КНР оценка его идей как варианта марксизма, адаптированного к условиям Китая первой половины и середины XX в., незаслуженно оставляет в тени творческую и самоотверженную деятельность руководителей партии и государства, открыто или неявно оппонировавших решениям Мао Цзэдуна вплоть до его кончины. Именно их работа в период с начала 1950-х и до начала 1980-х гг. своей созидательной направленностью позволила заложить социально-политический, экономический и культурный фундамент государства, вернуть ему возможность продолжить всестороннее развитие. Этой плеяде руководителей пришлось с конца 1950-х до середины 1960-х гг. удерживать страну от полного разрушения под воздействием авантюрных проектов Мао Цзэдуна («большой скачок», «народные коммуны», новая генеральная линия), а в годы «культурной революции» – сохранять систему управления государством, замещаемую временными и недолговечными чрезвычайными институтами. Пройдя такие испытания, оппонирующая Мао Цзэдуну часть правящей элиты Китая смогла найти

собственную модель развития страны, которая приносит положительные результаты уже пятое десятилетие подряд.

В связи с этим стоит отметить два момента, касающихся вышеизложенного:

1) отнесение к идеям «великого кормчего» заслуг руководителей КНР старшего поколения, обеспечивавших созидательную и стабилизирующую составляющую управления государством в 1950-1960-е гг., вопреки чинимым препятствиям, автор считает ненаучным и политически некорректным;

2) обращают на себя внимание пустоты в научном объяснении тех действий Мао Цзэдуна, которые в официальных документах КПК названы ошибочными. Такие «заблуждения» требуют глубокого научного анализа, в том числе рассмотрения действий тех руководителей, которые таким ошибкам Мао Цзэдуна оппонировали, а некоторые даже пали их жертвой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ганишин Г.А. Очерк экономики современного Китая. М.: Мысль, 1982. 316 с.

Дергачева Е.А. Рациональное и иррациональное в социотехноприродной глобализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2009. № 4(13). С. 15–20.

Кучук О.В. Экономика Китая: учебное пособие. Владивосток: Издательство Дальневосточного университета, 2010. 383 с.

Материалы VIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая. Пекин: Изд-во лит. на иностр. языках, 1956.

Панцов А.В. Мао Цзэдун. М.: Молодая гвардия, 2007. 867 с.

Усов В.Н. История КНР. В 2 т. Т. II. 1966–2004 гг.: учебник. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 718 с.

REFERENCES

Dergacheva E.A. (2009). Racional'noe i irracional'noe v sociotekhnoprirodnoy globalizacii [Rational and irrational in sociotechnological globalization]. *Srednerusskiy vestnik obshchestvennyh nauk* [Central Russian Bulletin of Social Sciences], 4(13): 15–20. (In Russian).

Ganshin G.A. (1982). Ocherk ekonomiki sovremennogo Kitaya [An outline of the economy of modern China], Moscow: Mysl'. 316 p. (In Russian).

Kuchuk O.V. Ekonomika Kitaya: uchebnoye posobiye [China's economy: tutorial], Vladivostok: Far Eastern University Publishing House, 2010. 383 p. (In Russian).

Materialy VIII Vsekitayskogo s'ezda Kommunisticheskoy partii Kitaya [Materials of the VIII All-China Congress of the Communist Party of China]. Beijing: Izd-vo lit. na inostr. yazykah [Publishing House lit. in foreign languages], 1956. (In Russian).

Pantsov A.V. (2007). Mao Tszedun [Mao Zedong], Moscow: Molodaya Gvardiya, 2007. 867 p. (In Russian).

Usov V.N. (2006). Istoriya KNR [History of the People's Republic of China], in 2 vols., vol. 2., 1966–2004: textbook. Moscow: AST: Vostok-Zapad, 2006. 718 p.

Zhongguo gongchandang zhangcheng [Chapter of the PRC]. 26.09.1956. URL: [https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%B\(1956%E5%B9%B4\)](https://zh.wikisource.org/wiki/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%B(1956%E5%B9%B4)) (accessed: 6.09.2020). (In Chinese).

Zhongguo gongchandang zhangcheng. Dangzhang quanwen (Zhongguo gongchandang di qici quanguo daibiao dahui yijiusiwu nian liu yue shiyi ri tongguo) [Charter of the Chinese Communist Party. Full text of the Charter (Adopted by the Seventh Congress of the Chinese Communist Party on June 11, 1945)]. URL: [https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B\(1945\)/9864751](https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%9B%BD%E5%85%B1%E4%BA%A7%E5%85%9A%E7%AB%A0%E7%A8%8B(1945)/9864751)(accessed: 13.05.2022). (In Chinese).

Zhonghua renmin gongheguo xianfa (1954) [Constitution of the People's Republic of China (1954)]. URL: <https://news.12371.cn/2015/03/18/ARTI1426665514681575.shtml> (accessed: 15.06.2022). (In Chinese).

Поступила в редакцию: 17.06.2022

Финальная версия: 17.06.2022

Принята к публикации: 25.06.2022

Received: 17 June 2022

Final version: 17 June 2022

Accepted: 25 June 2022

ОчеркиEssays

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-67-77

Взаимодействие АСЕАН и Индии: достижение геополитических и стратегических целей

Панкадж К. Джа

Аннотация. Юго-Восточная Азия всегда привлекала колониальные державы своим расположением в районе главных морских путей и обилием природных ресурсов. После того как многие страны региона обрели независимость (к. 1940-х – нач. 1950-х гг.), бывшие империи пытались ликвидировать идеологический разлом, возникший из-за влияния соседей ЮВА – Китая и СССР/России. Формирование АСЕАН было направлено, в первую очередь, на противодействие этому фактору, особенно – влиянию коммунистического блока. Проблема обострилась после того, как в нескольких странах Юго-Восточной Азии, таких как Индонезия и Малайзия, были отмечены народные волнения. Уже после холодной войны АСЕАН начала развивать отношения с Индией. Взаимодействие, зародившееся на культурной и религиозной основе, со временем перешло в плоскость политических задач по стимулированию новых развивающихся государств примкнуть к Движению неприсоединения. АСЕАН три десятилетия взаимодействует с Индией, возведённой в ранг партнёра по диалогу, в рамках «АСЕАН плюс один», в контексте развития стратегических связей и укрепления отношений с рядом стран Юго-Восточной Азии для решения вопросов обороны и безопасности. В 2012 г. стороны подписали соглашение о стратегическом партнёрстве. Их экономическая взаимодополняемость развивалась по мере роста индийской экономики и потребности ряда стран ЮВА в крупном рынке сбыта, таком как индийский. В настоящей статье рассматриваются различные аспекты отношений между двумя сторонами, а также предлагаются способы укрепления взаимодействия, анализируются будущие вызовы, прежде всего, в области региональной безопасности и экономики.

Ключевые слова: Юго-Восточная Азия, АСЕАН, Индия, Индокитай, Индонезия, Малайзия, Движение неприсоединения.

Автор: Панкадж К. Джа, профессор и директор Центра исследований безопасности, Глобальный университет имени О.П. Джиндала (адрес: Сонипат, Харьяна-131001, NCR Дели, Индия). ORCID: 0000-0003-1183-3633; E-mail: pankajstrategic@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Панкадж К. Джа. Взаимодействие АСЕАН и Индии: достижение геополитических и стратегических целей // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 67–77. (На англ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-67-77

ASEAN-India Interactions: Meeting geopolitical and strategic objectives

Pankaj K. Jha

Abstract. The region of Southeast Asia has always gained attention from colonial powers because it sits astride major sea lines of communications (SLOCs), and also has abundant natural resources which has fulfilled the economic ambitions of the colonial powers. Following the independence of many of the Southeast Asian countries in 1940s and early 1950s, the colonial powers tried to manage the ideological fault lines given the fact that this region lies very close to China and Russia. The formation of ASEAN was primarily to counter their ideological influence, particularly communism, after riots were seen in a few Southeast Asian countries such as Indonesia and Malaysia. India and ASEAN began to develop relations after the end of the Cold War. Their relationship, which was based on cultural and religious interactions, also fulfilled political objectives of stimulating the newly developing states to join the Non-Aligned Movement (NAM). ASEAN and India have completed nearly three decades of interaction as dialogue partners and within the frame of ASEAN plus one dialogue process, developing strategic ties and defence relations with a number of countries in Southeast Asia. In 2012 India and ASEAN also signed the strategic partnership agreement. Their economic complementarity developed with the growth of the Indian economy, as many Southeast Asian countries needed a large market like India. This paper analyzes different facets of relationships between the two sides and also proposes how the relationship can be enhanced, looking into future challenges primarily in areas of regional security and economics.

Keywords: ASEAN, India, Indochina, Indonesia, Malaysia, Southeast Asia, Non-Aligned Movement (NAM).

Author: Pankaj K. Jha, Professor and Director, Centre for Security Studies O. P. Jindal Global University (address: Sonipat, Haryana-131001, NCR of Delhi, India). ORCID: 0000-0003-1183-3633; E-mail: pankajstrategic@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Pankaj K. Jha. (2022). ASEAN-India Interactions: Meeting geopolitical and strategic objectives, *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 67–77. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-67-77

Introduction

India's partnership with ASEAN has evolved over a period of time from that of sectoral partnership (1992) to dialogue partnership (1995), and thereafter ASEAN plus one summit meeting (2002)¹ projected India as one of the major stakeholders in the Southeast Asia. The onset of the Look East Policy in early 1992 paved the way for the Act East policy, which followed in 2014. The strategic partnership agreement (2012) [Jha, Vinh, 2020] between ASEAN and India² has completed a decade of its existence and showcases the multi-faceted relationship between the two sides. For the latest decade the guests at the Republic Day parade were seen as an outlook of India

¹ India, ASEAN cooperation will be key facilitator for growth of Indo-Pacific region. The Times of India. July 18, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-asean-cooperation-will-be-key-facilitator-for-growth-of-indo-pacific-region/articleshow/65045055.cms> (accessed: 05.06.2022).

² Vision Statement, ASEAN India Commemorative Summit. URL: <https://www.mea.gov.in/bilateral-documents.htm?dtl/20982/Vision+StatementASEANIndia+Commemorative+Summit> (accessed: 05.06.2022).

in important partners. Given the importance of the Southeast Asian countries, the ten ASEAN heads of state and leaders [Roche, 2018] attended the Republic Day parade of India in 2018³, showcasing the strategic importance of the ASEAN as an organisation and its relevance for the larger geostrategic imprint of India in the Indo-Pacific region [Haushofer, 2002]. The continuation of the ASEAN division in the Ministry of External Affairs, and the regular interactions which have taken place through defence, strategic and security dialogues with various countries of Southeast Asia indicate that in the last three decades the relationship has been shaped not only by political summit meetings, but also by cultural and diasporic cooperation. India, which started as a sectoral dialogue partner in 1992, became in 1995 the full dialogue partner and also the member of the ASEAN Regional Forum in 1995/96 [Ministry...]. After becoming a dialogue partner, India graduated to the informal summit meeting known as the East Asia Summit way back in 2005. The East Asia Summit along with vital defence forums such as ASEAN Defence Ministers' Meeting Plus were also aimed at addressing the regional security issues in a nuanced way.

ASEAN and India have also worked on informal dialogue mechanisms such as Delhi Dialogue, and India has participated (even though the Prime Minister attended only once) in Shangri La dialogue⁴ to look into various facets of the relationship and work with other stakeholders in the region to bring about peace and harmony as well as maintenance of the international law and order at seas. Unvaryingly, it has been seen that the Indo-Pacific construct [Pan, 2014] and India's strategic outlook [Jha, 2019] are in the form of an arc which starts from Japan and ends at Australia, covering the Southeast Asian region [Auslin, 2010]. The relationship between India and ASEAN has been more structured because of political interactions at different levels, regular and joint secretarial level meetings as well as periodic senior officials' consultative meetings with ASEAN members countries.

Historical backdrop

Before 1992 there was no formal relationship between India and ASEAN. India's relations with Southeast Asia have been more historical and civilizational, which showcased the interactions between traders, religious preachers and people of both regions. India's policy towards Southeast Asia was staggered and centred on primarily those countries which have been under British subjugation. However, it also looked into relationship from the point of view of a larger imprint in the Southeast Asian region. Its ties with Indochina were seen from the point of view of International Control Commission (ICC), in which India mediated to bring peace in Cambodia.

During the Nehru era, primarily between the phase, when India became independent in 1947 till 1964, the Indian scholars were rather conservative in looking into cooperation with ASEAN. Since 1967 when ASEAN came into existence and Indira Gandhi formed her new government, there were certain instances when interactive process between India and ASEAN started. However, Indira Gandhi's foreign policy was lacking in terms of institutional approach to a new kind of regional organisations, which were mostly driven by the ideological priorities. India also looked

³ India, ASEAN cooperation will be key facilitator for growth of Indo-Pacific region. The Times of India. July 18, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-asean-cooperation-will-be-key-facilitator-for-growth-of-indo-pacific-region/articleshow/65045055.cms> (accessed: 05.06.2022).

⁴ Prime Minister's Keynote Address at Shangri La Dialogue. 01.06.2018. URL: <https://www.mea.gov.in/Speeches-Statements.htm?dtl/29943/Prime+Ministers+Keynote+Address+at+Shangri+La+Dialogue+June+01+2018> (accessed: 05.06.2022).

into ASEAN as a manifestation of Southeast Asia's organisational setup. However, India's approach towards ASEAN was prejudiced as it was seen more as a counter ideology against communist influence in Southeast Asia. Therefore, India tried to maintain a distance from this organisation, primarily because of its relationship with the USSR, which was thriving under the leadership of Indira Gandhi.

One must also look into the post 1970s developments under which the emergence of Islamic Republic of Iran brought to the fore the possibility of Iranian influence permeating into South Asian region. However, once the Shah of Iran was removed from power, the relationship with India became much more on the basis of *quid pro quo*. India's relationship with ASEAN states can be a manifestation of benign neglect and also lack of understanding of the larger security dynamics, given the fact that all the major powers in the region — the US, Japan, China, and the erstwhile Soviet Union, were trying to influence these developing economies.

In the politico-security dimension, India's interest in Southeast Asia before 1992 was rather indirect. Japan, which has grown its stature in Southeast Asia, had a direct interest in preserving security and had been interacting with the Southeast Asian states. Japanese forces influx in parts of Southeast Asia meant that it was a strategic periphery for Japan. China also embarked on building its relationship with Southeast Asia to secure its periphery. Since 1970s there has been relative ignorance towards each other between India and ASEAN states, but both sides were concerned with regard to adverse security developments.

As Barry Buzan [Buzan] states, the two regions are situated in two different security complexes. In the context of India-ASEAN interactions, the core issues such as regional security, peace, and prosperity were more prominent in the past. Economic interactions were subdued till the 1990s when the ASEAN countries were seen as one of the important export-oriented economies. The World Bank described them as an economic miracle and as 'new tiger' economies. The differences between China and the erstwhile Soviet Union (later Russia) and also subsequent rapprochement between China and Russia brought about a new role that these two countries were playing in Southeast Asia at that point of time. Even though it is evident, many strategic commentators in India do not acknowledge the fact that India's prime concern was to counter Chinese influence in Indochina as well as in the larger Southeast Asian region. This manifestation came because of India's inimical relationship with China after the war in 1962.

India subsequently tried to forge ties with Southeast Asian states on a bilateral basis because it felt that by dominating Southeast Asia, China could also come to dominate the South Asian region. India's interaction with the Southeast Asian states was primarily to secure the Malacca Straits and the overlapping interest in the Indian Ocean. The political security sphere of the two regions was manifested repeatedly from 1967 to early 1990s, and India was increasingly seen as a middle power and was subsequently also acknowledged as a 'swing state' which could influence things in the Southeast Asia as well as in the Indian Ocean region.

Indian approach to Southeast Asia was aimed at protecting the strategic sea lines of communication in the Indian Ocean as well as building ties with the Indian Ocean littoral countries. The evolution of IOR-ARC (in 1997) was meant to engage the periphery and build the Indian Ocean community. For India, one of the important lessons in the Second World War was when Japan was closer to Northeast India along the Imphal Kohima front. It showed that its eastern sea board was also vulnerable. Therefore, India thought that it would be better to engage the Indochina countries and Myanmar so as to secure its border in the North East. In the past India did not display

enthusiasm towards Vietnamese struggle against French occupation. This was because of the fact that India was wary of the Vietnamese communist influence which promoted a new kind of nationalism. The creation of SEATO in August 1954 after the signing of the Manila treaty also created concerns within India that this treaty would pave the way for the domination of the West over the ASEAN countries.

India's approach to non-alignment, anti-colonial struggle and its own foreign policy of non-interference and *Panchsheel* (five principles of peaceful coexistence) were seen as an insurance against the Cold War politics in late 1960s and 1970s. The unbridgeable chasm between Nehru and Sukarno on the issue of peaceful coexistence brought to the fore the challenges of leadership within developing countries when the two leaders clashed on the Cairo conference in 1964. Further in 1965 during the Afro-Asian conference India tried hard for admission of Malaysia to the conference. At that point of time there was a *Konfrontasi* going on between Malaysia and Indonesia [Pollard, 1979] and this agitated president Sukarno. During the Indo-Pakistan war in 1965, Indonesia supported Pakistan and condemned India as the aggressive side. It was also reported that Indonesia offered to attack Andaman and Nicobar chain of islands through Rando Island.

After the formation of ASEAN Prime Minister Indira Gandhi clearly remarked that India's interest in Southeast Asia should not be viewed from the academic purview and India was equally interested in developments in the Southeast Asian region. In 1967, then foreign minister of India M.C. Chagla visited Malaysia [Jha, 2017] and Singapore primarily to explore the new idea of ASEAN. While visiting Singapore, he clearly remarked that India would like to have a bilateral arrangement with Singapore and in case Singapore joined any regional cooperative organisations, India would be happy to join such a nascent grouping. However, he also added this could only happen after other members approve India's candidature to join the grouping. In the initial formation years India was not invited to join, which was not appreciated by the Indian establishment. However, from the Southeast Asian side, there is another narrative, according to which India refused to join ASEAN when it was invited to. During the period 1967-1968 American role in Vietnam and the British government decision to withdraw its operations from the East of Suez highlighted security concerns in India and Southeast Asia as well.

Within Southeast Asia this meant that Chinese influence will grow in stature and they will have to address Chinese concerns. In fact, India was apprehensive that Thailand and Philippines, which were the members of SEATO, were also invited to join the organisation, and it was seen that the influence of youth alliance partners would be paramount in it. The policymakers were wary of the neutral objective of this organisation. In the joint communique, which was released by India and Indonesia in 1993, the reference to ASEAN was made, and following the disbanding of SEATO, India started looking at ASEAN from a new perspective.

One of the major bedrocks of India's interaction with Southeast Asia, primarily Malaysia, Indonesia, and other likeminded countries, was the Non-Aligned Movement. It was also stated that India could have developed better synergies with such countries as Philippines, Singapore and Indonesia, if it had not signed the Treaty of Peace, Friendship and Cooperation with the Soviet Union in 1971. The peaceful nuclear explosion conducted by India in 1974 was seen to be in contradiction with India's resolve to promote international peace and security. The leaders of the ASEAN countries saw India's approach as an ambition to be a prospective hegemon.

India's recognition of unified Vietnam and the Kampuchean government in 1980 were few of the instances when it was seen that India was acting against peace and security in the Southeast

Asian region. During 1977-1979 India faced the first non-Congress government, and this coalition government did not pay any heed to the developments in Southeast Asia. With the resolution of the Cambodian crisis in 1991 and the disintegration of the Soviet Union, India was in a way compelled to liberalise its economy. The Southeast Asian countries, which were primarily export oriented economies, posed a wonderful example of efficient utilization of resources and harnessing the global market through promotion of trade and investment. The then Prime Minister Rajiv Gandhi visited China, Indonesia, Australia, and few other countries in late 1980s. These visits were repeated by his successor P.V. Narasimha Rao, and it was acknowledged that Southeast Asia could be an example for India to liberalise its economy and develop its constituencies in this region. During the same time the closed economies such as Vietnam also adopted *Doi Moi* program in 1986 [Jha, Vinh, 2020].

The Indian political establishment appreciated the rise of ASEAN, even though initially it was based on ideological grounds, but subsequently tried to manifest itself as a promising regional organisation. The success of ASEAN also contributed to the formation of South Asian Association for Regional Cooperation (SAARC) in 1985 [Jha, Vinh, 2020]. However, SAARC did not raise up to the standards because of political disharmony [Fernando, Jha, 2020] and differences of opinion with regard to the opening of trade as well as other related issues.

Within the Indian parliament there was also a lot of discourse related to ASEAN's development and the possibilities of engaging Southeast Asian countries through bilateral trade agreements and attracting investment from them. However, the discussion mostly related to connectivity and promotion of India in the ASEAN economic lobby and not to peace and security within the Southeast Asian region.

In the 1990s then Prime Minister P.V. Narasimha Rao visited Singapore with the purpose of expanding cooperation with Southeast Asian countries. The genesis of Look East Policy (LEP) also took shape during the same time when India became ASEAN's sectoral direct partner, then the full dialogue partner and joined ASEAN regional forum in 1996. At around the same time the ASEAN core was also expanding and the four Indochina countries — Myanmar, Cambodia, Laos and Vietnam joined the organisation, making it a comprehensive ten-member institution. Since early 1990s India signed the defence cooperation agreement with the selected ASEAN countries like Malaysia, Vietnam and few others later.

Strategic and economic underpinnings

India's eastern seaboard states such as Andaman and Nicobar Islands are critical for safeguarding its strategic periphery in the Indian Ocean region, therefore it began to pay special attention to Southeast Asian countries, particularly Malaysia, Thailand, Singapore, and Indonesia [Brewster, 2012]. A large number of scholars have stated that India is changing strategic outlook from Act East policy to the larger Indo-Pacific strategic outlook, primarily encompassing Southeast Asia, East Asia and Oceania. K. M. Panikkar in his work also suggested creating a steel ring around India's periphery in order to protect the country [Panikkar]. In that context, India needs to reconfigure its approach towards Southeast Asia. K. Subramanyam has also stated that India's natural strategic factor happens to be Indochina and therefore it should engage the strategically relevant countries such as Vietnam so as to put the pressure on China and maintain it for its own security [Subrahmanyam].

India's naval modernisation program also promoted the concept that India was trying to project power beyond the Indian Ocean region. Even though no intimidating tactics were adopted by India in the past, it gave rise to the just concern that a hegemonic India in this region would be detrimental to the interests of smaller states, which were at that time aligned with the US interests. As discussed, K. M. Panikkar proposed that India needed an oceanic policy, which could be seen as a 'steel ring around India' [Panikkar]. It could be protected through strong navy and ties with littoral countries, which were vital for India's security and prosperity. He talked about the steel ring starting from the island of Socotra (Yemen) till Singapore [Ibid]. In order to assuage the concerns of the Southeast Asian countries India has tried to sign defence cooperation agreements with them, as well as MoU on defence cooperation. The India-ASEAN Action Plan 2021-2025⁵ outlines security cooperation and maritime security as major focus areas. The document proposes that two sides would look into maritime security, search and rescue (SAR) operations, defence cooperation, security dialogue, and appropriate coordination mechanisms⁶.

The active engagement with ASEAN as an organisation after 1992 also opened possibilities for India as a dialogue partner and subsequently ASEAN-India summit, which was held in 2002. India has tried to maintain its strategic autonomy so as to protect its interests, while at the same time engaging with the United States and China. Since 2002 India has entered into strategic partnership agreements with the UK, China, Russia, the United States, and Iran. The strategic partnership agreements with Southeast Asian countries were very selective starting from Indonesia, Vietnam, Malaysia, and Singapore, clearly defining the priority frontiers for India's oceanic outreach. India has tried to prioritise its ties in 'SVIMM mode', which meant Singapore, Vietnam, Indonesia, Myanmar and Malaysia.

In terms of economic engagement India's commitment to peace, progress, and shared prosperity in Southeast Asia was articulated in the document released in 2003, which suggested the implementation of the ASEAN-India Free Trade Area by 2011. It also focused on the implementation of the early harvest program for facilitating free movement of goods, services and related economic areas. India also acknowledged the ASEAN community comprising security community, economic community and social-cultural community, that would be the major pillars for taking ASEAN forward in future.

Prime Minister Narendra Modi creatively stated that regional security in Southeast Asian region is critical for India's interests particularly in the framework of traditional and non-traditional challenges⁷. He also stated that the export of terror and increasing Islamic radicalisation through ideology of hatred and extreme violence also define the common security challenges that the two regions face. India has always acknowledged that China's assertive military behaviour in the South China Sea and the East China Sea needs to be toned down and there is a need for greater involvement of the dialogue partners in maintaining peace, tranquillity and dialogue between the claimant parties.

With regard to trade and investment India has taken slow steps in engaging with ASEAN. In terms of trade and commerce, India has always supported better ties with its eastern and western

⁵ New ASEAN-India Plan of Action (2021-2025) was adopted. URL: <https://affairsccloud.com/asean-india-ministerial-meeting-held-virtually-new-asean-india-plan-of-action-2021-2025-adopted/> (accessed: 10.06.2022).

⁶ Ibid.

⁷ India, ASEAN cooperation will be key facilitator for growth of Indo-Pacific region. The Times of India. July 19, 2018. URL: <https://timesofindia.indiatimes.com/india/india-asean-cooperation-will-be-key-facilitator-for-growth-of-indo-pacific-region/articleshow/65045055.cms> (accessed: 05.06.2022).

seaboards. The economic dimension of LEP has been substantive, because India entered into Free Trade Agreement with ASEAN after signing early harvest program with Thailand. India also signed the Comprehensive Economic Partnership Agreement (CEPA) with Malaysia and Comprehensive Economic Cooperation Agreement (CECA) with Singapore. However, one must acknowledge the fact that the negative list of items which was agreed between India and ASEAN is too long and it needs to be shortened. While the second review of India-Singapore CECA is due, there are certain problems with regard to the opening of both economies. The second review of the ASEAN-India Free Trade Agreement is also due after it has completed one whole decade after the implementation. However, given the strong lobbies on both sides particularly related to coffee, pepper, and other agricultural products, the two sides have reached a deadlock. The two-way merchandise trade between India and South East Asian countries is now more than 70 billion dollars and is expected to reach 100 billion dollars by 2025. In terms of investment flows the Southeast Asian countries have accounted for nearly 12.5 per cent of investment into India since 2000, while FDI outflows from India to ASEAN countries have been about \$38.67 billion.

In terms of trade basket India has been exporting primarily agricultural products, engineering goods, textiles, readymade garments, and chemical and related products, while ASEAN exports food and processed items, raw materials and intermediaries, and manufacturing goods. However, the two sides need to give a further impetus to the trade relationship, because it is still minuscule in comparison with the larger trade basket that the two sides have with the global community.

India also undertook a special initiative and participated in a new kind of subregional formulations — the Bay of Bengal Initiative for Multi Sectoral Technical and Economic Cooperation (BIMSTEC) in 1997 and the Mekong Ganga Cooperation (2000). The slight momentum was achieved after the BIMSTEC leaders were invited for the BRICS summit in Goa. India also acknowledged the fact that Mekong Ganga cooperation, which main objective was to promote cultural and tourist interactions, needed an economic backdrop. As a result, the Government of India proposed Mekong India Economic Corridor (MIEC), which was aimed at integrating India into the regional value chains. Under various action plans India has also focused on Cambodia, Laos, Myanmar, and Vietnam (CLMV), because of their low-cost labour, availability of land and possibility to develop manufacturing sector in these areas. The action plan released by the two sides in 2016-2020 stated that India would be working on quick impact projects in CLMV. It has been acknowledged that CLMV countries have enjoyed a certain degree of macroeconomic stability. However, the challenges faced in Myanmar after the military coup in 2021 and subsequent instability in Cambodia have been seen as a matter of concern. Another problem is the Chinese investment in Cambodia's border towns, which might influence Indian initiatives in the country.

In terms of connectivity India is also developing the initiative of connecting India's northeast region with Myanmar, Thailand and other Indochina countries. Prime Minister Atal Bihari Vajpayee once said that it would be prudent to connect Delhi with Hanoi as it would promote the tourism industry and people to people linkages⁸. One of the important incentives for India to develop its tourism circuit is to promote religious tourism, because many countries in Southeast Asia profess Theravada Buddhism.

⁸ Rail link between New Delhi, Hanoi likely: PM. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/165034.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 15.06.2022).

India-ASEAN partnership — Future Blueprint

India-ASEAN strategic partnership, which started in 2012, has opened new vistas of cooperation between the two sides on different aspects related to politics, diplomacy, economics, cultural interactions, and people to people contacts. It has been seen over a period of time that the relationship has anchored on few of the countries which have been at the cornerstone of negotiating with India on economics, trade and investment.

For the next decade, it is suggested that the two sides should look into defence exercises including maritime exercises, introduction, and anti-piracy patrols. In terms of trade and economic collaborations the two sides should look for an early review of the free trade agreement and expanding the basket of goods while reducing the negative list from both sides. This will create a parallel structure, which has not been achieved, given the fact that India has refused to be a part of RCEP. There is a lot to be done in terms of hybrid education mode and collaborations in areas such as green agriculture, food processing, energy storage facilities, marine resources, unified tourism circuits, health care facilities and sharing diagnostics data. Unlikely much was achieved in financial services, infrastructure, science and innovation. The scope of sports interactions is limited, because the two sides have not taken serious note of involving youth through badminton tests, soccer visits, tennis events and undertaking new sports, which are prevalent in India and Southeast Asia. Other areas, in which both India and ASEAN can benefit, include space assets, cyber communication protocols, encrypted military communications, nanotechnology in healthcare, robotic surgery and developing energy sufficiency through sustainable development of new technologies.

It has been found that both India and Southeast Asia could be reluctant in terms of opening up trade and movement of skilled labour. Given the fact that the two regions are developing economies and have to deal with the issues of unemployment, the political establishment is very wary of opening up. Furthermore, when one looks into different aspects enumerated in the India-ASEAN action plan 2021-2025, it is pertinent to note that there are new areas of cooperation including digital innovation, 4th industrial revolution, artificial intelligence, cognitive sciences, modelling and simulation, India-ASEAN scientist conclave, new energy sources, hybrid education, knowledge creation, developing common data sources, alternative medicine, marine resources, addressing ocean pollution and micro plastics, and working on tangible solutions to maritime security issues.

It is a well-known fact that the increased tourism between the two sides has been very effective for people to people contacts and facilitating social and cultural ties. Working on the UN sustainable development goals also requires constant efforts from both sides. In terms of nutrition, food and water security the two sides need to develop a comprehensive plan of action. Further, it has been seen that the ministerial dialogue as well as ASEAN-India summit meetings should be conducted on a regular basis.

India has been working on Quick Impact Projects (QIP) in three Indochina countries including Myanmar, and the expanse and development of these projects require a comprehensive plan of action and cohesive effort. In order to include youth into the larger efforts of integrating the region, there is a need for ASEAN-India youth dialogue which should include school and college students.

While for more than a decade the major agenda items between the two sides have been related to peace, prosperity and stability, their cooperation needs more comprehensive planning. It should be based on a larger trajectory of the relationship which includes regular political interactions at different levels and there is also a need for outlining the new avenues for trade and growth. One of

the elements is reducing the sensitive and negative list with regard to trade between the two sides. Even the review of many of the Free Trade Agreement and comprehensive economic cooperation or partnership agreement requires a little bit of wishful thinking in terms of new sectors such as processed foods, health and medical supplies, developing common data platforms for combating terrorists and their sympathisers, countering radical religious movements, and working with the United Nations on promoting regional security.

Invariably it has come to the notice that many of these initiatives related to maritime security have been ill-considered and therefore there is a need for working on implementing the provisions of the 1982 United Nations Convention on the Law of the Seas (UNCLOS) and regular dialogue between the two sides for protecting the sea lines of communication and securing maritime trade and commerce. India has at one point of time proposed a SAARC satellite, which can be also explored between India and ASEAN given the fact that the space sector is developing very fast between the two regions. This geospatial satellite would be helpful in urban planning, waste management, developing connectivity projects, and helping in tourist circuit.

As it was seen in the past, one of the important areas of cooperation is related to ASEAN convention on counter terrorism and violent extremism. The interaction between the Indian and ASEAN senior officials related to drug trafficking, tracking of transnational criminals, and comprehensive extradition treaty between the two sides would help in finding better avenues for cooperation. Capacity building particularly in vocational training is very instrumental in improving the standards of life in the relatively underdeveloped regions of South Asia. Specific programs, which sustain small scale industries can be important instruments in the resilience of the supply chains across the region.

With the terrorist activity growing in the region the two sides should also envisage common methods to combat terrorism and radicalization. It is expected that this region would be also suffering a new kind of terrorism which will be more ethnic and religion based. India will remain committed to ASEAN's role as the centre of multilateral engagement.

Conclusion

India has acknowledged that ASEAN remains central to its engagement to the region. The number of strategic partnerships, free trade agreements and even strategic dialogues with a number of Southeast Asian nations amplify this approach. The defence cooperation and developing a strategic understanding are also intrinsic to this concept. For India engagement in multilateral institutions has been fulfilling, but at times India has remained as a passive stakeholder and raising voice only when its own critical interests are hampered. India-ASEAN free trade agreement is due to third review and there are chances that the restrictions in trade imposed through negative list would be pruned. Also India has started working on connectivity projects, both physical and digital to bring about synergies with the developing economies. Its Quick Impact Projects (QIP) in the Southeast Asian region enlisted in India-ASEAN action plan 2016-2020 and its successive action plan 2021-2025 highlight the need for working together on maritime security, HADR, defence cooperation, developing road and railways networks and integrating the two regions in regional value chains. However, ASEAN nations have at time lamented India's policy towards Southeast Asia and have asked India to be a responsible active participant in the developments in the region. It can be concluded that the synergies developed between both sides have been growing and new complementarities in economic, defence and security fields are still explored.

REFERENCES

- Auslin M. (2010). Security in the Indo-Pacific Commons: Toward a Regional Strategy. Washington: American Enterprise Institute.
- Buzan B. (1988). The Southeast Asian Security Complex, *Contemporary Southeast Asia*, vol. 10, no. 1: 1-16.
- Brewster D. (2012). India as an Asia Pacific power. London; New York: Routledge, 219 p.
- Fernando S., Jha P. (2020). In pursuit of integration: Is South Asia unfit for regionalism? *The Journal of Social, Political, and Economic Studies*, 45 (3- 4): 260-287.
- Haushofer K. (2002). An English Translation and Analysis of Major Karl Ernst Haushofer's Geopolitics of the Pacific Ocean, tr. by E. Brehm, ed. and updated by L. Tambs. Lampeter: Edwin Mellor, 141 p.
- Jha P.K. (2017). India-ASEAN: An Assessment. URL: https://www.kas.de/c/document_library/get_file?uuid=ae3d5ff1-548b-c787-30e6-1c4fb7ed6823&groupId=288143 (accessed: 05.06.2022).
- Jha P.K. (2019). India's policy towards South Pacific: Expanding horizons of the Indo-Pacific region. *Maritime Affairs: Journal of the National Maritime Foundation of India*, vol. 15, issue 2: 103-112. DOI: 10.1080/09733159.2020.1716516
- Jha P.K., Vinh V.X. (2020). India, Vietnam and the Indo-Pacific: Expanding Horizons (1st ed.), London: Routledge India. DOI: 10.4324/9780429281877
- Ministry of External Affairs Report 1997, Government of India, Delhi.
- Pan Ch. (2014). The 'Indo-Pacific' and geopolitical anxieties about China's rise in the Asian regional order. *Australian Journal of International Affairs*, vol. 68, issue 4: 453-469. DOI: 10.1080/10357718.2014.884054
- Panikkar K.M. (1962). India and the Indian Ocean: An Essay on the Influence of Sea Power on Indian History, 2nd ed. London: George Allen and Unwin Ltd, 15.
- Pollard V.K. (1979). ASA and ASEAN, 1961–1967: Southeast Asian Regionalism. *Asian Survey*, vol. 10, no. 3: 244-255.
- Press Trust of India (PTI). Rail link between New Delhi, Hanoi likely: PM, September 4, 2003. URL: http://timesofindia.indiatimes.com/articleshow/165034.cms?utm_source=contentofinterest&utm_medium=text&utm_campaign=cppst (accessed: 15.06.2022).
- Roche E. (2018). India marks 69th Republic Day with all ASEAN leaders in attendance. URL: <https://www.livemint.com/Politics/xMNAVdFy3lX9WgDh7SD7uJ/India-marks-69th-Republic-Day-with-grand-parade-Asean-leade.html> (accessed. 05.06.2022).
- Subrahmanyam K. (2005). 'Does India Have a Strategic Perspective?' in: *Shedding Shibboleths: India's Evolving Strategic Outlook*. New Delhi: Wordsmiths: 4.

Поступила в редакцию: 01.06.2022
 Финальная версия: 27.06.2022
 Принята к публикации: 27.06.2022

Received: 1 June 2022
 Final version: 27 June 2022
 Accepted: 27 June 2022

Статистика. Комментарии. ЗаметкиStatistics. Comments. Notes

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-78-86

К вопросу о новом подходе к оценке научной деятельности

Д.А. Гущина

Аннотация. Российская наука переживает период кардинальных изменений, обусловленных текущей международной политической ситуацией, а также набирающими силу тенденциями в сфере Открытой науки и Открытого доступа. Многие авторитетные базы данных, такие как Web of Science и Scopus, заявляют о прекращении индексации российской периодики. Такое решение детерминировано усиливающимися западными санкциями, которые ограничивают предоставление ряда услуг и продуктов в России. Некоторые эксперты видят в этом возможность для укрепления российской науки. При этом нельзя отрицать, что без доступа к международным каталогам она будет отрезана от остального мира. В то же время ситуация может способствовать развитию отечественных наукометрических баз, таких как российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Сложившаяся конъюнктура в первую очередь требует продуманных управленческих решений Министерства науки и высшего образования Российской Федерации и, в частности, пересмотра политики Института Дальнего Востока Российской академии наук в отношении практики Открытого доступа. В статье представлена статистика и динамика количества российских статей в международных базах данных.

Ключевые слова: РИНЦ, Web of Science (WoS), Scopus, ИДВ РАН, наукометрия, Открытая наука, Открытый доступ.

Автор: Гущина Дарья Андреевна, специалист Отдела научного мониторинга и развития, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-2376-9325; E-mail: gushchina@ifes-ras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гущина Д.А. К вопросу о новом подходе к оценке научной деятельности // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 78–86. (На англ.). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-78-86

On the New Approach to the Evaluation of Scientific Activity

D.A. Gushchina

Abstract. Russian science is going through a period of some drastic changes due to the current global political situation, as well as with new tendencies regarding Open Science and Open Access policies, which are taking on. Many well reputable databases, such as Web of Science (WoS) and Scopus, declare the

termination of indexing of Russian periodicals. This decision is based on the increasing Western sanctions, which disallow providing a number of services and products in Russia. Some experts see this as an opportunity for strengthening the Russian science, while it can't be denied that it will be cut from the rest of the world without access to international databases. However, it can also assist in developing Russian scientometric databases, such as the Russian Science Citation Index (RSCI). The current conjuncture primarily requires a serious revision of the IFES RAS policy of openness of its scientific activity, as well as adoption of new managerial decisions at the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation. The article introduces statistics and dynamics regarding the amount of Russian articles in international databases.

Keywords: RSCI, Web of Science (WoS), Scopus, IFES RAS, scientometrics, Open Science, Open Access.

Author: *Gushchina Daria A.*, Specialist of the Center of Scientific Monitoring and Development, the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-2376-9325; E-mail: gushchina@ifes-ras.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

For citation: Gushchina D.A. (2022). On the New Approach to the Evaluation of Scientific Activity, *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika [East Asia: Facts and Analytics]*, 2: 78–86. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-78-86

Introduction

Open Science concept is aimed to share knowledge and make it accessible to all members of the society. This concept is assisting in making the scientific process more democratic, transparent and inclusive. The Open Science movement, which started in the 20th century, refers to various ways of discovering science, especially in the Internet age. Its first pillar is free access to scientific publications. The Budapest conference organized by the Open Society Foundations in 2001 played a crucial role in bringing this issue to the political landscape. The resulting declaration calls for the use of digital tools, such as Open archives and Open Access journals, free of charge for the reader.

Looking back, the movement for Open Science inspired the adoption of a number of regulatory and legislative measures. Thus, in 2007, the University of Liege introduced mandatory storage of its researchers' publications in its institutional Open Repository (Orbi)¹. The Netherlands, which holds the presidency of the Council of the European Union, in April 2016 called for action to transfer research funded by the European Commission to Open Science. European Commissioner Carlos Moedas presented Open Science Cloud² at an open scientific conference in Amsterdam the same year. During this meeting, the Amsterdam Call for Action in the Field of Open Science was also presented. It is a document outlining concrete actions of the European Community for the transition to Open Science³. The European Commission continues to adhere to the Open Science policy, including the development of a repository for digital research facilities, the European Open Science Cloud (EOSC) and indicators for assessing quality and impact.

Databases serve as an aid providing access to repositories and search engines with Open Access. They store academic periodicals, archives and research data. In order to be included in

¹ University of Liege Open Repository. URL: <https://orbi.uliege.be/> (accessed: 15.06.2022).

² Open Science Cloud. URL: <https://eosc-portal.eu/> (accessed: 15.06.2022).

³ The EU's Open Science policy. URL: https://ec.europa.eu/info/research-and-innovation/strategy/strategy-2020-2024/our-digital-future/open-science_en (accessed: 15.05.2022).

a database of this kind, a publisher must follow the Creative Commons (CC) license⁴, which enables free distribution of created material.

However, it must be noted that not all databases follow Open Science directives. Some suggest subscriptions or hybrid variants (partly free access to abstracts) as well as prohibition of Open Access (requirement of organizational subscription). For instance, Academic Search offers different versions of subscriptions: Complete, Elite, Premier, and Alumni Edition. Chinese database Airiti – e-content provider of Chinese academic e-journals, Taiwanese academic e-journals, classical art images has subscription access only. Nevertheless, various services grant both free and subscription access: AcademicLabs, ASCE Library, Dimensions, WorldCat.

On the one hand, Russian periodicals are striving to be indexed in well reputable bases such as Scopus, Web of Science (WoS). On the other hand, there is a clear upward trend in developing Russian alternative repositories and platforms for periodicals and scientific data, as the situation for Russian scientific and educational organizations has been seriously complicated by sanctions against Russia and its' institutions. For instance, there is a list of the leading peer-reviewed scientific journals composed by the Higher Attestation Commission of Russia in the list of periodicals, recommended for publication of the main scientific results of dissertations for the degree of candidate and doctor of sciences. At the moment it is turning into a suitable Russian alternative for reputable repositories and platforms of foreign origin.

The Current Situation

The creation of a stable system of Russian scientific journals of international level is an essential component of the success of a set of measures aimed at increasing the level of scientific output of Russian research. Without the creation of such a system, it is impossible to achieve the set performance indicators of Russian science. The purpose of supporting the system of scientific publications is to increase the effectiveness of scientific research in Russia and achieve the specified program indicators of this effectiveness.

Referring to V.V. Putin's 2012 decrees among which the significance of increasing the share of publications of Russian researchers in the total number of publications in world scientific journals was highlighted, it may be stated that the results unfortunately haven't been fully achieved. According to the decree, by 2015, the share of publications by Russian researchers in the total number of publications in world scientific journals indexed in the Web of Science database should increase to 2,44 percent⁵.

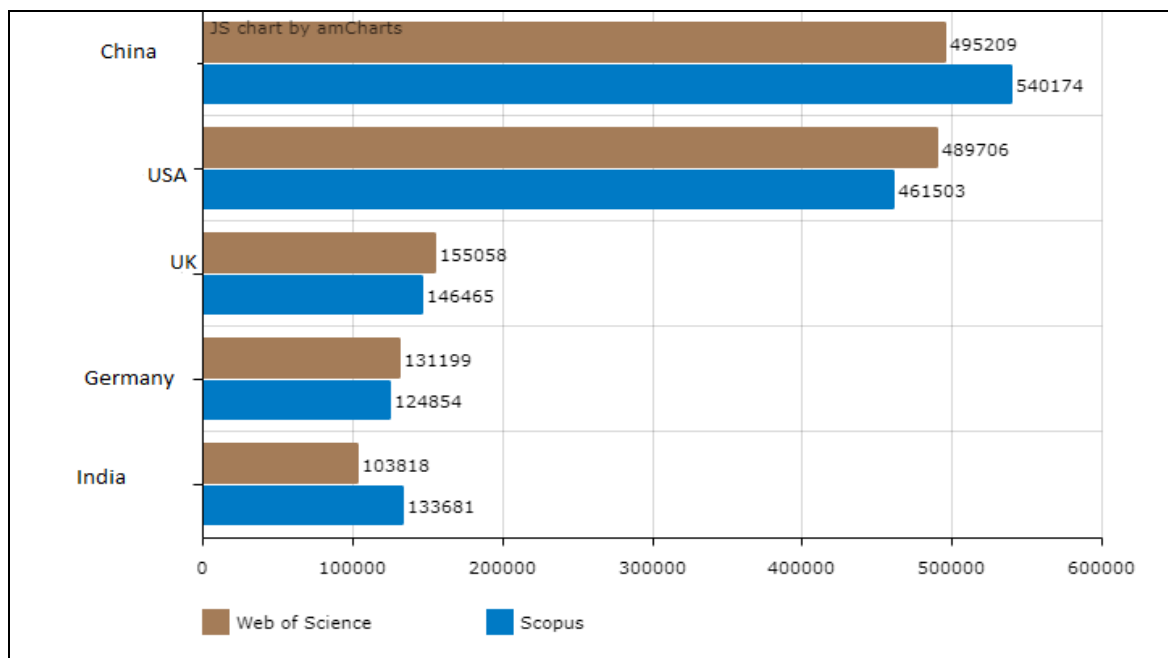
Comparing the statistics of 2020 and the one of 2009, Russia's share in the global number of citations has increased 1.75 times in Web of Science and 2.02 times in Scopus. However, the works of Russian authors are referred to much less frequently than the world's average.

At the same time, the number of articles by authors from Russia in scientific journals indexed by Web of Science (1.9 times) and Scopus (2.28 times) has advanced significantly, but this has had almost no repercussions on the country's position in world rankings.

⁴ Creative Commons (CC) license. URL: <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/> (accessed: 15.05.2022).

⁵ Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 07.05.2012 g. № 599 "O merah po realizacii gosudarstvennoy politiki v oblasti obrazovaniya i nauki" [Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2012 No. 599 "On measures to implement state policy in the field of education and science"]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35263> (accessed: 15.05.2022). (In Russian).

In 2020, as in 2009, in the ranking of countries by the sum of articles indexed in Web of Science, Russia took the 14th place (63 251 articles). In Scopus, Russia's position moved up two steps to the 12th position (73 496 articles). In both Scopus and Web of Science lagging behind the leader (China) is considerable. The leading country has 7 times more articles indexed (pic. 1) [Салтанова].

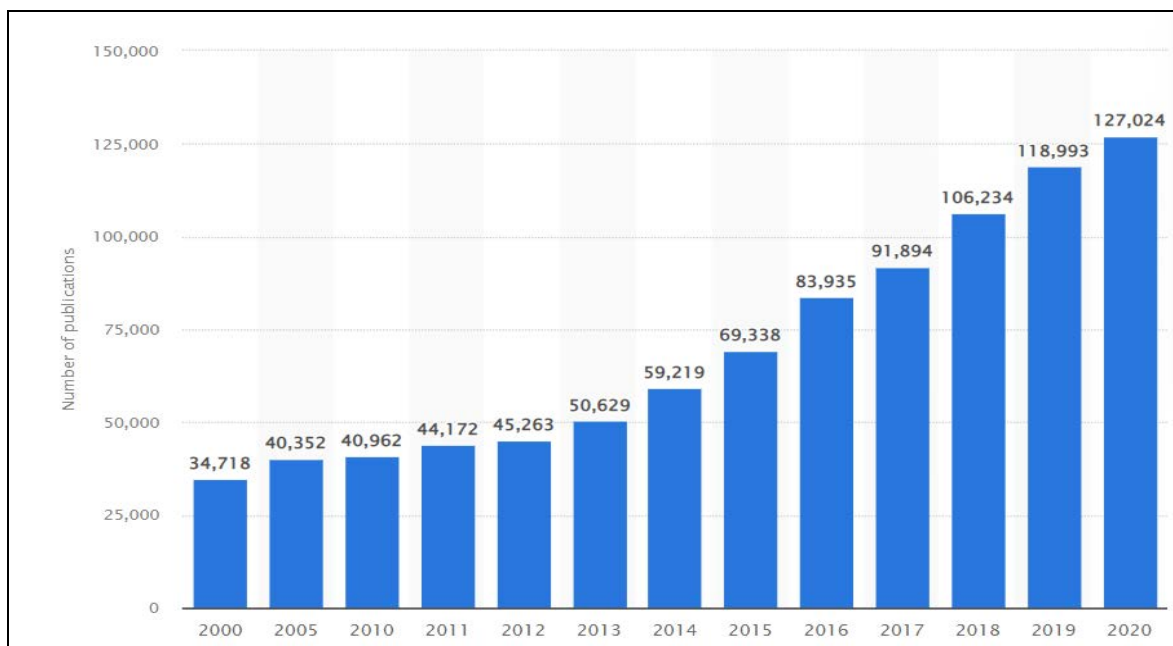
Pic. 1. Top-5 countries and their amount of publications in Web of Science and Scopus on the 4th of September 2020 (China, the USA, the UK, Germany, India).

Source: [Салтанова].

The number of scientific publications by Russian authors included into Scopus has more than tripled over the period from 2000 to 2020. In 2020, the figure reached nearly 127 thousand, which was an increment of around 8 thousand correlating with the preceding year (pic. 2). The background for it could be requirements imposed on scientists. The availability of publications in international databases can be taken into account for a variety of purposes. For example, in the current methodology, with the help of which the Ministry of evaluates to what extent organizations fulfill a state task, one of the criteria is publication activity. The highest rating is given to those scientists, who publish their articles in foreign journals. Moreover, the availability of publications in international databases (primarily Web of Science and Scopus) is a mandatory requirement for obtaining various grants.

In addition, the research productivity (how many papers are published) and (or) the influence (how often they are cited) of universities are taken into account, when compiling world rankings of educational institutions.

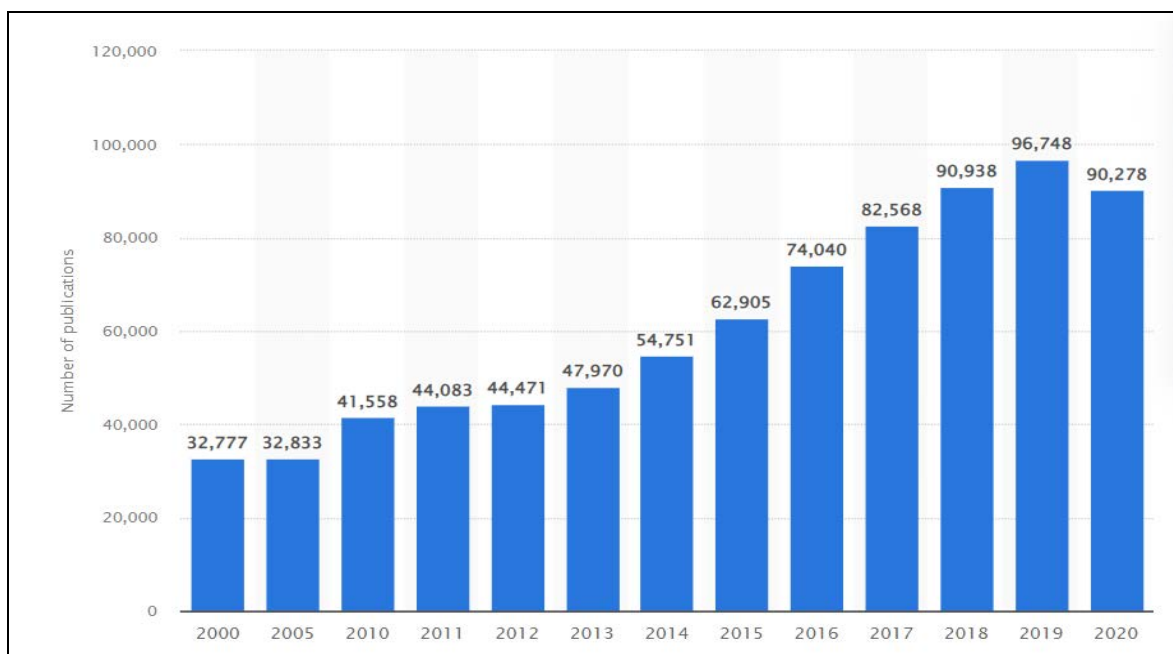
These indicators are taken into account in the category “Research” of different lists of universities and directly affect their position in the list. Moreover, some ratings cannot be entered at all without having performance thresholds.

Pic. 2. Number of publications by Russian authors indexed in Scopus from 2000 to 2020.

Source: Number of publications by Russian authors indexed in Scopus from 2000 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1148075/number-of-russian-publications-indexed-in-scopus/> (accessed: 15.05.2022).

The number of scientific publications by Russian authors included into Web of Science has multiplied significantly over the course of 20 years from 2000 to 2020. The numbers shrunk for the first time in 2020, when the number exceeded 90.278 thousand, which was a downturn by nearly 6 thousand publications compared to the previous year (pic. 3).

Pic. 3. Number of publications by Russian authors indexed in Web of Science from 2000 to 2020.

Source: Number of publications by Russian authors indexed in Scopus from 2000 to 2020. URL: <https://www.statista.com/statistics/1148082/number-of-russian-publications-indexed-in-web-of-science/> (accessed: 15.05.2022).

Considering recent political events, which are connected with the development of the Ukrainian conflict, Russian scientific society has been influenced dramatically. It can be suggested that Russian scientists are about to be cut out from the international arena. In this circumstances Russian science may appear to be rather isolated from the rest of the world. International research, scientific cooperation and access to up-to-date technologies are about to become unavailable. Connections with international scientific society might start fading. This can cause numerous issues, among which is lagging behind. This reason causes many researchers to flee the country. Difficulties do not appear to be so bad for theorists, as they keep using the Internet for communication. However, for practitioners it's comparatively challenging.

In addition, the joint suspension services statement of the publishers, announced on March 31, was signed by Elsevier, Springer Nature, IOP Publishers, Emerald Publishing and other major publishing houses⁶. Elsevier, for instance, publishes more than 2 thousand scientific journals and owns the Scopus database. The owner of the second largest database, Web of Science, Clarivate company, also reported business closure in Russia on the basis of its position against events taking place in Ukraine⁷.

Because of it, according to experts, the country will lose access to 97.5% of the world's scientific products [Дульнева].

Contemplating with the current political situation, due to restrictions on access to foreign databases and libraries, Russian databases seem to be more favorable for local scientists. The government supports scientists, so the record keeping of publications in international databases and reports at international conferences is temporarily stopped. The Ministry of Science and Higher Education supported the suspension of the indexation of publications of Russian scientists in international databases, with which the Government of the Russian Federation agreed on March 21⁸. Minister of Science and Higher Education V. Falkov called for “ensuring the support of Russian scientific publications”. Moreover, the participation of researchers in foreign scientific conferences will remain without indexing. A moratorium has been announced for the year of 2022.

Minister of Science and Education V. Falkov explained the necessity to reduce the share of bibliometric and scientometric indicators in the assessment of research teams that are engaged in fundamental, applied and socio-humanitarian research⁹.

In this necessary measure some see a step towards development of Russian periodicals and bases. As indicated on the website of the scientific electronic library Elibrary.ru, there are 18,392 scientific journals published in Russia (data from 01.06.2022). The largest publishers are the Academy of Sciences, institutes and universities.

⁶ Multi-publisher statement on Ukraine. URL: <https://www.emeraldgrouppublishing.com/multi-publisher-statement-ukraine> (accessed: 15.05.2022).

⁷ Clarivate to Cease all Commercial Activity in Russia. URL: <https://clarivate.com/news/clarivate-to-cease-all-commercial-activity-in-russia/> (accessed: 15.05.2022).

⁸ A moratorium on the availability of publications indexed in international databases has been introduced. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=48669 (accessed: 15.05.2022). (In Russian).

⁹ The authorities have imposed a moratorium on the registration of scientific articles in international publications. URL: <https://www.rbc.ru/society/21/03/2022/6238915c9a794774a68b0245> (accessed 22.06.2022). (In Russian).

The current situation	
Total number of journals	74529
Russian journals	18392
Currently published	14865
Indexed in Russian Science Citation Index	5671
Full-version publications	13399
Open access	7502
Russian journals	8157
Russian journals in open access	6832

Pic. 4. The amount of journals indexed in Elibrary.ru

Source: Elibrary.ru

In addition, for publications created in Russia, there is a list for leading journals, which has been compiling with the assistance of RAS experts for several years now. Their articles can be equated with publications in journals from the international databases as Web of Science and Scopus. Based on materials from 01.03.2021 there are 2574 scientific journals on the list¹⁰.

Russian organizations have joined the process of reviewing the assessments of scientific activity. In particular, the IFES RAS pays special attention to the problems of scientometrics [Горчакова, Казаков].

In the recent letter to the Minister of Science and Higher Education from the Acting Director of the IFES RAS, doctor of philology, K.V. Babaev, it was advised to develop a replacement for Scopus and WoS citation indexes, to adjust the criteria system¹¹.

The following new evaluation standards were mentioned:

1. The number (or score equivalent) of article publications in the RSCI system.
2. The number (or score equivalent) of article publications in the RSCI core.
3. Individual monographs published under the official stamp of scientific educational institutions.
4. The number (or score equivalent) of scientific publications included in the “Chinese National Science Knowledge Base” (CNKI), which can be equated to publications in the core of the RSCI.
5. The number (or score equivalent) of analytical notes prepared on the instructions (request) of public authorities, state corporations, other government agencies or received a positive assessment from these departments (analytical notes are equated to article publications in the

¹⁰ Spisok recenziruemyh nauchnyh izdaniy VAK 2022 [List of peer-reviewed scientific publications of the Higher Attestation Commission 2022]. URL: <https://www.internauka.org/perechen-recenziruemyh-nauchnyh-izdaniy-vak-2019-2020> (accessed: 22.06.2022). (In Russian).

¹¹ IDV RAN predlozhit Minobrnauki RF novuyu sistemu kriteriev vypolneniya Gosudarstvennogo zadaniya [IFES RAS proposed the Ministry of Education and Science of the Russian Federation a new system of criteria for the fulfillment of a State task]. URL: <https://www.ifes-ras.ru/ru-RU/news/250> (accessed: 09. 06.2022). (In Russian).

RSCI). In addition, Russian President Vladimir Putin has declared 2022-2031 the Decade of Science and Technology in Russia. By presidential decree, a coordinating committee for the Decade of Science and Technology was formed¹².

To sum up, the Ministry of Science and Higher Education stated that blocking access to the Web of Science and Scopus scientific citation databases would not cause large-scale difficulties for the Russian scientific community and would not bring irreversible consequences. The Ministry of Science and Higher Education, the Russian Academy of Sciences, heads of leading universities and research institutes of Russia are working on creating a national system for evaluating the effectiveness of research and development, the Ministry said at the time. The country also plans to create its own international citation database¹³.

Furthermore, on May 26, 2022 the RAS and National Electronic Library “eLibrary.ru” signed a new cooperation agreement¹⁴, which is the continuation and development of the previous one of July 3, 2014. Within the framework of it a bibliographic database of publications in leading Russian scientific editions was created and received recognition as Russian Science Citation Index (RSCI). This agreement is aimed at development of methodological apparatus, individual methods and tools for analysis, evaluation and selection in RSCI and the “Core of the RSCI” of works and publications of various types, including serial publications, scientific periodicals (journals), collections of scientific events of the national and international levels – seminars, conferences, congresses, as well as book publications – monographs, collections of articles and other types of works of scientific and technical literature.

Conclusion

1. Imposed sanctions and restrictions on Russian organizations regarding the admission of scientists to foreign databases of scientific citation forced the Russian Government to revise the assessment of the scientific activities of Russian scientists. The Government announced the beginning of such work.

2. The introduced restrictions have affected many scientific and educational organizations that are also interested in normalizing the situation and the emergence of adequate rules and requirements for conducting scientific research.

3. IFES RAS took part in the discussion of the new system of evaluation of scientific activity, offering the Ministry its recommendations.

4. The creation of a new system should not only minimize the damage caused by the restrictions imposed against Russia, but also lead to the intensification of scientific activity in the country, the development of science and advanced technologies. This is exactly the task that should be faced by those, who currently make decisions at the state level.

¹² Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federacii ot 25.04.2022 № 231 “Ob ob'yavlenii v Rossiyskoy Federacii Desyatiletia nauki i tekhnologii” [Decree of the President of the Russian Federation No. 231 dated 04.25.2022 “On the Declaration of the Decade of Science and Technology in the Russian Federation”]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204250022> (accessed: 07.06.2022). (In Russian).

¹³ Minobrnauki: blokirovka baz dannyh nauchnogo citirovaniya ne stanet problemoy dlya uchenykh RF [Ministry of Science and Higher Education: blocking scientific citation databases will not be a problem for Russian scientists]. URL: <https://nauka.tass.ru/nauka/14350755> (accessed: 07.06.2022). (In Russian).

¹⁴ Press-reliz o podpisanii soglasheniya o sotrudnichestve mezhdru RAN i NEB [Press release on the signing of a cooperation agreement between the RAS and National Electronic Library]. URL: https://elibrary.ru/projects/rscl/ran_2022.pdf (accessed: 07.06.2022). (In Russian).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Горчакова Т.Е., Казаков О.И. Наукометрия в Институте Дальнего Востока РАН // Восточная Азия: факты и аналитика. 2021. № 4. С. 53–62. DOI: 10.24412/2686-7702-2021-4-53-62

Дульнева М. Научная база данных Web of Science стала недоступна в России // Forbes. 2022. 4 мая. URL: <https://www.forbes.ru/society/464725-naucnaa-baza-dannyh-web-of-science-stala-nedostupna-v-rossii> (дата обращения: 15.05.2022).

Салтанова С.В. Число статей российских учёных в международных журналах увеличилось вдвое за 2009–2019 годы // ИЗИЭЗ. 2021. 15 мая. URL: <https://issek.hse.ru/news/452127240.html> (дата обращения: 15.05.2022).

REFERENCES

Gorchakova T.E., Kazakov O.I. (2021). Naukometriya v Institute Dal'nego Vostoka RAN [The Scientometrics in the Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences]. *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 4: 53–62. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2021-4-53-62.

Dulneva M. (2022). Baza dannyh Web of Science stala nedostupna v Rossii [The scientific database Web of Science has become unavailable in Russia]. *Forbes*, May 04. URL: <https://www.forbes.ru/society/464725-naucnaa-baza-dannyh-web-of-science-stala-nedostupna-v-rossii> (accessed: 15.05.2022). (In Russian).

Saltanova S.V. (2021). Chislo statey rossiyskih uchyonyh v mezhdunarodnyh zhurnalakh uvelichilos' vdvoe za 2009–2019 gody [The number of articles by Russian scientists in international journals has doubled in 2009–2019]. *ISSEK*, May 15. URL: <https://issek.hse.ru/news/452127240.html> (accessed: 15.05.2022). (In Russian).

Поступила в редакцию: 14.06.2022

Финальная версия: 20.06.2022

Принята к публикации: 22.06.2022

Received: 14 June 2022

Final version: 20 June 2022

Accepted: 22 June 2022

Обзор СМИ**Media Review**

DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-87-93

**Обзор СМИ стран Восточной Азии
(апрель – июнь 2022 г.)****Е.М. Скворцова**

Аннотация. Настоящий обзор составлен на основе материалов, опубликованных с апреля по июнь 2022 г. в некоторых СМИ стран Восточной Азии и затрагивающих наиболее актуальные для данного региона темы. Рассматривается развитие ситуации с распространением коронавируса в Шанхае, а также влияние строгого локдауна в этом крупнейшем порте на стабильность международных цепочек поставок. Кроме того, описана эпидемиологическая обстановка в КНДР, которая через два года после начала объявленной ВОЗ пандемии COVID-19 официально сообщила о первых случаях заражения этим вирусом. Рассказано о ходе и результатах президентских выборов на Филиппинах и политических планах победившего на них кандидата. Наконец, рассмотрен визит президента США Джо Байдена в Японию и Республику Корея, предложенная США Индо-Тихоокеанская экономическая рамочная программа и её возможное влияние на баланс сил в регионе.

Ключевые слова: Китай, КНДР, Республика Корея, Япония, США, Филиппины, АСЕАН, Индо-Тихоокеанская экономическая рамочная программа, Транстихоокеанское партнёрство, COVID-19, пандемия, локдаун, цепочки поставок, визит, торгово-экономическое сотрудничество, президентские выборы.

Автор: Скворцова Елизавета Михайловна, редактор-переводчик Центра научного мониторинга и развития, Институт Дальнего Востока РАН (адрес: 117997, Москва, Нахимовский пр-т, 32). ORCID: 0000-0003-0816-7377; E-mail: skvortsova@ifes-ras.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Скворцова Е.М. Обзор СМИ стран Восточной Азии (апрель – июнь 2022 г.) // Восточная Азия: факты и аналитика. 2022. № 2. С. 87–93. DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-87-93

**East Asian countries media overview
(April – June 2022)****E.M. Skvortsova**

Abstract. This review is based on the materials published in April – June 2022 in various media of East Asian countries, which cover the most relevant topics for the region during this period. The review describes the development of the situation with COVID-19 in Shanghai and the impact of a strict lockdown in the world's largest port on the stability of international supply chains. It also covers the epidemiological situation in the DPRK, which officially announced the first cases of COVID-19 infection. The results of the

presidential elections in the Philippines and the political plans of the newly elected president are also described. Finally, US President Joe Biden's visit to Japan and the Republic of Korea and the US-proposed Indo-Pacific Economic Framework are reviewed.

Keywords: China, North Korea, South Korea, Japan, USA, Philippines, ASEAN, Indo-Pacific Economic Framework, Trans-Pacific Partnership, COVID-19, pandemic, lockdown, supply chains, visit, economic and trade cooperation, presidential election.

Author: Skvortsova Elizaveta M., Editor and Translator of the Center for Scientific Monitoring and Development, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0816-7377; E-mail: skvortsova@ifes-ras.ru

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

For citation: Skvortsova E.M. (2022). Obzor SMI stran Vostochnoy Azii (aprel' – iyun' 2022 g.) [East Asian countries media overview (April – June 2022)], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika* [East Asia: Facts and Analytics], 2: 87–93. (In Russian). DOI: 10.24412/2686-7702-2022-2-87-93

Шанхай восстанавливается после локдауна

В начале 2020 г., когда пандемия COVID-19 только набирала обороты, внимание международного сообщества было приковано к ситуации в Ухане, который на несколько месяцев оказался в практически полной изоляции. Спустя два года такая же участь постигла Шанхай, крупнейший торгово-финансовый центр Китая. С конца марта вследствие резкого роста заболеваний коронавирусной инфекцией город закрылся на строжайший локдаун.

В рамках политики «нулевой терпимости» к распространению вируса, которую в других странах часто критикуют за излишнюю жёсткость, правительство КНР разработало комплекс радикальных мер, чтобы остановить вспышку заболевания. Началось массовое тестирование, город был разделён на районы, ситуация в каждом из которых контролировалась отдельно. В Шанхае закрылись торговые центры, школы и даже магазины. Многие граждане оказались «запертыми» в собственных квартирах, не имея права покинуть их без разрешения. Необходимую помощь и продукты жителям приходилось получать через врачей, волонтёров и сотрудников служб доставки, социальная значимость которых в пандемийном Китае достигла небывалого уровня. В это непростое время китайские СМИ, как видно из публикации «Жэньминь Жибао» от 23.03.2022¹, призывали население не поддаваться панике, не распространять ложную информацию и строго соблюдать все необходимые меры для скорейшего прекращения локдауна.

Столь радикальные меры действительно позволили купировать распространение вируса и снизить число заражений в городе с населением более 25 млн человек до единичных значений. Управление по контролю и профилактике заболеваемости ежедневно проводит пресс-конференции, на которых отчитывается о ситуации в городе. Так, 20 июня было выявлено всего два новых случая заражения, один из которых оказался бессимптомным, информировало Yicai в тот же день².

¹ URL: <http://sh.people.com.cn/n2/2022/0323/c138654-35187691.html> (дата обращения: 22.06.2022). (На кит.).

² URL: <https://m.yicai.com/news/101449430.html> (дата обращения: 22.06.2022). (На кит.).

Стабилизация ситуации позволила спустя два месяца ослабить ограничения. Как сообщает «Жэньминь Жибао» 31.05.2022³, с 1 июня шанхайцы получили долгожданную возможность выходить на улицу, посещать магазины и даже пользоваться общественным транспортом, разумеется, при условии отрицательного теста на коронавирус. По текущей информации, чтобы не допустить ухудшения ситуации, до конца июля власти Шанхая продолжают каждые выходные проходить массовые тестирования. Если в жилом комплексе будет выявлен случай COVID-19, всем его жителям придётся вновь уйти на временный карантин, добавляет The Japan Times 16.06.2022⁴.

Шанхай не только занимает центральное место в экономике КНР, но и является крупнейшим в мире портом, поэтому строгая изоляция города не могла не вызвать опасений у международного сообщества. В некоторых западных СМИ появились сообщения, отмечавшие, что столь категоричная политика Китая окажет отрицательное влияние на всю мировую торговлю. Правительство КНР тем не менее считает введённые меры оправданными и выступает против преувеличения возможных негативных последствий. Так, в середине апреля «Синьхуа» опубликовало комментарий⁵ по поводу ситуации в Шанхае, где заверило международные предприятия и инвесторов в том, что Китай продолжит расширять свою открытость внешнему миру и сохранит роль стабилизатора в глобальных цепочках производства и поставок. Агентство отметило, что на протяжении двух лет распространения вируса, когда другие крупные международные порты сталкивались с задержками поставок и нехваткой контейнеров, Шанхай функционировал стабильно и бесперебойно. Уже 12 лет подряд город занимает ведущее место в мире по числу обработанных контейнеров, и этот показатель продолжает возрастать – в 2021 г. он превысил 47 млн TEU (двадцатифутовых эквивалентов). «Синьхуа» подчеркнуло, что временные трудности не повлияют на решимость Китая вносить всё больший вклад в восстановление и развитие мировой экономики.

COVID-19 выявлен в КНДР

Со вспышкой эпидемии коронавируса усиленно борется не только Шанхай. В середине мая о первых случаях заболевания неожиданно объявила КНДР – страна, которая по официальным данным два года успешно избегала проникновения вируса на свою территорию. Об этом 12.05.2022 сообщило южнокорейское агентство Yonhap⁶ со ссылкой на Центральное телеграфное агентство КНДР. После того как в стране был обнаружен первый случай заражения омикрон-штаммом коронавируса, на заседании Политбюро ЦК Трудовой партии Кореи (ТПК) Ким Чен Ын назвал ситуацию «крупнейшим потрясением со времён создания страны» и призвал партийных работников приложить максимальные усилия для скорейшего предотвращения распространения вируса путём ужесточения пограничного контроля и строгих мер изоляции, пишет Yonhap 14.05.2022⁷.

³ URL: <http://society.people.com.cn/n1/2022/0531/c1008-32434298.html> (дата обращения: 22.06.2022). (На кит.).

⁴ URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/06/16/asia-pacific/shanghai-testing-covid/> (дата обращения: 22.06.2022).

⁵ URL: <https://english.news.cn/20220413/e5dcc926d7eb4f16bb3a201f5aea3dbb/c.html> (дата обращения: 22.06.2022).

⁶ URL: <https://m-en.yna.co.kr/view/AEN20220512001252325?section=nk/nk> (дата обращения: 22.06.2022).

⁷ URL: <https://m-en.yna.co.kr/view/AEN20220514000951325> (дата обращения: 22.06.2022).

Тем не менее остановить рост заболеваемости не удалось, и в стране, где по предположениям экспертов практически не проводилась вакцинация, вирус начал передаваться достаточно быстрыми темпами. Ввиду закрытости КНДР внешнему миру данные о количестве инфицированных, которые приводят разные СМИ, расходятся. Согласно информации Центрального телеграфного агентства КНДР⁸, по состоянию на 22 июня в стране было выявлено более 15 тыс. новых случаев заражения за прошедшие сутки. Число заболевших с конца апреля составило более 4,6 млн человек, из которых, согласно официальной статистике, 99,4 % уже выздоровели, а 0,5 % ещё проходят лечение.

Уже на следующий день после того, как была опубликована информация о случаях заражения, новоизбранный президент Южной Кореи Юн Сок Ёль выступил с инициативой оказать КНДР «практическую помощь» и направить в страну вакцины от коронавируса и другие необходимые медицинские средства. Yonhap 15.05.2022⁹ сообщает, что Юн Сок Ёль предложил провести переговоры с КНДР на рабочем уровне по вопросам противодействия эпидемии, которые стали бы первым диалогом двух корейских государств после его вступления в должность. Северокорейская сторона, однако, оставила это предложение без ответа. Автор статьи в South China Morning Post от 17.05.2022¹⁰ отмечает, что нежелание КНДР принимать международную помощь, которую стране в том числе предложила ВОЗ, обусловлено «невозможностью нарушить непререкаемый авторитет руководителя страны Ким Чен Ына».

Вместе с тем существует вероятность, что Пхеньян согласится рассмотреть поддержку своего главного экономического партнёра – Китая. Как сообщает Nikkei Asia 17.05.2022¹¹, страна начала с КНР переговоры о предоставлении необходимого для борьбы с вирусом оборудования. South China Morning Post 12.05.2022¹² отмечает, что вспышка коронавируса может стать серьёзным ударом для страны, учитывая её устаревшую систему здравоохранения и отсутствие вакцин. На этом фоне помощь Китая, который особое внимание уделяет «вакцинной дипломатии» и поддержке развивающихся стран в борьбе с эпидемией, может оказаться для страны одним из немногих возможных вариантов. Издание приводит слова представителя китайского МИД Чжао Лицзяня, который выразил КНДР сочувствие и отметил, что КНР готова предоставить своему соседу всю необходимую помощь.

Президентские выборы на Филиппинах

На Филиппинах 9 мая состоялись президентские выборы. Действовавший президент Родриго Дутерте выдвигать свою кандидатуру не мог: по Конституции 1987 г. руководитель страны не может занимать этот пост более одного шестилетнего срока. Согласно филиппинской избирательной системе, голосования за кандидатуры президента и вице-

⁸ URL: <https://www.kcna.kp/en/article/q/986980b03a3f9d95e1544fbec16102a2.kcmsf> (дата обращения: 22.06.2022).

⁹ URL: <https://m-en.yna.co.kr/view/AEN20220515001551320> / (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁰ URL: <https://www.scmp.com/week-asia/health-environment/article/3178011/coronavirus-unvaccinated-north-korea-reluctant-accept> (дата обращения: 22.06.2022).

¹¹ URL: <https://asia.nikkei.com/Spotlight/N-Korea-at-crossroads/North-Korea-turns-to-China-for-help-as-COVID-cases-explode> (дата обращения: 22.06.2022).

¹² URL: <https://amp.scmp.com/news/asia/east-asia/article/3177397/coronavirus-kim-jong-un-orders-all-cities-be-put-lockdown-after> (дата обращения: 22.06.2022).

президента проходят независимо друг от друга, т.е. победить могут политики, принадлежащие к разным партиям.

По данным предвыборных опросов, наибольшие шансы на победу из десяти кандидатов на пост президента были у Фердинанда Маркоса, известного как Бонгбонг. Его главным конкурентом стала единственная из претендентов женщина – Лени Робредо, занимавшая последние шесть лет пост вице-президента. В тандеме с Маркосом шла дочь Родриго Дутерте Сара – тоже единственная женщина среди девяти кандидатов на должность вице-президента¹³.

Как сообщает The Manila Times 11.05.2022¹⁴, в результате выборов, явка на которые составила около 80 %, пара Маркос – Дутерте одержала решительную победу. Маркос набрал более 31 млн голосов (58 %), в два раза больше Робредо (15 млн, или 28 % голосов). Почти такие же показатели у Сары Дутерте: 32 млн, или 61 % избирателей. Это первые выборы за последние 30 лет, на которых победитель получил поддержку абсолютного большинства избирателей. Для сравнения, в 2012 г. Дутерте набрал всего 16 млн голосов, напоминает The Manila Times. Политики должны официально вступить в должность 30 июня.

Результаты выборов вызвали недовольство у части населения Филиппин, главным образом у молодёжи, требующей демократических преобразований. Bangkok Post 10.05.2022¹⁵ сообщает о прошедших в Маниле протестах. Сторонники Лени Робредо заявили о многочисленных нарушениях, имевших место в ходе голосования. Тем не менее издание отмечает, что победу Маркоса предсказывали все предвыборные опросы, а столь огромный отрыв от других кандидатов не позволяет списать успех на нарушения процедуры.

Ожидается, что 64-летний Маркос в целом продолжит политику своего предшественника, в том числе по тем направлениям, за которые Дутерте особенно сильно критиковали: жёсткая борьба с наркотиками и стремление развивать отношения с Китаем, несмотря на нерешённые споры в Южно-Китайском море. Вместе с тем новый президент понимает, что ему предстоит балансировать между США и КНР, противостояние которых в регионе обостряется с каждым днём. CNA 26.05.2022¹⁶ приводит слова Маркоса: «Мы маленький игрок среди огромных геополитических гигантов». Он добавил, что не придерживается мышления времён холодной войны, и отметил необходимость независимой внешней политики, которая позволила бы стране сохранять дружеские отношения со всеми, не присоединяясь к какому-либо блоку. Во внутренней политике Маркос собирается уделить особое внимание постковидному восстановлению экономики, поддержке малого и среднего бизнеса, индустриализации и развитию сельского хозяйства, сообщает Kyodo News 10.05.2022¹⁷.

Фердинанд Маркос – сын и тёзка бывшего диктатора Фердинанда Маркоса, занимавшего пост президента на протяжении двадцати лет (1965–1986) и свергнутого

¹³ URL: <https://votepilipinas.com> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁴ URL: <https://www.manilatimes.net/2022/05/11/news/bbm-makes-history-with-over-31m-votes/1843212> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁵ URL: <https://www.bangkokpost.com/world/2307774/marcos-win-prompts-protests-in-the-philippines> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁶ URL: <https://www.channelnewsasia.com/asia/ferdinand-marcos-jr-bongbong-philippines-uphold-south-china-sea-ruling-2708731> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁷ URL: <https://english.kyodonews.net/news/2022/05/d387242dc09f-voting-under-way-in-philippines-to-elect-new-president.html> (дата обращения: 22.06.2022).

в результате революции. После переворота членам его семьи пришлось покинуть страну, и политическую деятельность на Филиппинах Маркос-младший продолжил уже после смерти отца. Жёсткий режим Маркоса в стране помнят до сих пор, и противники новоизбранного президента утверждают, что его истинная цель – вернуть власть, которая ранее принадлежала его семье, пишет CNA 9.05.2022¹⁸.

Байден посетил Японию и Южную Корею

Официальный визит президента США Джо Байдена в Японию и Южную Корею начался 20 мая. В рамках первого азиатского турне с момента вступления в должность Байден провёл переговоры с новоизбранным президентом Республики Корея Юн Сок Ёлем и премьер-министром Японии Фумио Кисида, а также встретился в Токио с лидерами Четырёхстороннего диалога по безопасности QUAD, оперативно сообщила The Japan News¹⁹.

В процессе диалога стороны обсудили вопросы торговли, денуклеаризацию Корейского полуострова и вспышку коронавируса в КНДР, сдерживание Китая и ситуацию на Украине. Одна из целей визита, анализирует South China Morning Post 16.05.2022²⁰, заключалась в том, чтобы убедить двух ключевых союзников Соединённых Штатов в регионе усилить давление на Россию и Китай. The Japan News также отмечает, что президент США понимает необходимость дальнейшего углубления отношений с Японией и Кореей для противостояния растущим амбициям КНР.

Важным результатом визита стало объявление о начале переговоров по реализации предложенной США Индо-Тихоокеанской экономической рамочной программы (Indo-Pacific Economic Framework, IPEF). Она объединит 13 стран: Австралию, Бруней, Вьетнам, Индию, Индонезию, Малайзию, Новую Зеландию, Сингапур, США, Таиланд, Филиппины, Южную Корею и Японию. Как информирует The Japan Times 23.05.2022²¹, взаимодействие будет вестись по четырём ключевым направлениям: цифровой экономике, в том числе разработке стандартов локализации данных и их трансграничных потоков; укреплению цепочек поставок; реализации инфраструктурных проектов чистой энергетики; введению эффективного налогообложения и программ борьбы с коррупцией.

Инициатива рассматривается как стремление США укрепить свои экономические позиции в регионе, пострадавшие после выхода страны из другого мегапроекта – Транстихоокеанского партнёрства (TPP), от участия в котором в 2017 г. отказался бывший президент Дональд Трамп. Вместе с тем реальная эффективность новой программы вызывает у многих вопросы. В частности, в отличие от ТТП она не подразумевает снижения тарифов и расширения доступа стран-участниц к американскому рынку. Для многих азиатских стран именно эти пункты являются приоритетными, заключает The Japan News.

Помимо очевидной антикитайской направленности новой программы стоит отметить, что из стран Юго-Восточной Азии в неё не вошли три государства, традиционно

¹⁸ URL: <https://www.channelnewsasia.com/asia/philippines-elections-may-9-bongbong-leni-2671736> (дата обращения: 22.06.2022).

¹⁹ URL: <https://japannews.yomiuri.co.jp/world/asia-pacific/20220520-29966/> (дата обращения: 22.06.2022).

²⁰ URL: <https://www.scmp.com/week-asia/politics/article/3177722/joe-biden-plug-indo-pacific-strategy-japan-and-south-korea-eye> (дата обращения: 22.06.2022).

²¹ URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2022/05/23/business/joe-biden-ipef-launch/> (дата обращения: 22.06.2022).

считающиеся особенно подверженными влиянию КНР: Мьянма, Лаос и Камбоджа. Это может стать ещё одним фактором, негативно влияющим на сохранение единства АСЕАН, развитие которой в последний год осложняется продолжающимся кризисом в Мьянме. Кроме того, как сообщает The Japan Times, в число участников программы не вошёл Тайвань, несмотря на выраженное островом желание присоединиться к ней.

В публикации от 20.06.2022²² Global Times приводит слова бывшего заместителя министра иностранных дел Японии Кадзуюки Хамада, который отметил, что реализация Индо-Тихоокеанской экономической рамочной программы может помочь Байдену создать образ «сильного лидера, противостоящего Китаю» перед президентскими выборами 2024 г. Вместе с тем исключение из инициативы Мьянмы, Лаоса и Камбоджи усилит разобщённость АСЕАН и вкупе с усилиями США по сдерживанию КНР поставит под угрозу экономическую и политическую стабильность в регионе, добавил политик.

Южнокорейские государственные деятели тоже выразили опасения, что участие страны в новой инициативе окажет негативное влияние на её отношения с Китаем – крупнейшим торговым партнёром Республики. Однако президент Кореи Юн Сок Ёль считает, что присоединение к рамочной программе не препятствует развитию экономических связей с Пекином и не должно рассматриваться с позиций «игры с нулевой суммой», цитирует South China Morning Post 20.05.2022²³.

Поступила в редакцию: 24.06.2022

Финальная версия: 24.06.2022

Принята к публикации: 25.06.2022

Received: 24 June 2022

Final version: 24 June 2022

Accepted: 25 June 2022

²² URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202206/1268594.shtml> (дата обращения: 22.06.2022).

²³ URL: <https://amp.scmp.com/week-asia/politics/article/3178510/joe-biden-arrives-south-korea-asia-tour-aimed-warning-allies> (дата обращения: 22.06.2022).

Новые книги**New books****КНР: ИНФРАСТРУКТУРА ТРАНСПОРТА,
ИННОВАЦИИ, ПРОЕКТ «ПОЯСА И ПУТИ»**

Монография / С.Л. Сазонов; отв. ред. В.А. Матвеев; Рос. акад. наук;
Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2022. 408 с.
ISBN 978-5-8381-0407-6

Аннотация. В монографии рассмотрены итоги развития современного транспортного комплекса КНР, которые способствовали становлению внутриотраслевых инновационных разработок, технологическому прогрессу и мультипликативному эффекту в смежных отраслях китайской экономики. Значительная часть монографии посвящена анализу внедрения в производство транспортных средств искусственных нейронных сетей, основанных на технологиях искусственного интеллекта (ИИ), Больших данных и цифровых технологиях, которые создают алгоритмы для использования ИИ и облачных вычислений в сфере автономного вождения, управления городским трафиком и превращения китайских мегаполисов в «умные города» с удобной транспортной инфраструктурой. Автором проведён анализ концептуальной эволюции инициативы «Пояс и Путь», её экономической сути, основных направлений и приоритетов. Представляет интерес рассмотрение планов руководства КНР в отношении перехода к «зелёному» и низкоуглеродному развитию и достижения углеродной нейтральности к 2060 г., которые становятся одной из центральных тем современной международной повестки дня. В монографии даётся оценка перспектив евразийской инфраструктурной интеграции в рамках ШОС, пути сопряжения российской и китайской интеграционных инициатив, таких как ЕАЭС и «Пояс и Путь», от использования синергетического эффекта которых значительную выгоду смогут получить не только РФ и КНР, но и все участники евразийского транзитного проекта.

Ключевые слова: Китай, Россия, ШОС, транспорт, инновации, «Пояс и Путь», углеродная нейтральность, евразийская интеграция, транзит.

CHINA: TRANSPORT INFRASTRUCTURE, INNOVATION, BELT AND ROAD PROJECT

S.L. Sazonov: monograph, Moscow: IFES RAS, 2022. 408 p. ISBN 978-5-8381-0407-6

Abstract. The monograph examines the results of the development of the modern PRC' transport complex, which generates sectorial innovative developments and produces technological progress and multiplicative effect in support industries of the Chinese economy. A significant part of the monograph is devoted to the analysis of the introduction of artificial neural networks based on artificial intelligence (AI), Big Data and digital technologies into the process of the vehicles production. This creates algorithms for the use of AI and cloud computing in the field of autonomous driving, urban traffic management and the transformation of Chinese megacities into smart cities with convenient transport infrastructure. The author analyzes the conceptual evolution of the Belt and Road initiative, its economic essence, main directions and priorities. It is of interest to consider plans of the Chinese leadership on transition to green and low-carbon development and the achievement of carbon neutrality by 2060, which are becoming one of the central topics of the modern international agenda. The monograph examines the prospects for the development of Eurasian infrastructure integration within the SCO, the ways of combining the Russian and Chinese integration projects of the EAEU and the Belt and Road initiative, which will give significant benefits not only to the RF and the PRC, but also to all participants of the Eurasian transit project.

Keywords: China, Russia, SCO, transport, innovation, Belt and Road, carbon neutrality, Eurasian integration, transit.

* * *

СТАНОВЛЕНИЕ И МОДЕРНИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА КИТАЯ

Монография / Н.В. Анисимцев; Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2022. 168 с. ISBN 978-5-8381-0405-2

Аннотация. Монография содержит ряд статей, написанных в 2013-2021 гг. и объединённых общей темой – гражданское право КНР и Тайваня. Работа приурочена к вступлению в силу с 1 января 2021 г. первого в истории Гражданского кодекса КНР. Параллельно на о. Тайвань действует гражданское законодательство, сформированное ещё в 1929–1930 гг. в буржуазной (гоминьдановской) республике на континенте.

Проблемы развития гражданско-правовых институтов рассматриваются в контексте модернизации китайского общества в целом и в соответствии с принятым в современной российской историографии освещением этого процесса. Книга будет полезна всем, кто хочет ознакомиться с перечисленными аспектами китаеведения.

Ключевые слова: Китайская Народная Республика, Гражданский кодекс КНР, Тайвань.

THE FORMATION AND MODERNIZATION OF THE CHINESE CIVIL LAW

N.V. Anisimtsev: monograph, Moscow: IFES RAS, 2022. 168 p. ISBN 978-5-8381-0405-2

Abstract. The monograph includes a number of articles written in 2013–2021 and united by a common theme — the civil law of the PRC and Taiwan. The publication is timed to coincide with the entry into force on January 1, 2021 of the Civil Code of the PRC, the first one in the history of the People's Republic. At the same time, Taiwan has a civil law that was formed back in 1929–1930 in the bourgeois (Kuomintang) republic on the continent. The problems of the civil law institutions development are analyzed in the context of the Chinese society modernization as a whole, in accordance with the coverage of this process accepted in modern Russian historiography. The book will be useful to anyone who wants to get acquainted with these aspects of Sinology.

Keywords: People's Republic of China, Civil Code of the People's Republic of China, Taiwan.

* * *

КИТАЙСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, КУЛЬТУРА. 2019-2021

Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока. М.: ИДВ РАН, 2022. 354 с.
ISBN 978-5-8381-0436-6

Аннотация. Информационно-аналитическое издание даёт представление о развитии КНР на современном этапе: изменениях во внутренней и внешней политике страны, в социально-экономическом развитии, в том числе в законодательстве, военной и демографической политике; о проблемах и вызовах сегодняшнего дня. Отдельная глава посвящена 100-летию юбилею

Коммунистической партии Китая.

Ключевые слова: Китай, 100-летие КПК, внутренняя и внешняя политика, законодательство, социально-экономическое развитие, российско-китайские отношения.

PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA: POLITICS, ECONOMICS, CULTURE. 2019-2021

Moscow: IFES RAS, 2022. 354 p. ISBN 978-5-8381-0436-6

Abstract. The presented publication concentrates on the development of the PRC at the present stage, covers changes in its domestic and foreign policy, in socio-economic development, including legislation, military and demographic policy; analyzes current problems and challenges. A special chapter is devoted to the 100th anniversary of the Communist Party of China.

Keywords: China, 100th anniversary of the CPC, domestic and foreign policy, legislation, social and economic development, Russian-Chinese relations.

* * *

ПОМЕЩИК ЛЮ ВЭНЬЦАЙ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРИМЕР МАНИПУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫМ СОЗНАНИЕМ В КИТАЕ

Монография / Л.И. Исаева; отв. ред. А.Е. Лукьянов;
Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 174 с.
ISBN 978-5-8381-0388-8

Аннотация. Книга написана опытным исследователем культурно-исторических традиций древнего и современного Китая: Людмила Исаева – автор девяти научных работ, посвящённых традиционной символике, религиозным течениям и верованиям, народным праздникам и фестивалям, прикладному искусству

и ремёслам, а также другим аспектам китайской культуры.

Впервые в истории отечественной синологии вниманию читателей предлагается жизнеописание известного во всём Китае помещика Лю Вэньцай, ставшего в годы Культурной революции «инструментом» в классовой борьбе. Руководство страны того периода стремилось представить его самым свирепым эксплуататором. Вокруг этого персонажа сконцентрировалось множество подтасованных фактов и лжесвидетельств. Ему приписывались чудовищные поступки и преступления, которых он на самом деле не совершал. Всё это делалось ради того, чтобы манипулировать общественным мнением с целью устранения политических противников во время и довольно долго после Культурной революции. Автор предлагает беспристрастный и объективный взгляд на личность и жизнь помещика Лю Вэньцай.

Ключевые слова: Китай, история, Лю Вэньцай, Культурная революция».

LANDOWNER LIU WENCAI: A HISTORICAL EXAMPLE OF PUBLIC CONSCIOUSNESS MANIPULATION IN CHINA

L.I. Isaeva: monograph, Moscow: IFES RAS, 2022. 174 p. ISBN 978-5-8381-0388-8

Abstract. The book was written by the experienced researcher of cultural and historical traditions of ancient and modern China. Lyudmila Isayeva is the author of nine scientific papers devoted to traditional symbols, religious trends and beliefs, folk festivals, applied arts and crafts, as well as other aspects of Chinese culture.

For the first time in the history of Russian sinology, readers are offered a biography of a landowner famous throughout China, who became an “instrument” in the class struggle within Chinese society during the Cultural Revolution. The country's leadership of that period introduced the local landowner Liu Wen-cai as the most terrible exploiter. This character was surrounded by falsified evidence and historical facts. He was credited with monstrous deeds and crimes that he did not actually commit. All this was done in order to manipulate public opinion to eliminate political opponents during and long after the Cultural Revolution. The author offers an unbiased and objective view of the personality and life of landowner Liu Wen-cai.

Keywords: China, history, Liu Wen-cai, Cultural Revolution.

* * *

СОВРЕМЕННАЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КИТАЯ: ВНЕШНИЕ И ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ

Монография / В.А. Матвеев; Рос. акад. наук; Ин-т Дальнего Востока РАН. М.: ИДВ РАН, 2022. 168 с. ISBN 978-5-8381-0435-9

Аннотация. В монографии рассматриваются перспективы энергетического рынка Китая в условиях нарастающей нестабильности в мировой энергетике, дисбаланса спроса и предложения на нефть и природный газ и масштабного развития зелёной повестки.

Особое внимание уделено анализу актуального тренда – широкомасштабного использования возобновляемых источников энергии вместо ископаемых видов топлива, так называемого энергетического перехода как нового направления развития мировой энергетике, которое оказывает воздействие и на Китай. Преобразования, закладываемые в энергопереход, влекут за собой трансформацию энергетической политики различных стран.

Автор рассматривает внешнее и внутреннее измерение современной энергетической повестки КНР. Констатируется, что её главным стратегическим приоритетом, наряду с развитием возобновляемых источников энергии, выступает масштабная газификация страны.

В книге затрагиваются и вопросы энергетической политики КНР в контексте российских интересов, включая активное участие китайских компаний в освоении арктической зоны РФ.

Монография содержит ряд материалов, апробированных в недавних работах автора и опубликованных в 2020–2021 гг., а также дополненных в настоящей книге.

Ключевые слова: Китай, энергетическая политика, возобновляемые источники энергии, энергопереход, рынок газа, ценообразование на газ, зелёная повестка.

MODERN ENERGY POLICY OF CHINA: EXTERNAL AND INTERNAL CHALLENGES

V.A. Matveev: monograph, Moscow: IFES RAS, 2022. 168 p.
ISBN 978-5-8381-0435-9

Abstract. The monograph is devoted to the prospects for the development of the energy market in China in the context of increasing instability in the global energy sector, the imbalance of supply and demand for oil and natural gas and the large-scale development of the green agenda.

Special attention is paid to the analysis of the new trend of widespread use of renewable energy sources instead of fossil fuels — the so-called energy transition as a new direction of global energy development, which has an impact on China. The transformations laid down in the energy transition entail changes in the energy policy of various countries.

The author examines the external and internal dimensions of the modern energy policy of the country. It is stated that the broad gasification of the country is positioned as the leading strategic priority of the PRC's modern energy policy, along with the development of renewable energy sources.

The book also touches on the issues of China's energy policy in the context of Russian interests, including the active participation of Chinese companies in the development of the Arctic zone of Russia.

The monograph contains a number of materials tested in the author's recent works published in 2020–2021 but augmented in this paper.

Keywords: China, energy policy, renewable energy sources, energy transition, gas market, gas pricing, green agenda.

* * *

АЗИАТСКИЕ СОСЕДИ РОССИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ В РЕГИОНАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Российская академия наук, Институт экономики; под ред.
Г.Д. Толорая. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Дашков и К°, 2022. 246 с.
ISBN 978-5-394-04849-4

Аннотация. Монография подготовлена авторским коллективом Центра российской стратегии в Азии Института экономики РАН. Это первое российское научное исследование, основанное на выводах современной транзитологии, в котором рассмотрены итоги и тенденции использования Россией потенциала постсоциалистических азиатских стран. В рамках анализа проблем и их встраивания в новую глобальную реальность дан очерк трендов азиатского регионализма, дополненный характеристикой отношений РФ с другими сопредельными странами.

Работа подготовлена известными учёными старшего поколения в соавторстве с молодыми исследователями, в том числе зарубежными. Она будет интересна специалистам по восточной политике России, а также читателям, интересующимся международной проблематикой.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия, Юго-Восточная Азия, Россия в АТР, поворот России на Восток, региональная интеграция постсоциалистических азиатских стран.

ASIAN NEIGHBORS OF RUSSIA: COOPERATION IN A REGIONAL CONTEXT

Russian Academy of Sciences, Institute of Economics; edited by G.D. Toloraya. 4th ed. Moscow:
Dashkov and Co., 2022. 246 p. ISBN 978-5-394-04849-4

Abstract. The monograph was prepared in the Center of Russia's Asian Strategy of the Institute of Economics RAS. The book is the first Russian transitology-based research on the results and prospects of Russia's cooperation with the post-socialist Asian countries as an entity, against the background of their integration into a new global reality. The authors describe the trends of Asian regionalism and the related issues of Russia's cooperation with other neighboring states.

The work was prepared by well-known scientists of the older generation in collaboration with young researchers, including foreign ones. It is aimed at specialists in the eastern politics of Russia, as well as at readers interested in international issues.

Keywords: Northeast Asia, Southeast Asia, Russia in the Asia-Pacific region, Russia's turn to the East, regional integration of post-socialist Asian countries.

* * *

ФАКТОР КИТАЯ В СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ

Доклады Института Европы. Том 387. М.: Ин-т Европы РАН, 2022.
200 с. ISBN 978-5-98163-182-5

Аннотация. Коллективная монография представляет собой результат исследований историков, политологов, экономистов и международных специалистов Института Европы РАН, Института востоковедения РАН, ИМЭМО РАН, МГИМО МИД России, НИУ ВШЭ. Главы этой книги объединяет общая задача – понять, в какой мере Китай уже присутствует в странах Средиземноморья, в чём состоит его роль в социально-экономическом и политическом развитии государств региона и каковы дальнейшие перспективы этого присутствия. Средиземноморье отличается высокой степенью неоднородности расположенных здесь стран – в политическом, историко-культурном и цивилизационном смысле. В регионе представлены члены ЕС, политически нестабильные государства Северной Африки и Ближнего Востока, всё ещё находящиеся в процессе самоопределения и нациестроительства государства Балкан, а также обладающая амбициями региональной державы Турция.

Цель исследования – изучить уникальный опыт взаимодействия, который складывается у государств региона с КНР, чтобы выявить общие черты этих стран. Для России, имеющей собственную повестку сотрудничества с государствами Средиземноморья, понимание китайского фактора в развитии региона также представляется необходимым и значимым.

Ключевые слова: Китай, Средиземноморье, Россия, Европейский союз, Ближний Восток, Северная Африка, Средиземноморский фактор, Шёлковый путь, синяя экономика, мягкая сила.

THE CHINA FACTOR IN THE MEDITERRANEAN

Reports of the Institute of Europe. Vol. 387. Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, 2022. 200 p. ISBN 978-5-98163-182-5

Abstract. This collective monograph is a result of the research conducted by political scientists, economists, historians and international relations scholars from the Institute of Europe RAS, Institute of Oriental Studies RAS, IMEMO RAS, MGIMO University, National State University Higher School of Economics. The chapters of the book share the same task – to reveal to what extent China is already present in the Mediterranean, to explore which role the PRC plays in the socio-economic and political development of the states of the region, what are the future prospects of its presence and influence. The Mediterranean is highly heterogeneous in political, historical, cultural, and civilizational sense. The region consists of the members of the European Union, politically unstable states of the Middle East and North Africa, the states of the Balkans, which are still in the process of self-determination and nation-building, and the ambitious regional power Turkey.

The study reveals the unique state experiences of relations with the PRC and identifies common features of these states. For Russia, which has its own agenda of cooperation with the

Mediterranean states, understanding the Chinese factor in the development of the region also seems necessary and significant.

Keywords: China, Mediterranean, Russia, European Union, Middle East, North Africa, Mediterranean factor, Silk Road, blue economy, soft power.

* * *

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОРЕИ: ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

Отв. ред. Р.К. Тангалычева. М.: ВЦИОМ, 2022. 372 с.
ISBN 978-5-906345-39-4

Аннотация. Коллективная монография посвящена отдельным аспектам модернизации Кореи, начиная со второй половины XIX в. и заканчивая современным этапом социокультурных изменений южнокорейского общества. Книга содержит пять разделов, которые охватывают реформы в Корее в XVIII – начале XX вв., модернизацию политических институтов и экономики Республики Корея и КНДР в наши дни, социокультурную динамику южнокорейского общества, а также процессы осовременивания в южнокорейской литературе и кинематографе.

Книга адресована историкам, политологам, социологам, экономистам, литературоведам, специалистам в области международных отношений, а также широкому кругу читателей, интересующихся междисциплинарными исследованиями современной Кореи и различными аспектами её модернизации.

Ключевые слова: Корея, реформы, экономика, модернизация, общество, культура.

MODERNIZATION OF KOREA: POLITICS, ECONOMY, SOCIETY, CULTURE

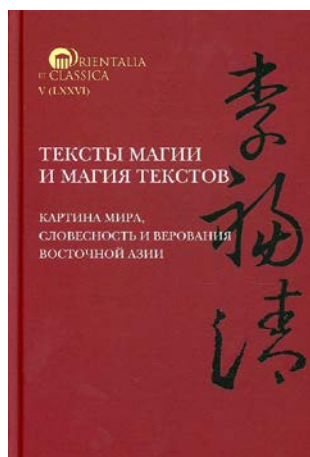
Ed. by R.K. Tangalycheva. Moscow: VCIOM, 2022. 372 p.
ISBN 978-5-906345-39-4

Abstract. The collective monograph considers certain aspects of the modernization of Korea, covering the period from the second half of the 19th century up to the current stage of sociocultural changes in South Korean society. The book consists of five sections that regard the reforms in Korea in the 18th – early 20th centuries, the current modernization of political institutions and the economy of the Republic of Korea and the Democratic People's Republic of Korea, the sociocultural dynamics of South Korean society, as well as the reflection of modernization processes in South Korean literature and cinema.

The book is addressed to historians, political scientists, sociologists, economists, literary scholars, specialists in the field of international relations, and to a wide range of readers interested in interdisciplinary studies of modern Korea and various aspects of its modernization.

Keywords: Korea, reforms, economy, modernization, society, culture.

* * *

ТЕКСТЫ МАГИИ И МАГИЯ ТЕКСТОВ: КАРТИНА МИРА, СЛОВЕСНОСТЬ И ВЕРОВАНИЯ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Науч. ред. И.С. Смирнов; сост. и отв. ред. Е.В. Волчкова,
О.М. Мазо, А.А. Соловьева, А.Б. Старостина; Нац. исслед. ун-т
«Высшая школа экономики», Ин-т классического Востока
и античности. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. 368 с.
ISBN 978-5-7598-2528-9

Аннотация. Книга посвящена видному отечественному учёному-востоковеду Б.Л. Рифтину (1932–2012) и призвана отразить широкий спектр его научных интересов и направлений профессиональной деятельности. Собранные в книге исследования основаны на материалах традиционных и современных культур Китая, Тайваня, Японии, Кореи, Вьетнама и Монголии и продолжают заложенные Б.Л. Рифтиным традиции изучения межкультурного взаимодействия, эволюции религиозных представлений, мифологических сюжетов, обрядовых и гадательных практик, а также литературных жанров.

Ключевые слова: Восточная Азия, культура, литература, ритуалы, религиозные верования.

TEXTS OF MAGIC AND THE MAGIC OF TEXTS: WORLD PICTURE, NARRATIVE CULTURE AND BELIEFS OF EAST ASIA

Scientific editor I.S. Smirnov; Executive editors E.V. Volchkova, O.M. Mazo, A.A. Solovieva,
A.B. Starostina; National Research University Higher School of Economics, Institute for Oriental
and Classical Studies. Moscow: HSE Publishing House, 2022. 368 p. ISBN 978-5-7598-2528-9

Abstract. The book is dedicated to the prominent Russian orientalist B.L. Riftin (1932–2012) and is designed to reflect the diversity of his academic interests and areas of professional activity. The research collected in the book is based on materials from the traditional and modern cultures of China, Taiwan, Japan, Korea, Vietnam and Mongolia and continues the tradition, established by B.L. Riftin, in studying the cultural interactions, the evolution of religious beliefs, mythology, ritual and divination practices, as well as literary genres.

Keywords: East Asia, culture, literature, rituals, religious beliefs.

Составитель: Пржежецкая Н.В.

Compiler: Przhezhetskaya N.V.

Научное издание

Восточная Азия: факты и аналитика
№ 2, 2022

Редактор:	Ильинская И.Д.
Редактор английских текстов:	Горчакова Т.Е.
Редактор:	Суркова Т.И.
Редактор:	Пржежецкая Н.В.
Редактор:	Скворцова Е.М.
Компьютерная вёрстка:	Суркова Т.И.
Редактор сайта:	Казakov О.И.

Дата публикации:	30.06.2022
------------------	------------

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32,
Институт Дальнего Востока РАН
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 09 13
Центр научного мониторинга и развития

Scientific edition

East Asia: Facts and Analytics
No. 2, 2022

Editor:	Ilinskaya I.D.
Editor (English):	Gorchakova T.E.
Editor:	Surkova T.I.
Editor:	Przhezhetskaya N.V.
Editor:	Skvortsova E.M.
Layout:	Surkova T.I.
Web-Site editor:	Kazakov O.I.

Date of issue:	30 June 2022
----------------	--------------

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy
of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997,
Russian Federation
- *E-mail:* eastasiajournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 (499) 124 09 13
Center for Scientific Monitoring and Development

www.eastasiajournal.ru

